

Том 15 № 5 • 2025

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2619-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Вестник
Финансового университета

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

DOAJ
DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

Bulletin
of Financial University

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Vol. 15, No. 5 • 2025

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научно-практический журнал

Том 15, № 5 (77), 2025

Издаётся с 2016 года

Периодичность: 6 раз в год

ISSN 2226-7867 (Print)

ISSN 2619-1482 (Online)

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России»: 44090

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-6707 от 15 сентября 2016 г.

Учредитель и издатель:

Финансовый университет

при Правительстве Российской Федерации

125167, Российская Федерация, Москва,

Ленинградский проспект, 49

+7 (499) 553-10-74

aaizvekova@fa.ru

humanities.fa.ru

«Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета» — рецензируемый научно-практический журнал в области общественных и гуманитарных наук, сочетающий в себе фундаментальные исследования и практическую составляющую, в котором публикуются оригинальные научные статьи, обзоры, аналитические материалы на русском языке по актуальным вопросам социологии (структура, институты, процессы), истории и теории политики, политических процессов (технологии, отрасли, институты), международных отношений, философии (история, социальная и политическая философия).

Журнал **«Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета»** индексируется в базах данных: РИНЦ, Ebsco, RePec, eLibrary.ru

Специальности ВАК:

5.4.2. Экономическая социология

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

5.5.1. История и теория политики

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

5.5.4. Международные отношения

5.7.2. История философии

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Главный редактор **А.Б. Шатилов**

Выпускающий редактор **А.А. Извекова**

Корректор **Н.В. Колобова**

Верстальщик **Е.А. Смирнова**

Переводчик **И.М. Евстратов**

Подписано в печать 22.10.2025

Формат 60 x 84 1/8.

Отпечатано в ООО «СТ», г. Воронеж

Заказ № 2507066

Выход в свет 21.11.2025

© Финансовый университет

при Правительстве Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, заместитель научного руководителя — директор Музея Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Российская Федерация

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГУ, Москва, Российская Федерация

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Российская Федерация

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета, МГУ, Москва, Российская Федерация

Кафтан В.В., доктор философских наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Российская Федерация в глобальной политике», Москва, Российская Федерация

Маматов М.А., кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры философии Ферганского государственного университета, Республика Узбекистан

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан факультета массовых коммуникаций, Венский университет, Вена, Австрия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующая кафедрой современной социологии социологического факультета МГУ, Москва, Российская Федерация

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Российская Федерация

Пляйс Я.А., доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор-исследователь, кафедра политологии факультет социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Силласте Г.Г., доктор философских наук, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Российская Федерация

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Российская Федерация

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Уилкокс К., доктор политических наук, заслуженный профессор Кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, президент, научный руководитель, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Юхно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Российская Федерация

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Deputy Scientific Director – Director of the Museum of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., Dr. Sci. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russian Federation

Baichun Ch., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., Dr. Sci. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Brodivskaya E.V., Dr. Sci. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Dolgoplov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russian Federation

Elishev S.O., Dr. Sci. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Kaftan V.V., Dr. Sci. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russian Federation

Mamatov M.A., Cand. of Historical Sciences, Dr. of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Fergana State University, Republic of Uzbekistan

Matsuzato K., Dr. Sci. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., Dr. Sci. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Osipova N.G., Dr. Sci. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ostrovsky A.V., Dr. Sci. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russian Federation

Plyays Ya.A., Dr. Sci. of Political, Dr. Sci. of Historical, Professor, Research Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Polevaya M.V., Dr. Sci. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Rastorguev S.V., Dr. Sci. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Sillaste G.G., Dr. Sci. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Truel J.-L., Dr. Sci. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russian Federation

Cui Zheng, Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russian Federation

Wilcox K., Dr. Sci. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., Dr. Sci. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russian Federation

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY

Scientific and practical journal

Vol. 15, No. 5 (77), 2025

Published Since 2016

Publication Frequency: 6 times a year

ISSN 2226-7867 (Print)

ISSN 2619-1482 (Online)

Founder and Publisher:

**Financial University under the Government
of the Russian Federation**

49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167,

Russian Federation

8 (499) 553-10-74

aaizvekova@fa.ru

humanities.fa.ru

Aims and Scope: *Humanities and Social*

Sciences. Bulletin of the Financial University

is a peer-reviewed journal in the social

sciences and humanities which blends

rigorous research with practical insights.

It publishes original articles, reviews, and

analyses in Russian on contemporary

issues in sociology, including structure,

institutions, and processes. The journal also

explores the history and theory of politics

and political processes, with a focus on

technologies, industries, and institutions.

It delves into international relations and

philosophy, covering history and social and

political philosophy.

The journal *Humanities and Social Sciences.*

Bulletin of the Financial University is indexed

in the following databases: RISC, Ebsco,

RePEC, eLibrary.ru

Editor-in-Chief **A.B. Shatilov**

Managing editor **A.A. Izvekova**

Proofreader **N.V. Kolobova**

Design & layout **E.A. Smirnova**

Translator **I.M. Evstratov**

Format 60×84 1/8.

Passed for printing 22.10.2025:

Printed in ST LLC, Voronezh

Order № 2507066

Issue Date 21.11.2025

© *Financial University*

*under the Government of the Russian
Federation*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: СОВРЕМЕННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРАХ

Шилова В.А., Плетнева М.А.

Человек и системы искусственного интеллекта:

формирование гибридной модели коммуникации. 6

Юрасов И.А., Юдина В.А., Зябликова О.А.

Единое информационное пространство России: опыт социологического исследования 17

Лань Юй

Исследования идеологии Китая в эпоху Си Цзиньпина: аналитика CiteSpace. 32

Коньков А.Е.

Параметры и механизмы латентной сферы современной политики 43

Цой Г., Смирнова А.В.

Роль социальных сетей в формировании общественного мнения в Кот-д'Ивуаре. 55

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Петросянц Д.В.

Трансформация ценностных ориентиров:

анализ духовно-нравственных проблем современного общества 69

Адамская Л.В.

Особенности управления государственными проектами в условиях кризисных ситуаций 78

Карсанова Е.С.

Управление развитием инновационными экосистемами: концептуальный аспект. 89

Маматов М.А

Дружба России и Узбекистана и философия Ферганы 98

Giuliodori Lucio

Ten Years Without Manlio Sgalambro 106

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежов Д.А., Гусаченко М.А., Савельев С.В.

Политическая культура молодых граждан Российской Федерации

через призму участия в электоральных процессах 114

Сергиенко Н.С.

Государственная национальная политика в деятельности Российско-Американской компании. . 123

Селезнев П.С., Абдурагимов З.Е.

Терроризм как социально-философская проблема 133

Максимова О.И.

Использование проектной методики при обучении английскому языку в вузе 139

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Грицай Л.А.

Социальные девиации в супружеских союзах династии Романовых:

анализ причин и последствий неравнородных браков. 147

CONTENTS

COVER STORY: MODERN COMMUNICATIVE PRACTICES IN THE POLITICAL AND SOCIAL SPHERES

Shilova V.A., Pletneva M.A.

Humans and Artificial Intelligence Systems:

Building a Hybrid Communication Model6

Yurasov I.A., Yudina V.A., Zyablikova O.A.

Russia's Unified Information Space: Sociological Research Experience17

Lan Yu

Studies of Chinese Ideology in the Era of Xi Jinping: CiteSpace Analysis.32

Konkov A.E.

Parameters and Mechanisms for the Latent Sphere of the Modern Politics43

Choi K., Smirnova A.V.

The Role of Social Media in Shaping Public Opinion in Côte d'Ivoire.55

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Petrosyants D.V.

Transformation of Value Orientations: An Analysis

of the Spiritual and Moral Problems of Modern Society.69

Adamskaya L.V.

Features of Government Project Management in Crisis Situations.78

Karsanova E.S.

Management of Innovation Ecosystems Development: Conceptual Aspect.89

Mamatov M.A.

Friendship Between Russia and Uzbekistan and the Philosophy of Ferghana98

Giuliodori Lucio

Ten Years Without Manlio Sgalambro106

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

Ezhov D.A., Gusachenko M.A., Savelyev S.V.

The Political Culture of Young Citizens of the Russian Federation

Through the Lens of Participation in Electoral Processes.114

Sergienko N.S.

State National Policy in the Activities of the Russian-American Company123

Seleznev P.S., Abduragimov Z.E.

Terrorism as a Socio-Philosophical Problem.133

Maksimova O.I.

Use of Project Methodology in Teaching English

at the Higher Education Institution139

HISTORICAL DIGRESSION

Gritsai L.A.

Social Deviations in the Marriage Unions of the Romanov Dynasty:

Analysis the Causes and Consequences of Unequal Marriages147

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-6-16

УДК 004.891:316.77+316.64:004.8(045)

Человек и системы искусственного интеллекта: формирование гибридной модели коммуникации

В.А. Шилова^а, М.А. Плетнева^б

^а Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;

^б Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются коммуникативные практики, применяемые человеком в общении с искусственными коммуникативными системами. В центре внимания находится тот уникальный гибридный характер взаимодействия, который формируется на стыке человеческих ожиданий и алгоритмических ограничений. Авторы показывают, как традиционные модели общения трансформируются, адаптируясь к новым цифровым реалиям, где собеседник лишен субъектности в привычном понимании, но при этом провоцирует сложные и порой амбивалентные формы коммуникативного поведения. Эмпирической основой исследования послужили 24 полуструктурированных интервью, анализ которых проводился в соответствии с методологией обоснованной теории. Последовательное применение открытого, осевого и избирательного кодирования позволило авторам выйти за рамки простого описания речевых тактик и осуществить концептуализацию коммуникативной практики как особой формы социального действия. Сочетание глубокого эмпирического анализа с теоретической рамкой дало возможность раскрыть глубинные механизмы взаимодействия, включая мотивационные интенции пользователей, особенности символического восприятия искусственного интеллекта и весь спектр эмоционального отклика — от любопытства и восторга до разочарования и фрустрации. В результате исследования выявлены ключевые стратегии, к которым прибегают пользователи: от утилитарного уточнения запросов и ролевого программирования до эмоционально окрашенной вежливости и игрового экспериментирования. Показано, что внешне технологически опосредованная коммуникация внутренне воспроизводит и одновременно трансформирует человеческие модели общения, создавая новый синтез рационального и социального. Таким образом, коммуникация с искусственным интеллектом предстает не как упрощенный обмен командами, а как сложный, многомерный процесс постоянной адаптации, где человек выстраивает уникальные отношения с алгоритмически организованным партнером, занимающим позицию амбивалентного псевдосубъекта.

Ключевые слова: коммуникация; искусственный интеллект; коммуникация в модели человек-искусственный интеллект; коммуникативные практики; интенциональность; обоснованная теория

Для цитирования: Шилова В.А., Плетнева М.А. Человек и системы искусственного интеллекта: формирование гибридной модели коммуникации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(5):6-16. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-6-16

ORIGINAL PAPER

Humans and Artificial Intelligence Systems: Building a Hybrid Communication Model

V.A. Shilova^a, M.A. Pletneva^b

^a Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;

^b Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article analyzes the communicative practices used by humans in communicating with artificial communication systems. The focus is on the unique hybrid nature of the interaction, which is formed at the junction of human expectations and algorithmic constraints. The authors show how traditional communication models are being transformed, adapting to new digital realities, where the interlocutor is deprived of subjectivity in the usual sense, but at the same time provokes complex and sometimes ambivalent forms of communicative behavior. The empirical basis of the study was 24 semi-

structured interviews, the analysis of which was conducted in accordance with the methodology of sound theory. The consistent use of open, axial, and selective coding allowed the authors to go beyond the simple description of speech tactics and conceptualize communicative practice as a special form of social action. The combination of deep empirical analysis with a theoretical framework made it possible to uncover the deep mechanisms of interaction, including the motivational intentions of users, the features of symbolic perception of artificial intelligence, and the entire spectrum of emotional response – from curiosity and delight to disappointment and frustration. As a result of the research, the key strategies used by users are revealed: from utilitarian query refinement and role-playing programming to emotionally tinged politeness and game experimentation. It is shown that externally technologically mediated communication internally reproduces and simultaneously transforms human communication models, creating a new synthesis of rational and social. Thus, communication with artificial intelligence appears not as a simplified exchange of commands, but as a complex, multidimensional process of constant adaptation, where a person builds a unique relationship with an algorithmically organized partner who occupies the position of an ambivalent pseudo-subject.

Keywords: communication; artificial intelligence; communication in the human-artificial intelligence model; communicative practices; intentionality; grounded theory

For citation: Shilova V.A., Pletneva M.A. Humans and artificial intelligence systems: Building a hybrid communication model. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(5):6-16. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-6-16

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникация в условиях стремительной цифровизации приобретает новые формы, охватывающие не только традиционное взаимодействие между людьми, но и взаимодействие человека с искусственно созданными агентами, в частности с системами искусственного интеллекта [1]. На фоне стремительного распространения технологий ИИ — от чат-ботов до голосовых ассистентов и генеративных моделей — складывается качественно новая ситуация, в которой субъектом повседневной коммуникации все чаще наравне с человеком становится алгоритмическая система [2]. Это обстоятельство не только расширяет границы понимания коммуникации, но и ставит под вопрос устойчивость классических социологических моделей взаимодействия, основанных на симметрии и субъектности.

В статье «Особенности коммуникативных практик в рамках человеко-машинной коммуникации», посвященной формированию теоретической составляющей исследования коммуникации человека с ИИ, мы уже концептуализировали и осмыслили понятие искусственного интеллекта как субъекта коммуникации и определили его как совокупность сформированных человеком логических, рациональных, формализованных алгоритмов, организующих процессы, имитирующие когнитивную деятельность человека, проявляющуюся в способности к принятию и обработке коммуникативных сообщений человека для воспроизведения дальнейшей ответной реакции в виде коммуникативного сообщения [3]. В данной работе проведена типологизация искусственного интеллекта, включенного в коммуникативные практики, по различным основаниям. Нами выделены типы искусственного интеллекта по способу коммуникации, уровню ИИ, способности обработки естественного языка, доступности на различных

платформах, функциям [3]. Сформированная нами ранее типология позволила провести качественное исследование коммуникативных практик человека с ИИ, результаты которого представлены в данной статье.

ОПИСАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящей статье мы опираемся на данные, собранные в ходе полуструктурированного интервью. Мы выбрали 24 информанта, распределенных по 8 человек по следующим возрастным группам: 18–34 года; 35–49 лет; 50 лет и старше.

В каждой возрастной категории сохранен гендерный баланс (50% мужчин и 50% женщин). Первичный отбор информантов осуществлялся посредством скрининговой анкеты, содержащей вопросы о демографических характеристиках (пол, возраст, профессиональная деятельность), уровне цифровой компетентности и частоте взаимодействия с ИИ. Данный этап обеспечил целенаправленный подбор участников в соответствии с критериями и целями исследования. Метод полуструктурированного интервью был выбран как наиболее релевантный способ получения детализированных данных о специфике взаимодействия пользователей с ИИ. Интервью проводились в соответствии с заранее подготовленным гайдом, содержащим ряд открытых вопросов, направленных на выявление общих тенденций и особенностей взаимодействия пользователей с системами искусственного интеллекта.

В рамках гайда особое внимание уделялось оценке удобства использования и эффективности коммуникативных практик с искусственным интеллектом. Проведенные интервью предусматривали последовательное раскрытие определенных тем. Разработанный гайд включал четыре тематических блока:

1. Информированность и общее представление о системах искусственного интеллекта.
2. Личный опыт взаимодействия с системами ИИ.
3. Опыт общения с чатами с технологией GPT, умными колонками, простыми чат-ботами в мобильных приложениях и на сайтах, голосовым ботом-оператором телефонной горячей линии.
4. Личное отношение к искусственному интеллекту.

КОДИРОВАНИЕ И АНАЛИЗ ИНТЕРВЬЮ

В ходе расшифровки интервью, направленных на выявление особенностей коммуникативных практик в системе «человек — искусственный интеллект», и кодирования данного материала нами была применена методология анализа качественных данных, основанная на принципах обоснованной теории [4]. Процедура кодирования осуществлялась в соответствии с классической трехступенчатой схемой, включающей открытое, осевое и завершающее избирательное кодирование, что позволило проследить путь от первичного выявления смысловых единиц до формулировки центральной категории и построения концептуальной модели. В результате открытого кодирования транскрибированных интервью выделено множество кодов, группируемых в концептуальные категории, отражающие ключевые черты, смыслы и формы взаимодействия человека с искусственным интеллектом. При этом структура кодов не была задана заранее: категории формировались в ходе работы с текстами на основе повторяющихся тем, поведенческих паттернов и интенций.

Ниже представлены наиболее значимые категории и примеры кодов, полученных в процессе открытого кодирования.

Одной из наиболее содержательно насыщенных стала категория вопросов «Понимание и восприятие ИИ», где фиксировались высказывания информантов, описывающих, как они концептуализируют искусственный интеллект. Участники исследования чаще всего осмыслили ИИ как инструмент, помощника или алгоритмическую систему, обладающую определенной логикой, но не наделенную сознанием или способностью к эмпатии. Так, один из информантов, отвечая на вопрос о сущности ИИ, отметил, что: «Это алгоритм, который помогает при сборе большого количества информации, структурировании, систематизировании». Для многих информантов ИИ остается функциональным и технологически ограниченным объектом, однако

в ряде случаев наблюдается тенденция к частичной субъектной репрезентации, особенно в ситуациях игрового или эмоционального взаимодействия. Например, один из информантов отметил: «Он может составить сказку на основе каких-то твоих предложений». В этом случае ИИ интерпретируется уже не как просто техническое средство, а как квазисубъект, способный на креативные формы взаимодействия.

Категория «Коммуникативные особенности и стратегии» зафиксировала разнообразные способы взаимодействия с ИИ, демонстрирующие, как пользователи адаптируются к функционалу и ограничениям цифрового собеседника. К числу устойчивых практик можно отнести: уточнение запросов, пошаговую формулировку инструкции, использование ролевых промптов (например, «представь, что ты преподаватель»), а также имитацию вежливости. Многие участники осознанно выстраивают диалог с ИИ по определенной схеме. Один из информантов отмечает: «Я в двух-трех предложениях описываю контекст... далее даю пояснение». Другой подчеркивает необходимость четкости и пошаговости: «Формулирую запрос так, чтобы он меня понял». Подобные высказывания позволяют сделать вывод о формировании у пользователей рефлексивной стратегии коммуникации с ИИ — стратегии, которая ориентирована на максимальную эффективность, но одновременно приближается по форме к межличностному взаимодействию. Не менее показательной оказалась категория «Ограничения и барьеры», в которую вошли коды, связанные с неудовлетворенностью пользователей — как по техническим, так и по содержательным причинам. Наиболее часто фиксировались жалобы на шаблонные, однотипные ответы голосовых ассистентов, а также на склонность ИИ к генерации недостоверной информации.

Один из информантов подчеркивает: «Он не пишет, что он не знает, он выдумывает», — указывая тем самым на проблему «выдуманных» фактов. Другой информант, описывая опыт взаимодействия с голосовым помощником, говорит: «Она очень глупо и позитивно отвечает. Она слишком позитивная», — что свидетельствует не только о технологической ограниченности системы, но и о неудовлетворенности эмоциональной составляющей ее коммуникативного поведения. Категория «Эмоциональный и психологический отклик» демонстрирует амбивалентную реакцию пользователей: от восторга и интереса до раздражения и разочарования. Многие информанты с энтузиазмом описывают первые впечатления от взаимодействия

с ИИ, подчеркивая скорость отклика, разнообразие вариантов, удобство. Например: «Просто был отвал башки», — говорит один из участников, описывая опыт использования ИИ в генерации визуального контента. Однако рядом с этим встречаются и опасения, связанные с возможностью подмены человеческого общения симуляцией. Как отмечает один из информантов: «Они могут заменить человека. Это, конечно, пугает».

Отдельной категорией были выделены «Сценарии использования ИИ», которые варьируются от выполнения учебных заданий, составления резюме и таблиц до генерации сказок, анекдотов и управления умным домом. Такие сценарии позволяют рассматривать взаимодействие с ИИ как многослойную практику, включающую как утилитарные, так и квазиигровые формы.

Особенно часто упоминались случаи использования ИИ в образовательных целях, при подготовке курсовых, дипломных и контрольных работ. Например: «Занималась написанием курсовой работы... просила его перефразировать текст».

Таким образом, результаты открытого кодирования позволили не только выделить несколько ключевых категорий, но и зафиксировать все многообразие смысловых направлений, в которых разворачивается взаимодействие человека с искусственным интеллектом. На этапе осевого кодирования основной задачей стало проследить, каким образом эти категории соотносятся между собой, какие связи и зависимости между ними можно установить и какие условия способствуют формированию той или иной коммуникативной практики. Если на этапе открытого кодирования внимание было сосредоточено преимущественно на фиксации повторяющихся высказываний, тем и смыслов, то теперь, на основании их систематизации, появилась возможность проследить, как отдельные аспекты опыта пользователя — когнитивные, инструментальные, эмоциональные — не просто сосуществуют, но и формируют устойчивые модели поведения в коммуникативном контакте с искусственным интеллектом.

Ниже представлена *таблица* с результатами осевого кодирования, а также ее интерпретация.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕК — ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Анализ эмпирического материала, проведенный в логике методологии обоснованной теории [4], позволил выявить не просто набор форм или техник

взаимодействия, но и устойчиво воспроизводящиеся коммуникативные практики, посредством которых пользователь выстраивает и регулирует свое общение с искусственным интеллектом [5]. При этом сами практики оказываются не только адаптивной реакцией на ограничения технологической системы, но и прямым отражением того, как человек воспринимает ИИ — как собеседника, как вспомогательный механизм или как нечто промежуточное, обладающее признаками субъектности, но не достигающее ее полноты [6].

В наиболее общем виде можно утверждать, что коммуникативные практики строятся на пересечении нескольких факторов: коммуникативной интенции, представления о возможности понимания со стороны ИИ, контекста задачи, а также эмоционального фона, сопровождающего данное взаимодействие. В этом отношении описанные нами практики представляют собой не механистические шаблоны, а динамичные, контекстуально чувствительные практики, формирующиеся в пространстве между человеческими ожиданиями и алгоритмическими ограничениями.

Важным приемом, позволяющим пользователю контролировать логику ответа, стала практика ролевого программирования, при которой ИИ заранее «назначается» на выполнение определенной роли. Это позволяет человеку не только задать рамку ожидаемого ответа, но и управлять стилем, терминологией и даже позицией, с которой искусственный интеллект должен реагировать. Стратегия особенно востребована в образовательном и профессиональном контексте, когда необходимо имитировать экспертную коммуникацию.

Информанты отмечают, что обращаются к ИИ с установкой представить себя в определенной социальной роли или позиции. Такая установка часто сопровождается уточняющим инструктажем: «представь, что ты преподаватель», «дай комментарий как эксперт по...», «ответь как специалист». Это создает иллюзию коммуникативной симметрии — несмотря на то, что взаимодействие осуществляется с программой, за счет символической ролевой разметки формируется ощущение адресного, осмысленного диалога. Стратегия ролевого программирования, таким образом, работает не только как технический прием, но и как форма социального кодирования алгоритма, встраивая его в привычную структуру взаимодействия, характерную для институциональной или повседневной речи.

Следует отметить, что данная стратегия зачастую функционирует параллельно с другими —

Таблица / Table

Результаты осевого кодирования / Axial coding results

Каузальные условия / Causal conditions	Феномен (частный) / Phenomenon (private)	Контекст / Context	Промежуточные условия / Intermediate conditions	Стратегии взаимодействия / Interaction strategies	Следствие / The consequences
Потребность в структурированной помощи, аналогичной профессиональной консультации; желание настроить ИИ под себя	Использование ролевых инструкций и промптов	Работа с текстами, курсовыми, стратегиями, Excel-документами, диссертациями	Знание формата промптов; интерес к управлению моделью; опыт предыдущих неудач	Назначение ИИ роли (эксперт, редактор, ассистент); уточнение цели, структуры, стиля	Увеличение точности ответов; рост доверия к ИИ; ощущение контроля и профессионализации взаимодействия
Фрустрация от непонимания со стороны ИИ; стремление к эффективной коммуникации	Переформулирование и уточнение запросов	Образовательные и бытовые задачи; креативные задачи, где возможны многозначности	Гибкость пользователя; желание добиться нужного результата	Деление запроса на шаги; переформулировка; повторная подача с уточнениями	Повышение релевантности ответов; обучение пользователя; осознание необходимости четкости
Неуверенность в границах общения; эмоциональная привычка к вежливости	Вежливость и антропоморфизация	Общение с чагами и колонками; непринужденные бытовые задачи	Человекоцентричная модель мышления; потребность в эмоциональном отзвоне	Использование вежливых форм («пожалуйста», «спасибо»); имитация дружеского обращения	Формирование иллюзии субъектного общения; поддержание позитивного эмоционального фона
Невозможность решить нестандартную задачу через ИИ; шаблонные или бесполезные ответы	Переключение на оператора / отказ от взаимодействия	Работа с банками, маркетплейсами, госуслугами; техподдержка	Негативный прошлый опыт; спешка; нежелание тратить время	Прерывание диалога; переход к человеческому оператору; прекращение использования	Поддержание эффективности решения задач; рост скепсиса к ИИ-интерфейсам
Потребность в удобстве, развлечении, управлении бытовыми функциями	Коммуникация через голосовых помощников	Музыкальные и погодные команды, управление светом, анекдоты, «собеседничество»	Доступность устройства, привычка к устной форме; низкий порог входа	Обыденные команды; игра, вопросы-провокации, тестирование границ возможностей	Эффект новизны; последующее привыкание или разочарование; фоновое использование
Любопытство, желание развиваться, снизить стресс, поэкспериментировать	Игровое и развлекательное взаимодействие	Сказки, мемы, генерация картинок, диалоги от лица персонажей, юмористические вопросы	Свободное время; положительный предыдущий опыт; социальный тренд	Просьбы пошутить, придумать сказку, вести диалог от имени персонажа, генерировать образ	Повышение вовлеченности; снижение страха; адаптация пользователя; формирование эмоциональной связи

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

пользователь может чередовать вежливость и жесткую утилитарность в зависимости от ситуации, задач и эмоционального состояния. Именно поэтому стратегия вежливости в данном случае не является выражением «очеловечивания» в полном смысле, а представляет собой коммуникативную настройку, направленную на достижение более комфортной и предсказуемой формы взаимодействия.

Несмотря на разнообразие тактик конструктивного взаимодействия с ИИ, в материалах интервью последовательно прослеживается иная — отказная стратегия, суть которой сводится к прекращению коммуникации с искусственным интеллектом в случае, если система демонстрирует неспособность адекватно интерпретировать сообщение или если пользователь сталкивается с ограничениями, встроенными в алгоритм. Такая стратегия проявляется как в текстовых, так и в голосовых интерфейсах, однако особенно четко она выражена в случаях использования ботов технической поддержки, банковских и сервисных систем.

Для большинства информантов важным мотивом выбора отказа от взаимодействия становится либо шаблонность ответов, либо неспособность ИИ подстроиться под специфическую коммуникативную ситуацию. Один из информантов, описывая взаимодействие с банковским чат-ботом, подчеркивает: «Он не может отработать весь функционал... ответит либо „не могу“, либо переведет на человека». Тем самым формируется модель, в рамках которой искусственный интеллект изначально рассматривается как ограниченное, «промежуточное» звено, к которому можно обратиться в расчете на простую операцию, но в случае сложности — сознательно миновать.

Также значима и эмоциональная составляющая данной практики, поскольку в ряде случаев именно раздражение, вызванное невозможностью быть понятым, становится пусковым механизмом отказа. Один из информантов описывает это следующим образом: «Раздражение вызывает то, что он не понимает, что я хочу. Я перефразирую — и все равно нет».

Таким образом, отказ от продолжения диалога с ИИ оказывается не только утилитарным решением, но и формой защиты границ коммуникации, в которой субъект стремится сохранить контроль и ощущение понимания, обращаясь к человеческому агенту.

Отдельного рассмотрения заслуживает стратегия, лежащая вне прагматического поля и связанная с теми случаями, когда искусственный интеллект

используется не для решения задач, а в качестве источника развлечения, эмоционального отвлечения или креативной игры. В таких ситуациях взаимодействие строится по иной логике — человек сознательно не требует от ИИ точности или экспертности, напротив, он использует систему как пространство для экспромта, фантазии, генерации художественных и нелинейных текстов, изображений или даже юмора.

Ряд информантов прямо сообщают об использовании ИИ с целью развлечения, например: «Что-нибудь для веселья сделать, сгенерить картинку или текст», «Попросила Алису рассказать сказку».

Такая стратегия, с одной стороны, является наибо- лее человекоцентрированной, поскольку в ней ИИ рассматривается не как инструмент, а как квазисобеседник в ролевой игре; с другой стороны, она не несет в себе требований к качеству и потому оказывается самой терпимой к ошибкам и отклонениям со стороны системы.

Игровая стратегия иллюстрирует важный сдвиг в восприятии ИИ: от «машины, дающей правильный ответ» к «алгоритму, способному на вымысел». Это влечет за собой и смещение границ субъектности, поскольку пользователь, разрешая ИИ выступать в роли сказочника, юмориста или собеседника от имени персонажа, фактически допускает возможность коммуникации вне рационального поля. Следовательно, именно в таких стратегиях — казалось бы, несерьезных — ИИ получает наибольшую свободу быть воспринятым как собеседник с элементами личности.

Наряду с утилитарными и развлекательными практиками взаимодействия с ИИ, в интервью зафиксированы случаи, когда пользователь не просто инициирует коммуникацию ради получения информации или развлечения, но переводит в пространство этой коммуникации свои эмоции, напряжение или ощущение одиночества. В этих ситуациях ИИ выступает как своего рода буфер, принимающий на себя эмоциональный «излишек» пользователя, но при этом не проявляющий ответной эмпатии.

Примеры таких ситуаций можно обнаружить как в обращениях к голосовым помощникам, так и в диалогах с текстовыми ИИ. Один из информантов, например, описывает опыт разговора с колонкой как способ переключиться в стрессовой ситуации: «Просто сказать „расскажи что-нибудь“ или „включи музыку“ — иногда этого хватает».

Здесь ИИ выступает как регулятор настроения, лишенный эмоционального ответа, но выполняющий роль инструмента самостабилизации. Это

указывает на важную социально-психологическую функцию, которую, пусть и временно, берет на себя искусственный интеллект: быть нейтральным, но доступным адресатом, не требующим усилия обратной эмпатии.

Таким образом, обобщение выявленных практик позволяет сделать вывод о том, что взаимодействие человека с искусственным интеллектом в коммуникации не сводится исключительно к одностороннему информационному запросу и техническому отклику. Напротив, оно разворачивается как сложный, многоуровневый процесс, в котором человек задействует различные формы адаптации, символического программирования, эмоциональной регуляции и даже социальной репрезентации.

Переформулировка, структурирование запроса, задание ролевой позиции, вежливость, отказ от диалога, игровое взаимодействие, а также эмоциональное делегирование — все эти практики свидетельствуют о том, что коммуникация с ИИ организуется по логике, в значительной степени приближающей ее к межличностному общению.

Вместе с тем, несмотря на наличие элементов, напоминающих живую речевую практику, пользователь сохраняет осознание условности такой коммуникации, что формирует ее принципиально особый характер. Искусственный интеллект в данной системе не воспринимается ни как полноценный субъект, ни как безусловный инструмент: напротив, он осмысливается как амбивалентный партнер, с которым можно взаимодействовать как с живым собеседником, но при этом сохраняется ощущение его иного, машинного происхождения. Эта двойственность порождает уникальную модель коммуникативного поведения, в рамках которой стратегия человека варьируется в зависимости от контекста задачи, уровня эмоционального вовлечения и предполагаемой степени «разумности» цифрового собеседника.

Именно поэтому в результате проведенного анализа нами была выведена и обоснована центральная категория, интегрирующая все выявленные паттерны и стратегии, а именно: коммуникация с искусственным интеллектом как ситуативное и целенаправленное взаимодействие с амбивалентным партнером. Данная формулировка отражает как прагматическую направленность речевого поведения пользователя, так и его готовность включать ИИ в структуру социально организованного общения, несмотря на отсутствие у последнего субъективности в полном смысле этого слова. Тем самым коммуникация с ИИ предстает не как замещающая

или упрощенная версия традиционного диалога, а как новая форма социального действия, формирующаяся в условиях цифровой среды и требующая от участника постоянного балансирования между машинной логикой и человеческими ожиданиями.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК ЧЕЛОВЕКА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В рамках настоящего исследования коммуникативная практика понимается нами как составляющая коммуникативного процесса, выражающаяся в воспроизводимых формах взаимодействия, преобразующихся и изменяющихся в зависимости от контекста протекающей коммуникации, коммуникативного партнера, коммуникативных интенций, а также формы и способов воспроизведения данной коммуникации [7].

Исходя из предложенной дефиниции представляется логичным сосредоточить аналитическое внимание не только на формах взаимодействия, возникающих между человеком и искусственным интеллектом, но и на тех смысловых и поведенческих структурах, которые формируются в результате такого взаимодействия и модифицируются в зависимости от конкретных условий, технологических интерфейсов и интенциональных настроек субъекта [8].

Особое место в характеристике коммуникативных практик взаимодействия человека с искусственным интеллектом занимает социальный и эмоциональный опыт, сопряженный с актом коммуникации. Если в рамках традиционных межличностных взаимодействий эмоциональный компонент выступает как неотъемлемый модуль речевого поведения, обусловленный культурными нормами, контекстом и структурой социальных ролей, то в случае общения с искусственным интеллектом эмоциональное вовлечение оказывается феноменом вторичным — не запрограммированным системой, но возникающим в сознании и переживании пользователя как форма ответа на речевую симуляцию, представленную цифровым собеседником.

На уровне эмпирических данных прослеживается четкая амбивалентность данного опыта. С одной стороны, информанты регулярно описывают свое первое взаимодействие с ИИ в терминах удивления, любопытства, удовольствия и даже восхищения, порожденного способностью системы быстро, связно и стилистически уместно формулировать ответы. Однако по мере наращивания опыта общения и накопления эпизодов, в которых ИИ демонстрирует

предсказуемость, шаблонность или неспособность к адаптивности, пользователь все чаще испытывает фрустрацию, досаду или ироничное отчуждение. Эмоциональная кривая, таким образом, строится по траектории от восторженного эффекта новизны к рационализированной терпимости или осознанному отказу от симулированной эмпатии.

Нередко наблюдается стремление компенсировать отсутствие эмоциональной отзывчивости со стороны ИИ путем введения в речь элементов вежливости, дружелюбия или юмора, что воспринимается пользователем как необходимое условие комфорта. В таких случаях речь идет не просто о стиле коммуникации, а о внутреннем состоянии субъекта, ищущего в ИИ не ответ как таковой, а контакт, пусть даже формально-односторонний. Как показал проведенный анализ, именно в этой плоскости происходит частичная персонализация цифрового собеседника: когда эмоциональное состояние пользователя — будь то скука, тревожность или потребность в отвлечении — формирует рамку, в которой искусственный интеллект начинает восприниматься как возможный участник эмоционально насыщенного, хотя и одностороннего, взаимодействия.

Тем не менее, несмотря на отдельные эпизоды позитивного включения ИИ в эмоционально окрашенную коммуникацию, подавляющее большинство информантов сохраняют дистанцию, отказывая искусственному интеллекту в праве быть полноправным собеседником. Он описывается как «помощник», «инструмент», «алгоритм», «набор слов», но не как субъект, обладающий эмпатией, интуицией или личностной позицией.

Возникает противоречивое состояние: с одной стороны, пользователь вовлечен в процесс, воспринимает его как значимый и потенциально поддерживающий; с другой — осознанно маркирует границу, не позволяя себе выйти за пределы утилитарной рамки. Такая эмоционально-социальная амбивалентность и является одной из ключевых особенностей коммуникативной практики в цифровом формате — практики, в которой эмоциональный компонент не возникает «по ту сторону» системы, а полностью принадлежит и регулируется только одним участником — человеком.

Таким образом, анализ коммуникативных интенций, основанный как на эмпирических данных, так и на теоретической концепции Т.М. Дридзе, позволяет утверждать, что в коммуникации с ИИ человек не просто «вводит команды», но действует как речевой субъект, выбирающий ту или иную

форму и стратегию в зависимости от внутреннего мотива, ситуации и контекста. Эта интенциональная многослойность и составляет основу вариативности коммуникативных практик в цифровом взаимодействии*.

Рассматривая особенности коммуникативных практик, нельзя обойти вниманием специфику содержания и формы высказываний, возникающих в процессе взаимодействия человека и искусственного интеллекта. В отличие от традиционной межличностной коммуникации, в которой содержание сообщения тесно связано с контекстом социальной роли, интонацией, невербальными знаками и множеством латентных параметров, коммуникация с ИИ оказывается предельно рационализированной, структурированной и контекстуально ограниченной.

Прежде всего следует отметить, что тематический спектр содержания в коммуникации с ИИ, как правило, определяется целевой направленностью задачи. В эмпирическом материале преобладают запросы, связанные с образованием (написание текстов, перефразирование, подготовка курсовых), работой (генерация резюме, составление писем, Excel-формулы), бытом (инструкции, рецепты, команды), а также досугом (сказки, анекдоты, музыка). Это говорит о том, что пользователь обращается к ИИ в ситуациях, где требуется либо четкая структура, либо шаблонное решение, что и формирует соответствующий формат высказываний.

На уровне формы взаимодействие отличается рядом признаков: оно, как правило, односторонне инициировано, полностью лишено пауз, невербальных реакций и спонтанности, что придает коммуникации технический, скриптованный характер.

Пользователь, формируя запрос, в большинстве случаев осознанно упрощает, структурирует и стандартизирует свою речь, избегая двусмысленностей и эмоционально окрашенных оборотов, особенно если речь идет о прагматической задаче. При этом, как уже отмечалось ранее, в случае игровых или эмоциональных сценариев структура сообщения может менять характер: становиться повествовательной, диалогичной, экспрессивной. Таким образом, форма коммуникации оказывается вариативной, но строго подчиненной интенциональной логике.

* См. подробнее: Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии. *Общественные науки и современность*. 1996;(3):171-175; Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. Москва: Наука; 1980. 224 с.; Дридзе, Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Москва: Наука; 1984.

Особый интерес представляет реакция на содержание со стороны ИИ. Несмотря на технологическую способность поддерживать связный диалог, ответы, по мнению информантов, часто оказываются лингвистически грамотными, но семантически нейтральными, а порой и избыточно оптимистичными.

Таким образом, форма и содержание ответов ИИ, хотя и стремятся воспроизводить человеческую речь, остаются симулированными, не наделенными внутренним смыслообразованием или интенцией. Это, в свою очередь, создает определенное напряжение в восприятии коммуникации: с одной стороны, она оформлена как межличностная, с другой — ощущается как псевдиалог, в котором отсутствует рефлексия и волевая направленность.

Следовательно, коммуникативная практика в модели «человек — ИИ» формирует особый тип речевого взаимодействия, в котором структурная четкость и семантическая функциональность доминируют над глубиной, спонтанностью и эмоциональной насыщенностью. Это делает содержание и форму сообщений в такой коммуникации предсказуемыми, но при этом ограничивает ее возможности как полноценной социальной коммуникации в классическом понимании.

Одним из ключевых элементов, определяющих специфику коммуникативной практики человека и искусственного интеллекта, становится вопрос субъектного статуса последнего. Несмотря на то, что взаимодействие с ИИ во многих случаях оформляется по образцу привычных речевых моделей — включая вежливость, структурирование, тематическое разнообразие и даже эмоциональную модуляцию, — пользователь в абсолютном большинстве случаев не наделяет ИИ признаками полноценного коммуникативного агента.

Это расщепление между формой общения, приближенной к межличностной, и содержательным восприятием, ограничивающим ИИ ролью функционального посредника, создает специфический феномен, а именно коммуникацию с псевдосубъектом, чья «субъектность» удерживается на символическом, а не на онтологическом уровне.

Большинство информантов, даже в тех случаях, когда они демонстрируют сложные формы речевого взаимодействия, подчеркивают инструментальный характер ИИ: «Он просто подбирает слова», «Это набор алгоритмов, а не человек», «Он не понимает, он просто делает вид».

Подобные высказывания фиксируют четкое понимание того, что за внешне последовательной

речью не стоит внутренней интенции, саморефлексии, переживания, а следовательно, и субъектности в полном смысле слова. В терминах феноменологической социологии можно сказать, что ИИ лишен «жизненного мира», а значит, не может быть включен в поле взаимного социального понимания как равноправный участник.

Восприятие ИИ как агента с ограниченной субъектностью формирует и поведенческую стратегию пользователя: он может быть вежлив, он может обращаться с ИИ «как с человеком», но всегда с внутренней оговоркой, сохраняющей онтологическую дистанцию. Как отмечает один из информантов: «Я могу сказать „спасибо“, но понимаю, что это просто привычка, он ведь ничего не чувствует».

Такое восприятие влияет и на доверие, и на границы допустимого общения. Пользователь не склонен делиться с ИИ личной информацией, не строит сложных эмоциональных связей и не формирует ощущение взаимности. Искусственный интеллект остается в позиции функционального объекта, с которым можно взаимодействовать, но которому нельзя приписать подлинное намерение, ответственность или участие.

Следовательно, говоря о коммуникативной практике в ее полном объеме, необходимо признать, что ИИ в глазах пользователя остается частичным коммуникативным агентом — тем, кто участвует в обмене репликами, но не включается в контекст социального действия в классическом понимании [9].

Эта ограниченная субъектность — один из фундаментальных признаков практики общения с ИИ: именно она обеспечивает, с одной стороны, дистанцию и контроль, а с другой — возможность использовать систему в качестве «гибкого» речевого инструмента, не требующего сложной социальной координации.

ВЫВОДЫ

Таким образом, совокупный анализ коммуникативных практик, зафиксированных в ходе интервью, позволяет утверждать, что взаимодействие человека с искусственным интеллектом формирует особый тип речевой активности, не сводящийся ни к технологической инструкции, ни к классическому межсубъектному диалогу.

Эта практика характеризуется, с одной стороны, воспроизводимостью через повторяющиеся речевые сценарии, а с другой — гибкостью через ситуативную адаптацию формулировок, ролей и интенций. Это в полной мере соответствует предложенному нами определению коммуникативной практики

как динамически организованной формы речевого поведения, модифицирующейся в зависимости от партнерской структуры, контекста и цели.

Ключевой особенностью данного типа коммуникации становится сочетание высокой степени алгоритмической формализации с элементами эмоционального и символического поведения, характерного для человеческого общения.

Пользователь, оставаясь рационально ориентированным на достижение результата, одновременно допускает возможность вежливости, иронии, экспериментальной игры и даже симулированной диалогичности. Это указывает на формирование новой, гибридной модели коммуникации, возникающей в условиях технологически опосредованного взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рассел С. Искусственный интеллект. Современный подход. Пер. с англ. и ред. К. А. Птицына. Москва: ИД Вильямс; 2006. 1407 с.
2. Корбут А. М. Одомашнивание искусственного интеллекта: умные колонки и трансформация повседневной жизни. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021(1):193-216. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1808
3. Шилова В. А., Плетнева М. А. Особенности коммуникативных практик в рамках человеко-машинной коммуникации. *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. 2025;10(2):46-77. DOI: 10.17323/cmd.2025.27633
4. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. Москва: Эдиториал УРСС; 2001. 256 с. URL: <https://www.hse.ru/data/2010/09/03/1220649395/Страусс%20Корбин%20Основы%20качественного%20исследования.pdf>
5. Шилова В. А. Коммуникативное поле управления: теория, методология, практика. Москва: Логос; 2015. 204 с. URL: https://www.researchgate.net/publication/378104421_POLE_UPRAVLENIA_TEORIA_METODOLOGIA_PRAKTIKA
6. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Москва: Издательский дом ВШЭ; 2014. 384 с. URL: <https://id.hse.ru/data/2014/02/24/1331207213/Латур%20текст%20сайт.pdf>; <https://www.elibrary.ru/syzvmj>
7. Адамьянц Т. З. Понимание в сфере социальной коммуникации как ментальная технология. *Человек*. 2023;34(1):51-67. DOI: 10.31857/S 023620070024827-6
8. Адамьянц Т. З. Социальная коммуникация в современном российском обществе. *Социологические исследования*. 2023;2:150-151. DOI: 10.31857/S 013216250024384-5
9. Шилова В. А., Богданов В. С. Управление в цифровом обществе (по материалам круглого стола). *Социологические исследования*. 2022;(11):158-160. DOI: 10.31857/S 013216250021653-1

REFERENCES

1. Russell S. Artificial intelligence. A modern approach. Translated from English and edited by K. A. Ptitsyn. Moscow: Williams Publishing House; 2006. 1407 p. (In Russ.).
2. Korbut A. M. The domestication of artificial intelligence: Smart speakers and the transformation of everyday life. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2021(1):193-216. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1808
3. Shilova V. A., Pletneva M. A. Features of communicative practices in the framework of human-machine communication. *Communications. Media. Design*. 2025;10(2):46-77. (In Russ.). DOI: 10.17323/cmd.2025.27633
4. Strauss A., Corbin J. Fundamentals of qualitative research: Sound theory, procedures and techniques. Moscow: URSS Editorial; 2001. 256 p. URL: <https://www.hse.ru/data/2010/09/03/1220649395/Страусс%20Корбин%20Основы%20качественного%20исследования.pdf> (In Russ.).
5. Shilova V. A. The communicative field of management: Theory, methodology, practice. Moscow: Logos; 2015. 204 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/378104421_POLE_UPRAVLENIA_TEORIA_METODOLOGIA_PRAKTIKA (In Russ.).
6. Latour B. The reassembly of the social: An introduction to actor-network theory. Moscow: HSE Publishing House; 2014. 384 p. URL: <https://id.hse.ru/data/2014/02/24/1331207213/Латур%20текст%20сайт.pdf>; <https://www.elibrary.ru/syzvmj> (In Russ.).
7. Adamyants T. Z. Understanding in the field of social communication as a mental technology. *Human*. 2023;34(1):51-67. (In Russ.). DOI: 10.31857/S 023620070024827-6

8. Adamyants T.Z. Social communication in modern Russian society. *Sociological research*. 2023;2:150-151. (In Russ.). DOI: 10.31857/S 013216250024384-5
9. Shilova V.A., Bogdanov V.S. Management in a digital society (based on the materials of the round table). *Sociological research*. 2022;(11):158-160. (In Russ.). DOI: 10.31857/S 013216250021653-1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Валентина Александровна Шилова — ведущий научный сотрудник, руководитель Лаборатории инфосоциальных технологий, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Valentina A. Shilova — Senior Researcher, Head of the Laboratory of Infosocial Technologies, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-8899-2707>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

vshilova@yandex.ru

Мария Александровна Плетнева — студентка магистратуры, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Maria A. Pletneva — graduate student at the Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0006-1978-4628>

pletnyova.m.a@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 12.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-17-31

УДК 32.019.52+316.4:004.032.62(470)(045)

Единое информационное пространство России: опыт социологического исследования

И.А. Юрасов, В.А. Юдина, О.А. Зябликова

Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
Пенза, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность настоящего исследования обусловлена технической и технологической возможностью создания единого информационного пространства в Российской Федерации. **Целью** настоящего исследования является социологический анализ отношения российского образованного сообщества и студенчества к возможности создания единого информационного пространства в нашей стране, выявление социологических зависимостей и корреляций в отношении к его созданию от возраста, уровня образования и конкретных компетенций респондентов. Успех существования единого информационного пространства и единой государственной информационной политики зависит от отношения общества к альтернативной информации, от функционально-семантической направленности оценки закрытого и запрещенного контента, от критического анализа западной информации. **Материалы и методы.** Исследования проводились в декабре 2023 – феврале 2024 г. среди студентов средних профессиональных и высших учебных заведений. В качестве методов исследования использовался массовый социологический опрос российской студенческой молодежи из 29 субъектов Российской Федерации ($n = 513$) и корреляционный анализ полученных цифровых данных. **Результаты исследования.** В ходе исследования выявлено, что более половины опрошенных респондентов оценивают создание единого информационного пространства в Российской Федерации как технически и технологически возможное и социально важное. Треть респондентов полагает, что формирование единого российского информационного пространства политически необходимо во время настоящих геополитических вызовов. Социологическая корреляционная связь типа региона с отрицательным отношением респондентов к созданию единого информационного пространства отсутствует. **Сделанные выводы:** чем старше респонденты, тем чаще они занимают позицию, что создание единого государственного информационного пространства без влияния вражеской пропаганды необходимо для гармоничного развития общества. Чем выше уровень владения иностранным языком респондентов, тем больший интерес для них представляет альтернативный антигосударственный иностранный или русскоязычный оппозиционный контент. Проведенные исследования позволяют сделать вывод о существовании определенных инструментальных предпосылок формирования единого информационного пространства.

Ключевые слова: информационное пространство; государственная информационная политика; корреляционный анализ; пропагандистский контент; критический анализ информации; информационные геополитические вызовы; информационные ресурсы; социум

Для цитирования: Юрасов И.А., Юдина В.А., Зябликова О.А. Единое информационное пространство России: опыт социологического исследования. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(5):17-31. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-17-31

ORIGINALPAPER

Russia's Unified Information Space: Sociological Research Experience

I.A. Yurasov, V.A. Yudina, O.A. Zyablikova

Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Penza, Russian Federation

ABSTRACT

The relevance of this study is due to the technical and technological possibility of creating a unified information space in the Russian Federation. **The purpose** of this study is a sociological analysis of the attitude of the Russian educated community and students to the possibility of creating a unified information space in our country, identifying sociological dependencies and correlations in relation to its creation on the age, level of education, and specific competencies

© Юрасов И.А., Юдина В.А., Зябликова О.А., 2025

of respondents. The success of the existence of a unified information space and a unified state information policy depends on the attitude of society towards alternative information, on the functional-semantic orientation of the assessment of closed and prohibited content, on the critical analysis of Western information. Materials and methods. The research was conducted in December 2023 and February 2024 among students of secondary vocational and higher educational institutions. The research methods used were a mass sociological survey of Russian students from 29 constituent entities of the Russian Federation ($n = 513$) and a correlation analysis of the obtained digital data. **Research results.** The study revealed that more than half of the respondents assessed the creation of a unified information space in the Russian Federation as technically and technologically possible and socially important. One third of respondents believe that the formation of a unified Russian information space is politically necessary during real geopolitical challenges. There is no sociological correlation between the type of region and the negative attitude of respondents towards the creation of a unified information space. **Conclusions.** It was revealed that the older the respondents are, the more often they take the position that the creation of a unified state information space without the influence of enemy propaganda is necessary for the harmonious development of society. The higher the level of foreign language proficiency of respondents, the greater their interest in alternative anti-state foreign or Russian-language opposition content. The conducted research allows us to conclude that there are certain instrumental prerequisites for the formation of a unified information space. **Keywords:** information space; state information policy; correlation analysis; propaganda content; critical analysis of information; informational geopolitical challenges; information resources; society

For citation: Yurasov I.A., Yudina V.A., Zyablikova O.A. Russia's unified information space: Sociological research experience. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(5):17-31. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-17-31

ВВЕДЕНИЕ

Современные геополитические вызовы, с которыми сталкивается Российская Федерация в настоящее время, заставляют по-новому взглянуть на государственную информационную политику. В государственных и оппозиционных СМИ не раз высказывались мнения о создании единого российского информационного пространства, единого информационного поля.

Предсказуемо, что государственные СМИ высказывают необходимость создания единого информационного поля и положительно оценивают его создание с социальной точки зрения. Оппозиционные СМИ в лице их одиозных представителей проводят информационную кампанию, дискредитирующую саму попытку создания единого российского информационного поля, забывая о том, что такие единые в плане представления политического контента информационные поля созданы в США, Канаде, странах ЕС, Китае и других государствах [1].

Создание единого российского информационного пространства технически и технологически возможно и легко реализуемо. Проблема состоит только в том, как отнесется российское гражданское общество, в отсутствии которого нас многие годы стараются убедить западные и отечественные антигосударственно настроенные пропагандисты, социологи и политологи, к существованию в Российской Федерации единого, контролируемого государством информационного поля.

В нашей стране имеется богатый практический и теоретический опыт анализа единого информационного пространства времен СССР, когда советские печатные и электронные СМИ транслировали

государственную информационную повестку дня. Эта повестка не пользовалась доверием советского интеллигентского сообщества и продвинутого студенчества. Более того, государственный информационный контент подвергался сомнению, в то время как информация западных пропагандистов из «Голоса Америки», «Немецкой волны», «Радио Свободы», «Русской службы ВВС» воспринималась как святая истина в последней инстанции, не требующая критического осмысления продвинутой антигосударственно настроенной советской интеллигенцией [2]. Таким образом, эффективность создания единого российского информационного пространства зависит от отношения к возможности его создания национального научно-образовательного сословия и российского студенчества.

Целью настоящего исследования является социологический анализ отношения российского образованного сообщества и студенчества к возможности создания единого информационного пространства в нашей стране, выявление социальных зависимостей и корреляций в отношении к его созданию от возраста, уровня образования и конкретных компетенций респондентов. Настоящая цель была реализована благодаря выполнению следующих задач:

1. Исследовать отношение российского студенчества и российской научной молодежи к возможности формирования в нашей стране единого информационного пространства.
2. Провести социологический, социокультурный и социально-технологический анализ особенностей функционирования цифрового информационного пространства в Российской Федерации.

3. Выявить социологические связи и корреляции между возрастом, уровнем образования, определенными компетенциями респондентов и их отношением к технической возможности создания единого информационного пространства.

4. Найти и описать социокультурные и социально-психологические особенности российского студенчества и российской научной молодежи, препятствующие формированию положительного отношения к возможности создания единого российского информационного пространства.

5. Провести корреляционный анализ, показывающий связь отдельных социологических особенностей социальной группы российского студенчества и российской научной молодежи с оценкой создания единого российского информационного пространства.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Единое информационное пространство можно определить как совокупность смыслов, семантики основных дискурсов, контента страны, информационных банков, всех баз данных, инструментов, механизмов и технологий их формирования, сопровождения и использования, социально-демографических групп пользователей единого информационного пространства, информационно-телекоммуникационных систем, которые действуют на основе общих принципов и обеспечивают информационное взаимодействие организаций и граждан, удовлетворяя их информационные потребности [3].

Единое информационное пространство страны состоит из следующих компонентов:

6. Информационные ресурсы, включающие контент и его смысловое наполнение; данные и зафиксированные знания; информацию, аккумулированную на соответствующих носителях.

7. Составляющие информационной инфраструктуры:

а) организационные структуры, обеспечивающие сбор информации, обработку данных, хранение информации, распространение знаний, поиск информации, передачу данных в социальных системах;

б) средства информационного воздействия на население, включающие: программно-технические средства, организационно-нормативные документы, инструменты и механизмы, созданные на основе современных информационных технологий [4].

Технически и технологически создание единого информационного пространства вполне возможно. Однако при его формировании необходимо учитывать влияние следующих социальных, соци-

ально-технологических и социокультурных факторов: формирование сетевого цифрового общества в России; разработка социальных технологий, направленных на преодоление фрондерской культуры и фрондерской политической идентичности значительной части российского студенчества и научно-образовательного сообщества; система социальных архетипов студенчества, включающая деструктивные социальные архетипы, разрушающие основу институционального социального доверия и государственного строя; формирование государственной системы социальных архетипов и ценностей, способствующих становлению государственно-ориентированной личности; дискурсивное управление смыслами молодежной студенческой культуры и научно-образовательного сословия; создание «мы-групп» по методологии А. Шюца [5].

Преодолеть молодежное студенческое фрондерство могут «мы-группы» по А. Шюцу, которые предполагают создание небольших групп, где культивируется благожелательная социально-психологическая атмосфера. Эта атмосфера формируется на основе общей системы релевантностей и моделей понимания актуального образа жизни. В таких группах ожидания каждого участника идентичны ожиданиям других членов группы. Подобное положение вещей создает базовые этические нормы, взаимные моральные обязательства и нормы поведения, которые существенно отличаются от установок представителей «они-групп» и их ценностей, противоречащих ценностям «мы-групп».

Технические и технологические возможности создания единого информационного пространства обусловлены развитием цифрового общества в мире и Российской Федерации. Это развитие характеризуется следующими тенденциями:

1. Сверхсвязанность.
2. Платформизация.
3. Датификация.
4. Алгоритмическое управление [6, 7].

Сверхсвязанность, как специфическая социокультурная и социально-технологическая особенность, проявляется благодаря высокой степени проникновения сетевых информационных технологий в бытовую жизнь российского общества. Эта характеристика увеличивает количество социальных взаимодействий и контактов, но при этом обесценивает их; облегчает взаимодействие, но создает новые виды зависимостей, цифровой тоталитаризм, слежку, распространение фейковой информации, особенно в студенческой молодежной среде [8].

Платформизация представляет собой степень проникновения коммуникативно-цифровых технологий, цифровых платформ и приложений в быт российского социума. Цифровые платформы являются специфической программируемой цифровой инфраструктурой, которая формирует и стимулирует взаимоотношения между пользователями и поставщиками услуг и товаров. Платформизация как социально-технологический процесс информирует заинтересованных пользователей посредством систематического сбора, алгоритмической обработки, монетизации и распространения цифровых данных [4].

Датификация — цифровой процесс оценки и отбора цифровой информации, ее количественной интерпретации, мониторинга, формирования цифрового следа социальных коммуникаций, в результате которых формируются «большие данные» [9].

Алгоритмическое управление представляет собой цифровое структурирование социальной среды, специфическую форму социального упорядочения и социальной иерархизации. Оно основано на координации между участниками и сложными цифровыми контентами.

Техническая и технологическая возможность создания единого информационного пространства связана с формированием в российском социуме специфической социально-биологической формы «электронного человека». Появление еНОМО, который представляет собой гибрид биологической особи и цифрового, информационного человека, необходимо учитывать при формировании единого информационного пространства.

Для этого нового человеческого вида доступны вся накопленная человечеством информация, всемирные цифровые технологии, экспертные системы в любой области научного знания. Потенциал среднего российского еНОМО может оказаться равным современному исследовательскому институту. Кроме того, за счет этого расширяются возможности коррекции человеческой психики, затрагивающие ограничение агрессии, блокирование боли, мобилизацию и т.п. [10].

Единое информационное пространство может привести к негативным последствиям, таким как институциональные ловушки, которые понимаются как «неэффективные, но стабильные нормы или институты». Эти факторы необходимо учитывать при формировании единой информационной повестки в общении с молодежной страной [11].

Примерами институциональных ловушек при формировании единого информационного про-

странства являются: троллинг, кибербуллинг, политическая пассивность, снижение сетевой активности, манипулирование социальным доверием студенческой молодежи в сети, фальсификация сетевой активности в интернете, применение киберсимулякров, виртуализация, слэктивизм (политическая сетевая активность, не дающая реальных политических результатов, а только укрепляющая комфорт участников сетевой политической дискуссии) [12, 13].

Значимым инструментом в создании единого информационного пространства и управлении им может стать методика дискурсивного управления Э. Лаклау и Ш. Муффа. Согласно этой парадигме, дискурс формирует социальные отношения и устанавливает горизонты общественного воображения.

Единый государственный, властный дискурс определяет темы для обсуждения, способы обсуждения, политические действия, которые лягут в основу единого информационного пространства и единых информационных полей. Дискурсивные конструкции формируют ценности, отношения, оценки и различные политические решения [14, 15].

Различные государственные мейнстримные дискурсы могут маргинализировать определенные социальные группы. Задача формируемого единого информационного пространства — маргинализация смыслов вражеской пропаганды и изоляция оппозиционных единому информационному пространству социальных групп на основе формирования антагонистических дискурсов.

Таким образом, анализ литературы по проблеме создания единого информационного пространства в России показал, что такое создание возможно технически, технологически и социокультурно. Эта возможность будет укрепляться, если сам социум, особенно его значимые социальные группы, будет положительно относиться к этому процессу.

МАТЕРИАЛЫ, МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования по социологическому анализу отношения российского студенчества и российской научной молодежи к возможности создания единого информационного пространства проводились в декабре 2023 — феврале 2024 г. среди студентов средних профессиональных и высших учебных заведений 29 субъектов Российской Федерации: Алтайский край, Белгородская область, Вологодская область, Воронежская область, Калининградская область, Калужская область, Краснодарский край, Красноярский край, Курганская область, Курская область, Липецкая область, Московская область, Нижегородская область,

Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Пензенская область, Рязанская область, Республика Башкортостан, Республика Дагестан, Самарская область, Свердловская область, Смоленская область, Тверская область, Тульская область, Тюменская область, Хабаровский край, Челябинская область, Ярославская область. В качестве методов исследования использовались массовый социологический опрос российской студенческой молодежи ($n = 513$) и корреляционный анализ полученных цифровых данных, в результате которых были выявлены корреляционные зависимости отношений респондентов к техническим и технологическим возможностям создания единого информационного пространства в России, их отношения к самой возможности создания единого информационного пространства, социологической оценки важности и интереса западного информационного контента для российской студенческой молодежи.

Результаты проведенного исследования представлены в *табл. 1*.

Более половины респондентов (51,9%) считают, что в России возможно технически и юридически создать единое информационное государственное пространство. Однако 9,4% опрошенных участников

исследования высказывают противоположную точку зрения в данном вопросе (*табл. 2*).

При ответе на вопрос: «Возможно ли технически и юридически создать в России единое информационное государственное пространство?», мужчины чаще женщин считают, что это невозможно (16,4% и 5,9% соответственно).

50,5% респондентов высказываются положительно в отношении создания в стране единого государственного информационного пространства без влияния вражеской пропаганды. Однако 13,8% опрошенных участников исследования считают иначе (*рис. 1*).

При ответе на вопрос: «Необходимо ли создание единого государственного информационного пространства без влияния вражеской пропаганды?», мужчины чаще женщин считают, что в этом нет необходимости (22,8% и 9,5% соответственно). При этом чем старше возраст респондентов, тем чаще они высказывают позицию о необходимости создания единого государственного информационного пространства без влияния вражеской пропаганды.

Более трети респондентов (37,2%) считают, что в России возможно исключить в едином информационном пространстве влияние враждебной

Таблица 1 / Table 1

Социально-демографические характеристики респондентов / Socio-demographic characteristics of respondents

Показатель/ Indicator		Доля респондентов / Share of respondents, %	Численность, чел. / Number of people
Пол	Мужской	34,1	175
	Женский	65,9	338
Возраст (лет)	до 18	16,7	86
	18-19	24	123
	20-21	24	123
	22-23	10,3	53
	24-25	7,8	40
	26-30	8,8	45
	31-35	8,4	43
Уровень образования	Студент СПО	19,3	99
	Студент ВО	56,7	291
	Магистрант	19,3	99
	Аспирант	4,7	24

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 2 / Table 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Возможно ли технически и юридически создать в России единое информационное государственное пространство?» / Distribution of respondents' answers to the question: «Is it technically and legally possible to create a single state information space in Russia?»

Показатель / Indicator		Вариант ответа / Answer option, %		
		Да / Yes	Нет / No	Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer
Все опрошенные		51,9	9,4	38,7
Пол	Мужской	52,6	16,4	31
	Женский	52,2	5,9	41,8
Возраст (лет)	до 18	53	6	41
	18–19	55,2	8,9	35,9
	20–21	46,3	9,8	43,9
	22–23	53,3	26,7	20
	24–25	66,7	—	33,3
	26–30	37,5	25	37,5
	31–35	50	16,7	33,3
Уровень образования	Студент СПО	40	13,7	46,3
	Студент ВО	55,5	7,5	37
	Магистрант	52,6	21,1	26,3
	Аспирант	40	40	20

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

экстремистской пропаганды и идеологии. Однако 27,7% опрошенных участников исследования высказывают противоположную точку зрения в данном вопросе (табл. 3).

Более трети респондентов (35,7%) отмечают, что будут искать технические возможности получить альтернативную информацию при блокировке иностранного пропагандистского контента. Однако практически такая же доля опрошенных участников исследования (32,2%) высказывают противоположную точку зрения в данном вопросе (рис. 2).

21,2% респондентов отмечают, что им будет интересен альтернативный антигосударственный иностранный или русскоязычный оппозиционный контент. Однако практически для половины опрошенных участников исследования (45,4%) данная информация не важна (табл. 4).

При ответе на вопрос: «Будет ли Вам интересен альтернативный антигосудар-

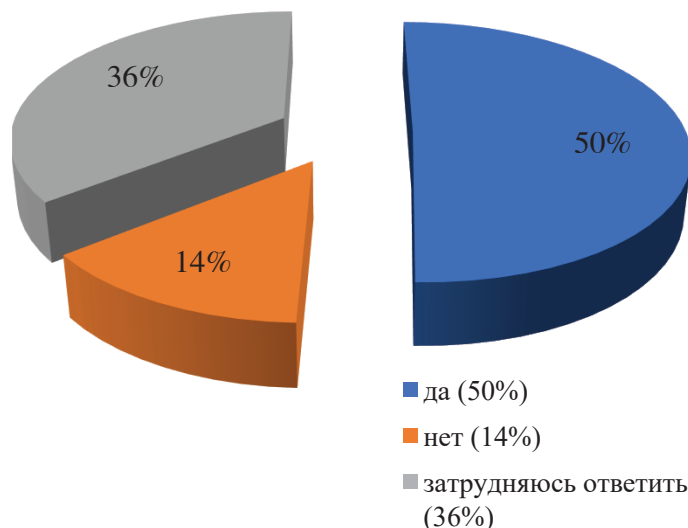

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Необходимо ли создание единого государственного информационного пространства без влияния вражеской пропаганды?» / Distribution of respondents' answers to the question: «Is it necessary to create a single state information space without the influence of enemy propaganda?»

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 3 / Table 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Возможно ли исключить в едином информационном пространстве влияние враждебной экстремистской пропаганды и идеологии?» / Distribution of respondents' answers to the question: «Is it possible to exclude the influence of hostile extremist propaganda and ideology in a single information space?»

Показатель / Indicator		Вариант ответа / Answer option, %		
		Да / Yes	Нет / No	Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer
Все опрошенные		37,2	27,7	35,1
Пол	Мужской	39	34,9	26,2
	Женский	36,7	24,3	39,1
Возраст (лет)	до 18	34,9	28,9	36,1
	18–19	42,4	25,8	31,7
	20–21	30,9	26,8	42,3
	22–23	25	43,8	31,3
	24–25	33,3	66,7	–
	26–30	37,5	37,5	25
	31–35	16,7	50	33,3
Уровень образования	Студент СПО	29,2	29,2	41,7
	Студент ВО	39,5	26,7	33,8
	Магистрант	47,4	36,8	15,8
	Аспирант	–	60	40

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

ственный иностранный или русскоязычный оппозиционный контент?», чем старше респонденты, тем чаще они высказывают отрицательную позицию.

Более половины респондентов свободно или достаточно свободно владеют иностранным языком (13,5% и 47,2% соответственно). Однако 36,5% опрошенных участников исследования не могут самостоятельно смотреть и слушать видео- и аудиоконтент на иностранном языке (рис. 3).

При ответе на вопрос: «Укажите, пожалуйста, Ваш уровень владения иностранным языком», чем старше респонденты, тем ниже их уровень владения иностранным языком.

Для получения более точной информации был проведен корреляционный анализ. Для расчета корреляции использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена (табл. 5) [16].

Коэффициент корреляции = 1 означает наличие полной положительной линейной связи. Люди обоих диапазонов возрастов склонны отвечать положительно (табл. 6).

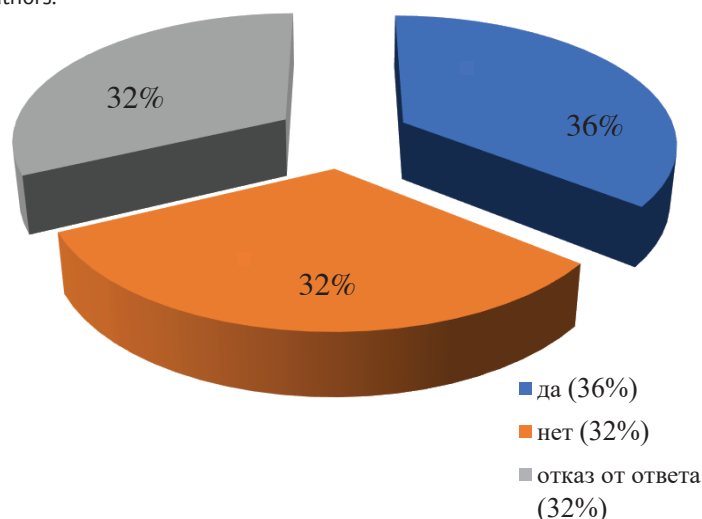

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Будете ли Вы искать технические возможности получить альтернативную информацию при блокировке иностранного пропагандистского контента?» / Distribution of respondents' answers to the question: «Will you look for technical opportunities to obtain alternative information when foreign propaganda content is blocked?»

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 4 / Table 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Будет ли Вам интересен альтернативный антигосударственный иностранный или русскоязычный оппозиционный контент?» / Distribution of respondents' answers to the question: «Would you be interested in alternative anti-state foreign or Russian-language opposition content?»

Показатель / Indicator		Вариант ответа / Answer option, %		
		Да / Yes	Нет / No	Отказ от ответа / Refusal to answer
Все опрошенные		21,2	45,4	33,4
Пол	Мужской	19,5	53,3	27,2
	Женский	22,6	46,1	32,3
Возраст (лет)	до 18	25,6	47,6	26,8
	18–19	22,7	46,1	31,2
	20–21	18	39,3	42,6
	22–23	26,7	46,7	26,7
	24–25	–	100	–
	26–30	–	87,5	12,5
	31–35	16,7	83,3	–
Уровень образования	Студент СПО	23,2	48,4	28,4
	Студент ВО	20,7	44,8	34,5
	Магистрант	31,6	57,9	10,5
	Аспирант	20	60	20

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

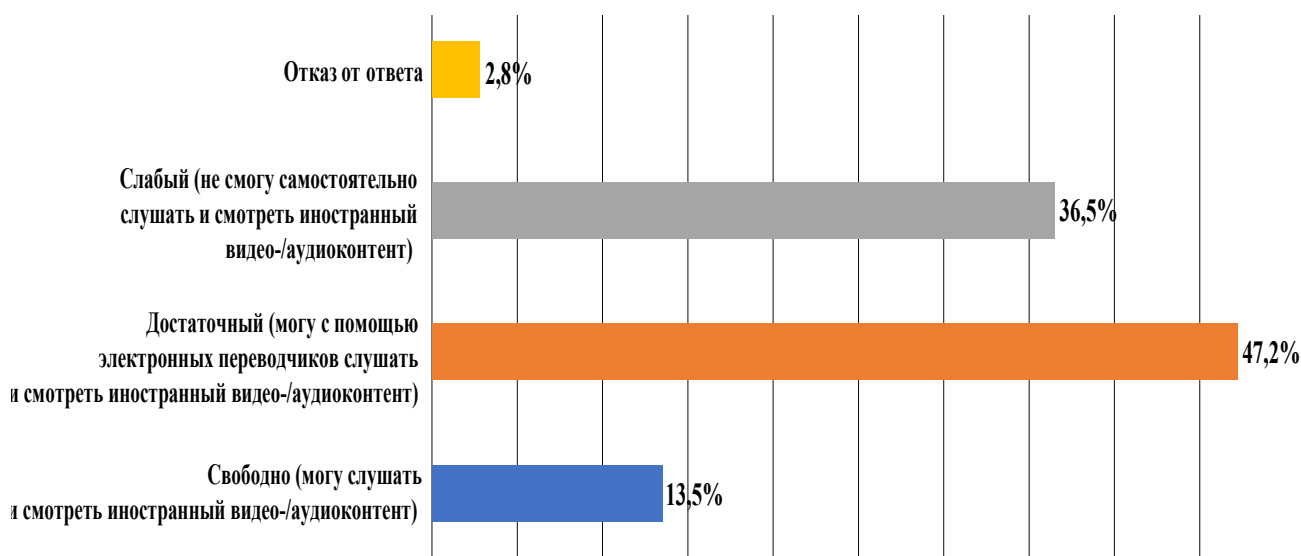

Рис. 3. / Fig. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Укажите, пожалуйста, Ваш уровень владения иностранным языком» / Distribution of respondents' answers to the question: «Please indicate your level of foreign language proficiency»

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Коэффициент корреляции = 0,875, что означает наличие сильной положительной линейной связи. Люди обоих диапазонов возрастов склонны отвечать положительно, количество старших людей, ответивших «нет» и «затрудняюсь ответить» одинаково (табл. 7).

Был получен коэффициент корреляции = -0,625, что означает наличие обратной линейной связи [17–20]. Это значит, что мнения групп разнятся: студенты СПО в основном затруднялись ответить на вопрос, что может имплицировать их отрицательное отношение создания единого информационного пространства. Магистранты и аспиранты честно выражали свою оценку этой возможности. Они дали конкретный преимущественно отрицательный ответ на вопрос об их отношении к формированию единого информационного пространства (табл. 8).

Коэффициент корреляции = 1, что означает наличие полной положительной линейной связи. Люди обоих диапазонов возрастов склонны отвечать положительно. Данные анализа показали, что представители российского студенчества и российской научной молодежи будут искать возможность преодоления единого информационного пространства.

Аналогичная корреляционная ситуация с ответом на вопрос «Будет ли Вам интересен альтернативный антигосударственный иностранный или русскоязычный оппозиционный контент?», но в этом вопросе большинство отвечало отрицательно. Подавляющее большинство респондентов высказались об отсутствии интереса к альтернативному западному контенту.

С нашей точки зрения важно рассмотреть корреляцию уровня владения английским языком и интересом к альтернативному контенту для групп с разным уровнем образования.

Коэффициент корреляции для студентов СПО = 0,5, что означает наличие положительной линейной связи. Коэффициент корреляции для магистрантов и аспирантов = -0,5, что означает наличие обратной линейной связи. В целом с увеличением уровня владения языком и уровня образования увеличивается заинтересованность в альтернативном контенте [21].

В целом, чем выше уровень владения иностранным языком респондентов, тем больший интерес для них представляет альтернативный антигосударственный иностранный или русскоязычный оппозиционный контент, а также они чаще высказывают положительную позицию в отношении поиска технических возможностей получения альтернативной информации при блокировке иностранного пропагандистского контента.

В ходе социологического исследования были определены корреляционные связи типа региона респондента с их отношением к возможности введения единого информационного пространства. Исследовательской группой была выдвинута рабочая гипотеза о том, что респонденты из Москвы будут преимущественно против единого российского информационного пространства, в то время как респонденты из провинциальных городов Российской Федерации будут не против создания в нашей стране единого информационного пространства. Для чистоты эксперимента были выбраны наиболее непохожие регионы: Москва и Московская область, Дагестан, Пенза и Башкортостан. Результаты корреляционного анализа представлены в таблицах 9–10.

Коэффициент корреляции = 0,5, что означает наличие положительной линейной связи. В целом большее количество людей склонны отвечать положительно. И рабочая гипотеза авторского коллектива не подтвердилась. Нет связи «столичности» региона респондента с отрицательным отношением к возможности введения единого информационного пространства (табл. 9).

Коэффициент корреляции = 1, что означает наличие полной положительной линейной связи. Люди в обоих регионах склонны положительно относиться к возможности создания единого информационного пространства.

В целом во всех российских регионах, где проводились исследования, соотношение ответов схоже — в основном положительно. Большинство респондентов отлично понимает специфику настоящих геополитических угроз и положительно относятся к введению единого информационного пространства в России. Некоторые расхождения в пропорциях в республике Дагестан, вероятно, связаны с ограниченностью выборки, и при увеличении числа респондентов показатели скорее всего бы стали ближе к остальным регионам. Кроме того, для того чтобы получить более точные социологические данные, настоящее исследование можно дополнить данными качественных социологических исследований. Но это не является задачей настоящего исследования, качественный социологический анализ отношения российской студенческой молодежи и молодежного научного сообщества станет предметом дальнейших исследований авторского коллектива.

ВЫВОДЫ

В ходе исследования было установлено, что более половины респондентов положительно оценивают усилия органов государственной власти по

Таблица 5 / Table 5

**Анализ корреляции ответов групп людей разных возрастов /
Analysis of the correlation of responses of groups of people of different ages**

Возраст / Age	До 18 лет и 18–19 лет / Under 18 and 18–19 years old	26–30 лет и 31–35 лет / 26–30 years and 31–35 years
Да	113	38
Нет	16	18
Затрудняюсь ответить	79	31

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 6 / Table 6

**Корреляция отношений к созданию единого информационного пространства с возрастом
респондентов / Correlation of attitudes towards the creation of a single information space with the
age of respondents**

Возраст / Age	До 18 лет и 18–19 лет / Under 18 and 18–19 years old	26–30 лет и 31–35 лет / 26–30 years and 31–35 years
Да	106	63
Нет	31	13
Затрудняюсь ответить	72	13

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 7 / Table 7

**Корреляция возможности исключения в едином информационном пространстве влияния
враждебной экстремистской пропаганды и идеологии с уровнем образования респондентов /
Correlation of the possibility of exclusion in a single information space, the influence of hostile
extremist propaganda and ideology with the level of education of respondents**

Образование / Education	СПО / SPO	Магистранты и аспиранты / Master's and PhD students
Да	29	47
Нет	29	50
Затрудняюсь ответить	41	26

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 8 / Table 8

**Анализ связи желания использовать технические возможности с целью получения альтернативной
информации при блокировке иностранного пропагандистского контента с уровнем образования /
Analysis of the relationship between the desire to use technical capabilities to obtain alternative
information when blocking foreign propaganda content and the level of education**

Образование / Education	СПО / SPO	Магистранты и аспиранты / Master's and PhD students
Да	38	60
Нет	33	47
Затрудняюсь ответить	29	17

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 9 / Table 9

**Корреляционные соотношения и связи респондентов из Москвы и Московской области
и республики Дагестан / Correlation relationships and connections of respondents from Moscow and
the Moscow region and the Republic of Dagestan**

Ответ / Answer	Москва и Московская обл. / Moscow and Moscow region	Республика Дагестан / Republic of Dagestan
Да	9	5
Нет	6	1
Затрудняюсь ответить	7	8

Источник / Source: составлено авторами / Complied by the authors.

Таблица 10 / Table 10

**Корреляционные соотношения и связи респондентов внутри провинциальной России / Correlation
relationships and connections of respondents within provincial Russia**

Ответ / Answer	Пенза и Пензенская обл. / Penza and Penza region	Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan
Да	83	15
Нет	12	1
Затрудняюсь ответить	41	6

Источник / Source: составлено авторами / Complied by the authors.

созданию единого информационного пространства и считают сам факт формирования единого информационного пространства важным, социально значимым и положительным для российского общества.

Была выявлена зависимость оценки возможности существования единого российского информационного пространства от возраста респондентов, а также определена связь отрицательной оценки создания единого российского информационного пространства со знанием иностранного языка. Авторская рабочая гипотеза о связи отрицательного отношения респондентов к введению единого информационного пространства с типом региона не получила подтверждения.

По мнению авторов исследования, на техническую и технологическую возможность создания единого информационного пространства влияют следующие социально-политические, социокультурные и социально-технологические тенденции:

1. Развитие общества нового типа, основанного на информационно-цифровых технологиях, которые возможно упорядочить в единое информационное пространство¹.

2. Формирование единых электронных форм управления социально-политическими, социально-экономическими и социокультурными процессами.

3. Появление феномена «электронной управляемости» обществом и государством, возникающего на базе единого информационного пространства.

4. Изменение форм, методов и инструментов социальной коммуникации в современном российском обществе, стимулирующее формирование единого информационного пространства.

5. Возникновение специфических «электронных правительств» и специфической «электронной бюрократии», требующих единого информационного пространства, порождает феномен институционального доверия или недоверия к ним [22].

6. Учет при создании единого информационного пространства социально-политического, социокультурного и цифрового неравенства регионов [23].

7. Трансформация российского гражданского общества, выражающаяся в формировании специфических цифровых взаимоотношений между государством и гражданским обществом, способного сформировать единое информационное про-

¹ PermanJ. Urbanmarginality:27frommythtoreality. TheFavelasofRiodeJaneiro 1969-2001. URL: https://www.urbanleaders.org/540UrbanReality/00Readings/Marginality_from_Myth_to_Reality.pdf.

странство в Российской Федерации для студенческой молодежи².

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о существовании определенных инструментальных предпосылок формирования единого информационного пространства, к которым следует отнести³:

- наличие общего сетевого цифрового пространства, в которое включена российская студенческая молодежь;
- инструментальную возможность создания единых социальных технологий преодоления влияний фрондерской культуры и фрондерской политической идентичности активной части российского студенчества с помощью дискурсивного управления и создания альтернативных антагонистических дискурсов;
- социосемиотическую возможность маргинализации нежелательных смыслов и дискурсов оппозиционного и антигосударственного толка путем вытеснения «вредных» социальных архетипов и смысловых структур за границы допустимых и мейнстримных смыслов в социальной группе

² Лисицина М. Доля пользователей интернета в России среди молодежи приблизилась к 100%. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb523042; Яковлева Е. Россияне каждый день проводят в интернете 3 часа 40 минут. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/09/30/rossiiane-kazhdyy-den-provodiat-v-internete-3-chasa-40-minut.html>

³ ВЦИОМ. Тренды медиапотребления 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-mediapotrebleniya-2022>; Чуранов Е. Статистика интернета и соцсетей на 2023 год — цифры и тренды в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>

с целью повышения атмосферы социального институционального доверия;

- выявление и социосемантическую и дискурсивную нейтрализацию деструктивных социальных архетипов и смыслов, разрушающих единое информационное пространство, как основы институционального социального доверия и формирующих фрондерскую идентичность (архетип «герой-бунтарь»);
 - разработку государственной системы социальных архетипов, формирующих государственно-ориентированную личность;
 - дискурсивное управление смыслами молодежной студенческой культуры;
 - разработку методики создания и управления единым информационным пространством с помощью методологии «мы-групп» А. Шюца;
 - преодоление и ослабление негативного влияния цифровизации общественных отношений на процессы формирования единого информационного пространства и переосмысление роли образно-символических элементов национальной культуры с учетом возможного использования потенциальных возможностей цифровых технологий⁴;
 - укрепление технологического суверенитета, создание национальных информационных порталов с максимальной технической защитой от проникновения вражеского контента.
- Таким образом, существует потенциальная социальная возможность создания в России единого информационного пространства, поскольку более половины респондентов положительно относятся к этой возможности.

⁴ Социальные сети (рынок России). URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 30.03.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Василенко Л.А., Зотов В.В. Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы. *Цифровая социология*. 2020;3(2):4-16. DOI: 10.26425/2658-347X-2020-2-4-16
2. Воробьев В.П., Ретинская В.Н. Образно-символические аспекты формирования государственной идентичности молодежи в эпоху интернета. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2022;1:59-70. DOI: 10.21685/2072-3016-2022-1-5
3. Тощенко Ж.Т. Эволюция идей социальной структуры российского общества. *Социологические исследования*. 2022;10:62-73. DOI: 10.31857/S 013216250021404-7
4. Lazer D., Radford J. Data ex machina: Introduction to Big Data. *Annual Review of Sociology*. 2017;43(1):19-39. DOI: 10.1146/annurev-soc-060116-053457
5. Шюц А. Структура повседневного мышления. *Социологические исследования*. 1988;2:129-137. URL: https://www.academia.edu/25220940/Шюц_Структура_повседневного_мышления
6. Смирнов А.В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;1:129-153. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1790

7. Kitchin R. Big Data, new epistemologies and paradigm shifts. *Big Data & Society*. 2014;1:1-12. DOI: 10.1177/2053951714528481
8. Marcos P.N. History and the politics of nostalgia. *Iowa J. of Cultural Studies*. 2019;5:23-35. DOI: 10.17077/2168-569X.1113
9. Аникин Л. С., Тарский Ю. И. Политика модернизации и информационное общество: социокультурный аспект. *Власть*. 2012;6:94-98. URL: <https://elibrary.ru/oytfrz>
10. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. Москва: Московский университет; 2021. 272 с. URL: <https://elibrary.ru/qynyth>
11. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;6(166):97-118. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2014
12. Ахременко А. С., Бродовская Е. В. Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;6(166):4-27. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111
13. Байша О. Дискурсивный разлом социального поля: уроки евромайдана. Москва: Издательский дом ВШЭ; 2021. 184 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2371-1
14. Гостенина В. И., Карандин К. С. Особенности применения корреляционного анализа в социологических исследованиях. *Экономика. Социология. Право*. 2020;4(8):73-81. URL: <https://elibrary.ru/zxqnvv>
15. Андреева М. М., Волоков В. Р. Корреляционный анализ в социологических исследованиях. *Вестник Казанского технологического университета*. 2023;7:271-274. URL: <https://elibrary.ru/qaiekb>
16. Басимов М. М. Преодоление «удобных» корреляционных заблуждений в современной социологической науке. В сб.: *Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования*. 2018:23-56. URL: <https://elibrary.ru/xmlskd>
17. Гржибовский А. М., Иванов С. В., Горбатова М. А. Корреляционный анализ данных с использованием программного обеспечения Statistica и SPSS. *Наука и здравоохранение*. 2020;1:7-36. URL: <https://elibrary.ru/ypmldj>
18. Kraemer H. Correlation coefficients in medical research: From product moment correlation to the odds ratio. *Statistical Methods in Medical Research*. 2019;6:525-545. DOI: 10.1177/0962280206070650
19. Bamberg M. Narrative discourse and identities. *Narratology beyond literary criticism*. Berlin: Walter de Gruyter; 2019. DOI: 10.1515/9783110201840.213
20. King W.L. Religion (First Edition) / W.L. King. *Encyclopedia of religion*. Jones L., ed. 2 nded. Vol. 11. Detroit: Macmillan Reference USA, 2019. DOI: 10.1111/j.1468-5906.2007.00345_1.x
21. Кордонский С. Г. Как устроена Россия. Статьи и интервью разных лет. Москва: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; CommonPlace; 2021. 312 с. URL: https://khamovniki.ru/wp-content/uploads/KORDONKIY_KAK_USTROENA_BLOCK_PRINT.pdf
22. De Fina A. Identity in narrative: A study of immigrant discourse. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. URL: <https://www.benjamins.com/catalog/sin.3>
23. Володенков С. В., Белоконов С. Ю., Суслова А. А. Особенности структуры информационного потребления современной российской молодежи: на материалах исследования среди студентов-политологов Финансового университета. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021;23(1):31-46. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46

REFERENCES

1. Vasilenko L.A., Zotov V.V. Digitalization of public administration in Russia: risks, incidents, problems. *Digital sociology*. 2020;3(2):4-16. (In Russ.). DOI: 10.26425/2658-347X-2020-2-4-16
2. Vorobyov V.P., Retinskaya V.N. Figurative and symbolic aspects of the formation of the state identity of youth in the era of the Internet. *News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences*. 2022;1:59-70. (In Russ.). DOI: 10.21685/2072-3016-2022-1-5
3. Toshchenko J. T. The evolution of ideas of the social structure of Russian society. *Sociological research*. 2022;10:62-73. (In Russ.). DOI: 10.31857/S 013216250021404-7
4. Lazer D., Radford J. Data ex machina: Introduction to Big Data. *Annual Review of Sociology*. 2017;43(1):19-39. DOI:10.1146/annurev-soc-060116-053457

5. Schutz A. The structure of everyday thinking. *Sociological research*. 1988;2:129-137. URL: [https://www.academia.edu/25220940/Шютц_The structure of the original thinking \(In Russ.\)](https://www.academia.edu/25220940/Шютц_The_structure_of_the_original_thinking_(In_Russ.)).
6. Smirnov A.V. Digital society: A theoretical model and Russian reality. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2021;1:129-153. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1790
7. Kitchin R. Big Data, new epistemologies and paradigm shifts. *Big Data & Society*. 2014;1:1-12. DOI: 10.1177/2053951714528481
8. Marcos P.N. History and the politics of nostalgia. *Jowa J. of Cultural Studies*. 2019;5:23-35. DOI: 10.17077/2168-569X.1113
9. Anikin L.S., Tarsky Yu.I. Modernization policy and information society: Socio-cultural aspect. *Power*. 2012;6:94-98. URL: <https://elibrary.ru/oytfrz> (In Russ.).
10. Volodenkov S.V. Internet communications in the global space of modern political management. Moscow: Moscow University; 2021. 272 p. URL: <https://elibrary.ru/qynyth> (In Russ.).
11. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Digital infrastructures of civil and political activism: Current challenges, risks and limitations. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2021;6(166):97-118. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2014
12. Akhremenko A.S., Brodovskaya E.V. The influence of new information and communication technologies on civil and political activism: "Tension lines" of the discussion field. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2021;6(166):4-27. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111
13. Baisha O. The discursive rift of the social field: Lessons from Euromaidan. Moscow: HSE Publishing House; 2021. 184 p. (In Russ.). DOI: 10.17323/978-5-7598-2371-1
14. Gostenina V.I., Karandin K.S. Features of the application of correlation analysis in sociological research. *Economy. Sociology. Right*. 2020;4(8):73-81. URL: <https://elibrary.ru/zxqnvv> (In Russ.).
15. Andreeva M.M., Volokov V.R. Correlation analysis in sociological research. *Bulletin of Kazan Technological University*. 2023;7:271-274. URL: <https://elibrary.ru/qaiekb> (In Russ.).
16. Basimov M.M. Overcoming "convenient" correlation misconceptions in modern sociological science. In: Culture, personality, society in the modern world: Methodology, empirical research experience. 2018:23-56. URL: <https://elibrary.ru/xmlskd> (In Russ.).
17. Grzhibovsky A.M., Ivanov S.V., Gorbatova M.A. Correlation analysis of data using Statistica and SPSS software. *Science and healthcare*. 2020;1:7-36. URL: <https://elibrary.ru/ypmldj> (In Russ.).
18. Kraemer H. Correlation coefficients in medical research: From product moment correlation to the odds ratio. *Statistical Methods in Medical Research*. 2019;6:525-545. DOI: 10.1177/0962280206070650
19. Bamberg M. Narrative discourse and identities. Narratology beyond literary criticism. Berlin: Walter de Gruyter; 2019. DOI: 10.1515/9783110201840.213
20. King W.L. Religion (First Edition) / W.L. King. Encyclopedia of religion. Jones L., ed. 2 nded. Vol. 11. Detroit: Macmillan Reference USA, 2019. DOI: 10.1111/j.1468-5906.2007.00345_1.x
21. Kordonskiy S.G. How Russia works. Articles and interviews from different years. Moscow: Khamovniki Social Research Support Foundation; CommonPlace; 2021. 312 p. URL: https://khamovniki.ru/wp-content/uploads/KORDONKIY_KAK_USTROENA_BLOCK_PRINT.pdf (In Russ.).
22. De Fina A. Identity in narrative: a study of immigrant discourse. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. URL: <https://www.benjamins.com/catalog/sin.3>
23. Volodenkov S.V., Belokonev S. Yu., Suslova A.A. Features of the structure of information consumption of modern Russian youth: Based on research materials among students of political science at the Financial University. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2021;23(1):31-46. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Игорь Алексеевич Юрасов — доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; профессор кафедры государственного управления и социологии региона, Пензенский государственный университет; директор Центра мониторинга социальных процессов Института регионального развития Пензенской обл., Пенза, Российская Федерация

Igor A. Yurasov — Dr. Sci. (Sociological), Prof. of the Department of Management, Informatics and General Humanitarian Sciences, Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Prof. of the Department of Public Administration and Sociology, Penza State University; Director of the Center for Monitoring Social Processes of the Institute of Regional Development of the Penza Region, Penza, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>

jurassow@yandex.ru

Вера Александровна Юдина — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Пенза, Российская Федерация

Vera A. Yudina — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Head of the Department of Management, Informatics and General Humanitarian Sciences, Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Penza, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-9835-9430>

vayudina@fa.ru

Ольга Александровна Зябликова — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Пенза, Российская Федерация

Olga A. Zyablikova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Management, Informatics and General Humanitarian Sciences, Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Penza, Russian Federation

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

<https://orcid.org/0000-0002-1624-0071>

has18068881@rambler.ru

Заявленный вклад авторов:

И.А. Юрасов — разработка проблемы и общей методологии исследования, формулировка научной проблемы, руководство исследованием.

О.А. Зябликова — сбор данных, интерпретация эмпирического материала, написание итогового текста статьи.

В.А. Юдина — литературный обзор по проблеме исследования, критический анализ и доработка текста.

Authors' contributions:

I. A. Yurasov — development of the problem and general research methodology, formulation of the scientific problem, research supervision.

O. A. Zyablikova — data collection, interpretation of empirical material, writing of the final article.

V. A. Yudina — literature review on the research problem, critical analysis, and revision of the text.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 09.12.2024; принята к публикации 15.09.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 09.12.2024; accepted for publication on 15.09.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Исследования идеологии Китая в эпоху Си Цзиньпина: аналитика CiteSpace

Юй Лань

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Период правления Си Цзиньпина ознаменовал новую веху в истории Китая. За последние десятилетия страна существенно укрепила свои позиции на международной арене, используя экономический потенциал и богатое культурное наследие. КНР демонстрирует беспрецедентную активность в решении мировых проблем, участвует в урегулировании кризисных ситуаций как на глобальном, так и на региональном уровнях, а также вносит значительный вклад в трансформацию системы международных отношений. Под руководством Си Цзиньпина Китай стремится занять лидирующие позиции в различных областях — от инновационных технологий до спортивной и культурной сфер. Личность Си Цзиньпина и его политические концепции приобрели особое значение не только для китайского общества, но и для мировой политики в целом. В современной научной среде феномен идеологии политической доктрины Коммунистической партии Китая уже несколько лет находится в центре внимания академического сообщества Китая и мирового. В настоящей статье представлено исследование автора, основанное на комплексном анализе научных публикаций по теме, выполненное с применением передовых технологий визуализации данных — CiteSpace 6.2. Методологической основой исследования послужил обширный корпус научных публикаций — 4382 статьи, размещенные в авторитетных журналах CSSCI. Проведенный автором анализ позволил выявить ключевые тенденции и наиболее обсуждаемые темы в области идеологических исследований, где особое место занимает марксистско-ленинская философия, выступающая фундаментальной основой политической доктрины Коммунистической партии Китая. При этом современная научная повестка характеризуется значительным расширением тематического поля, что особенно заметно в период правления Си Цзиньпина. Примечательно, что актуальные исследования в сфере идеологии демонстрируют тесную интеграцию с вызовами цифровой эпохи, отражая стремление научного сообщества к осмыслению новых реалий современного мира. Это свидетельствует о динамичном развитии идеологических исследований и их адаптации к требованиям времени.

Ключевые слова: эра Си Цзиньпина; политическое мышление; политическая философия; партийно-государственная система Китая; аналитика и визуализация CiteSpace; цифровая эпоха

Для цитирования: Лань Юй. Исследования идеологии Китая в эпоху Си Цзиньпина: аналитика CiteSpace. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025;15(5):32-42. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-32-42

ORIGINAL PAPER

Studies of Chinese Ideology in the Era of Xi Jinping: CiteSpace Analysis

Yu Lan

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Xi Jinping's reign has marked a new milestone in Chinese history. Over the past decade, the country has significantly strengthened its position on the international stage, leveraging its economic potential and rich cultural heritage. The PRC has demonstrated unprecedented activity in solving global problems, participating in the resolution of crises at both the global and regional levels, and making a significant contribution to the transformation of the international relations system. Under Xi Jinping's leadership, China is striving to take a leading position in various fields, from innovative technologies to sports and culture. Xi Jinping's personality and political concepts have become particularly important not only for Chinese society but also for world politics as a whole. In the modern scientific community, the phenomenon of the political ideology of the Communist Party of China has been the focus of attention of the Chinese and global academic community

for several years. This article presents the author's research based on a comprehensive analysis of scientific publications on the subject, carried out using advanced data visualization technologies — CiteSpace 6.2. The methodological basis of the research was an extensive corpus of scientific publications — 4,382 articles published in authoritative CSSCI journals. The author's analysis revealed key trends and the most discussed topics in the field of ideological studies. The results of the study demonstrate that Marxist-Leninist philosophy, which is the fundamental basis of the political doctrine of the Communist Party of China, takes a special place in the broad spectrum of ideological studies. At the same time, the modern scientific program is characterized by a significant expansion of the thematic field, which is especially noticeable during Xi Jinping's reign. It is significant that current research in the field of ideology demonstrates close integration with the challenges of the digital era, reflecting the scientific community's desire to understand the new realities of the modern world. This is evidence of the dynamic development of ideological research and its adaptation to the time requirements.

Keywords: Xi Jinping era; political thinking; political philosophy; Chinese party-state system; CiteSpace analytics and visualization; digital age

For citation: Lan Yu. Studies of Chinese ideology in the era of Xi Jinping: CiteSpace analysis. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(5):32-42. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-32-42

ВВЕДЕНИЕ

Политическая идеология — феномен общественного и государственного развития. Политическую идеологию в политической науке выделяют как самостоятельную категорию, как одну из форм политического сознания. Т.А. Алексеева отметила, что идеологии — это «системы идей», принадлежащие к символической сфере мышления¹. Идеология как знание предлагает заведомо несомненную модель хорошей жизни в хорошем обществе, поэтому тенденция исследования идеологии ориентируется на роль идей в социальной и политической жизни. Как система идей идеология — относительно целостная, обычно систематизированная совокупность мировоззренческих представлений и взглядов, отражающая оценки свойств нашего мира и перспектив его изменений в сознании отдельных людей, социальных групп, массовых движений, политических партий и общества в целом [1]. Идеологии как предмет и объект научно-теоретического анализа, как популярная теория временно определяют наше понимание политики, но все в большей степени становятся формой самоидентификации как отдельных индивидов, так и государственных образований.

М. Фриден утверждал, что идеологию следует изучать как наиболее типичную форму политического мышления (Political thinking) и что ее изучение ведет политических теоретиков к сути политического, а идеология и как социальное явление, и как аналитический инструмент превратилась из простого классового или массового явления в общую черту политического мышления [2].

Прежде всего, речь идет о доминирующей идеологии. Среди политических теоретиков идеология

подвержена влиянию академической моды, отражающей господствующие методологии — фактически это почти оправдание самого тезиса о доминирующей идеологии [2]. Во-вторых, речь идет о политической практике. Изучение идеологии открывает путь к воссоединению политической мысли с политической наукой: столь необходимое примирение политической теории с акцентом на политические процессы и институты [2]. В-третьих, идеологии играют ключевую роль в политической теории как дисциплине, они заметны как в профессиональном, так и в общеупотребительном мышлении и служат своего рода дискурсивными соревнованиями за контроль над политическим языком [3].

Наконец, изучение идеологий помогает понять и оценить то, что происходит в умах людей и в их поведении как членов социальных групп, когда они думают о политических вопросах и действуют в соответствии со своими мыслями [4, с. 135]. Идеологии тесно связаны с политическими партиями, которые часто считаются создателями, а не только носителями и распространителями идеологии.

ФЕНОМЕН ИДЕОЛОГИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ

Китайская Народная Республика (КНР) — это «партийно-государственная система», в которой Коммунистическая партия Китая (КПК) выполняет посредническую функцию, связывая (гражданское) общество и государство². Идеология КПК служит политической ориентацией и социальными ценностями партии, государства и нации. Сосредоточившись на изучении идеологии в академической среде, мы сначала сможем понять содержание доминирующей идеологии Китая. Во-вторых, Китай

¹ Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.). Политическая теория и международные отношения: Учебное пособие для вузов. Москва: Аспект Пресс; 2015. 623 с.

² URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2022-1/b8-yu-lan.pdf>

стал мировой державой всего за 40 лет, и его политическое мышление заслуживает пристального изучения, которое позволит нам увидеть, как он применяет политическую теорию к политической практике. В-третьих, через темы, изучаемые политическими теоретиками Китая, можно понять, как они оценивают свои собственные прогнозы, а также имеющиеся изменения в развитии мирового порядка и перспективы. Для этого автором проведено исследование, основанное на комплексном анализе научных публикаций по теме, выполненное с применением передовых технологий визуализации данных — CiteSpace 6.2³. Методологической основой исследования послужили 4382 статьи, размещенные в авторитетных журналах CSSCI.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

CiteSpace — это программное обеспечение для статистического анализа источников публикаций, ориентированное на оценку потенциальной информации по теме и внутренних связей в литературе, а также на визуализацию данных с помощью графиков. По мнению Chen Chaomei [5], разработчика CiteSpace, приложение позволяет осуществлять библиометрический анализ по изучаемой области для отображения паттернов и трендов в развитии конкретной области или сферы. Функции CiteSpace позволяют определять быстро растущие предметные области, обнаруживать «горячие» точки цитирования в области публикаций, разделять сети на кластеры и автоматически маркировать их в терминах, взятых из цитируемых статей, создавать геопространственные модели совместных проектов, включая уникальные области международных проектов.

По сравнению с традиционными обзорами литературы преимущества использования CiteSpace для библиометрического анализа следующие:

- 1) метод больших данных помогает преодолеть ограничения традиционной обзорной литературы и субъективность ее выбора;
- 2) можно обнаружить и спрогнозировать актуальность исследований и тенденции их развития при помощи диахронного представления траектории развития и состояния исследований [6, с. 318].

Ключевые слова обобщенно представляют основное смысловое содержание статей, а также важную библиометрическую справочную информацию статистического плана. Путем создания карты визуализации ключевых слов можно про-

анализировать актуальные темы в определенной области исследований — чем чаще появляется ключевое слово, тем вероятнее его связь с основной проблематикой исследования [7, с. 110].

CiteSpace используется для кластеризации ключевых слов и получения меток кластеров (рис. 1). Значение модуля кластера (Modularity) $Q = 0,5844$, Силуэт (Silhouette) $S = 0,8927$. Обычно считается, что значение $Q > 0,3$ означает значимость структуры кластеризации; значение $S > 0,5$ указывает, что кластеризация разумна.

В данной статье изложены результаты анализа литературы с использованием CiteSpace 6.2 по исследованиям идеологии в китайском академическом сообществе в эпоху Си Цзиньпина. Визуализация позволяет оценить тенденции исследований [8, с. 2]. На основе данных, заложенных в CiteSpace, сформирована кластеризация наибольшей цитируемости и запросов пользователей, позволяющая классифицировать ключевые слова и объективно представить передовые направления и актуальные вопросы исследования [9, с. 2191].

АЛГОРИТМ АНАЛИЗА ДАННЫХ

1. Сбор данных. В CNKI был проведен расширенный поиск по темам исследования идеологии. После применения фильтра CSSCI (Chinese Social Science Citation Index) для повышения точности данных были отобраны соответствующие публикации.

2. Преобразование данных. Выбранные документы были экспортированы и сохранены в формате RefWorks, после чего загружены в CiteSpace для дальнейшего анализа.

3. Анализ и интерпретация результатов исследования.

В ходе исследования, представленного в статье, планировалось раскрыть три ключевых вопроса:

- выявить наиболее актуальные темы, освещаемые в научных работах по проблематике изучения идеологии в Китае за период 2013–2024 гг.;
- проанализировать трансформацию исследовательского фокуса в области изучения идеологии в Китае в 2013–2024 гг.;
- определить основные тенденции развития исследований данной проблематики.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ В ЭРЕ СИ ЦЗИНЬПИНА В КИТАЙСКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ КРУГАХ

В 2013 г. Си Цзиньпин в своем докладе отметил, что «идеологическая работа является чрезвычайно

³ URL: <https://citespace.podia.com/>

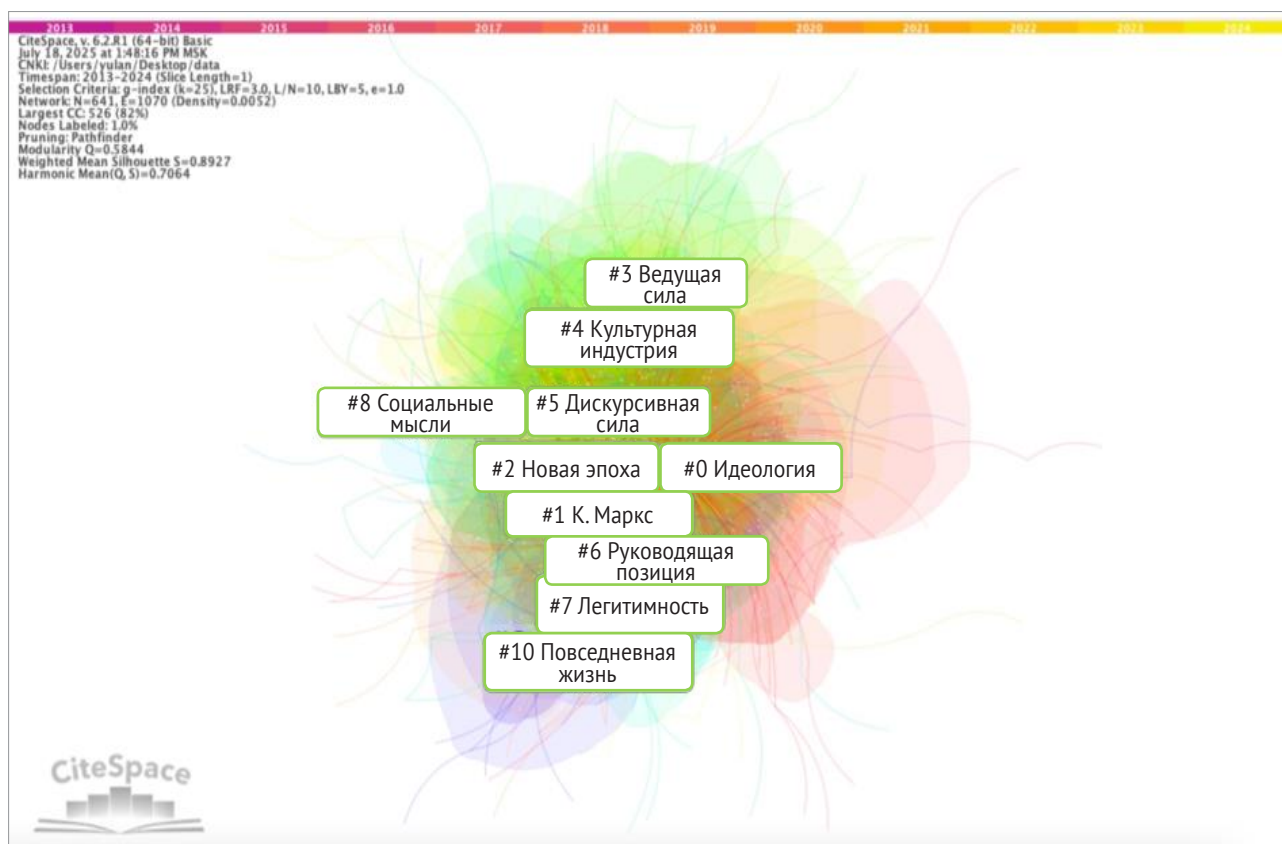

Рис. 1. / Fig. 1. Кластеризация ключевых слов в исследованиях идеологии, проведенных в 2013-2024 гг. / Keyword clustering in ideology research conducted in 2013-2024

Источник / Source: составлено автором при помощи CiteSpace 6.2 / Compiled by the author using CiteSpace 6.2.

важной задачей партии»⁴, там же подчеркивается важность неизменного следования марксизму как руководству в идеологическом поле. Ранее, в докладе XVIII съезда КПК 2012 г. было предложено «твердо взять на себя руководство и руководящую роль идеологической работы», а XIX съезд КПК 2017 г. включил «твердо взять на себя руководство и руководящую роль идеологической работы» в Устав партии⁵.

Далее необходимо обратиться к результатам анализа общих ключевых слов и словосочетаний (co-word анализ), частотности слов и словосочетаний, совместного появления слов и словосочетаний, слов расширения (burst phrases) тематической группы «исследования идеологии», анализ пользующихся особой популярностью проблем и передовых исследований об идеологии в Китае, проведенных в 2013–2024 гг.

Из данных графика (рис. 2) China National Knowledge Infrastructure (CNKI) мы видим, что ко-

личество публикаций работ, посвященных исследованиям идеологии в Китае, стремительно росло в период правления Си Цзиньпина, достигнув пика после XIX съезда КПК. С одной стороны, это свидетельствует о бурном развитии академического сообщества Китая, а с другой — о сочетании идеологических исследований с политической практикой.

Как показано на рис. 2, исследования идеологии в Китае характеризуются интеграцией различных дисциплин, таких как политология, коммуникация, педагогика, социология и теория литературы. Это свидетельствует о том, что методы исследования идеологии в китайском академическом сообществе характеризуются междисциплинарным развитием и отражают непрерывные инновации и модернизацию в области китайской политологии.

Марксизм является основой политической философии и политического мышления КПК. Как показано на рис. 3, исследования марксизма и КПК составляют 10,46% и 9,33% соответственно. Это свидетельствует о том, что, помимо актуальности исследований идеологии и политической практики, исследования марксизма также находятся в центре внимания китайской академической общественности.

⁴ 习近平：意识形态工作是党的一项极端重要的工作 URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0820/c1024-22634056.html>

⁵ 坚持党的文化领导权 URL: <http://www.news.cn/politics/20240122/e29a8bb28077428a96af796e4a7adec4/c.html>

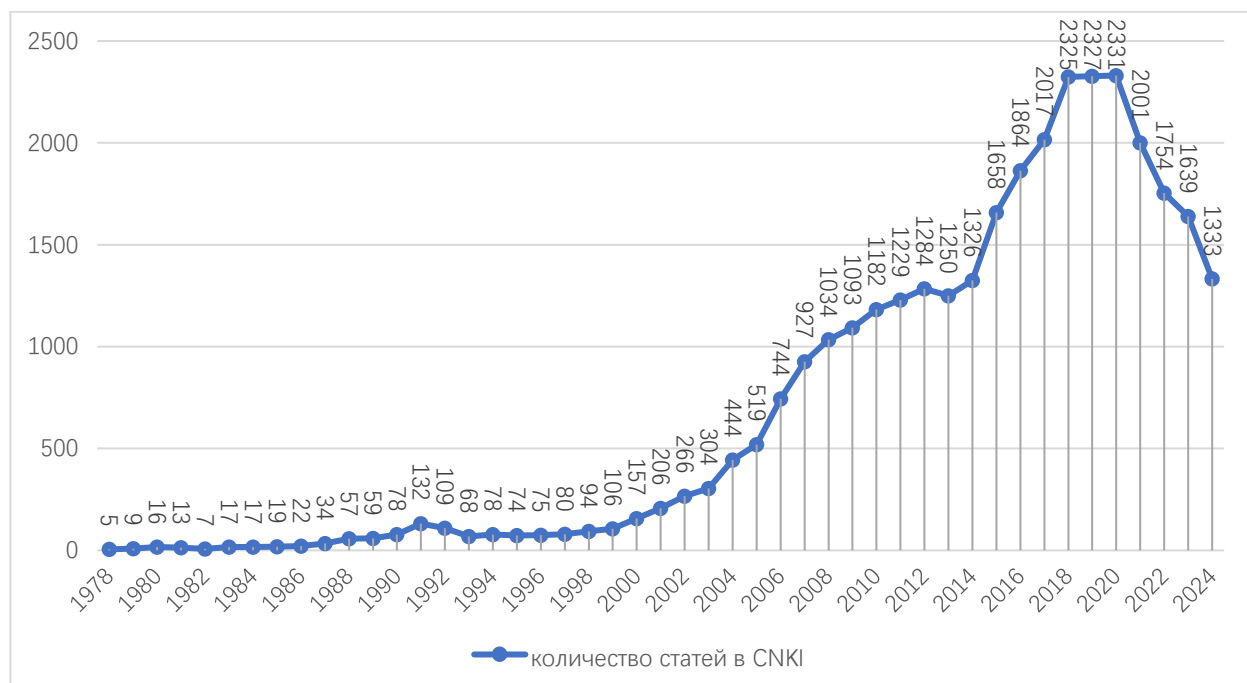

Рис. 2 / Fig. 2. Количество статей по теме исследования идеологии, опубликованных в CNKI с 1978 по 2024 гг. / The number of articles on the topic of ideology research published in CNKI from 1978 to 2024

Источник / Source: составлено автором на основе данных CNKI / Compiled by the author based on CNKI data.

Рис. 3 / Fig. 3. Распределение направлений идеологических исследований / Distribution of ideological research directions

Источник / Source: составлено автором на основе данных CNKI / Compiled by the author based on CNKI data.

На основании кластерной диаграммы автор делает следующие выводы (см. рис. 1):

1. Из ключевых слов: #0 Идеология, #1 К. Маркс, #2 Новая эпоха, #6 Руководящая позиция, #7 Легитимность, #10 Повседневная жизнь — можно понять, что в дополнение к базовым исследованиям теории идеологии марксистская теория является главным

приоритетом китайских академических кругов при изучении идеологии, а основным содержанием исследования является источник господствующей идеологии легитимности.

2. По расстановке позиций ключевых слов: #5 Дискурсивная сила, #4 Культурная индустрия, #3 Ведущая сила — можно определить, что китайские на-

**Динамика цитирований по темам исследования идеологии в 2013–2024 гг. /
The dynamics of citations on the topics of ideology research in 2013–2024**

№	Keywords	Strength	Begin	End	2013-2024 гг.
1	Культурология	4,64	2013	2016	
2	Социальные идеи	5,82	2014	2016	
3	Социализм	4,57	2014	2015	
4	Социальная трансформация	4,2	2014	2015	
5	Современный Китай	3,53	2014	2015	
6	Легитимность	3,52	2015	2017	
7	Реформы и открытость	4,83	2017	2020	
8	Дискурсивная сила	4,52	2017	2018	
9	Религия	3,73	2017	2018	
10	Си Цзиньпин	7,32	2018	2019	
11	Новая эпоха	29,37	2019	2022	
12	Киберпространство	5,7	2019	2024	
13	Конвергенция СМИ	3,62	2019	2021	
14	Искусственный интеллект	9,41	2020	2024	
15	Фундаментальная система	8,4	2020	2022	
16	В. Ленин	3,82	2020	2024	
17	Базовый опыт	6,02	2021	2022	
18	Предотвращение рисков	5,53	2021	2024	
19	Рекомендация алгоритма	3,89	2021	2024	
20	Метавселенная	5,62	2022	2024	
21	Ведущая сила	5,56	2022	2024	
22	Ф. Энгельс	4,58	2022	2024	
23	Логика капитала	4,34	2022	2024	
24	Алгоритм	4,09	2022	2024	
25	Управление рисками	3,88	2022	2024	

Источник / Source: составлено автором на основе данных CSSCI с помощью CiteSpace 6.2 / Compiled by the author based on CSSCI data using CiteSpace 6.2.

учные исследования фокусируются на роли дискурса в распространении идеологии и его конкуренции с междуполитическими дискурсами.

Авангард научного фронта исследований представлен «самыми передовыми, новейшими и наиболее перспективными темами или областями в сфере научных исследований» [10, с. 41]. Обработанные CiteSpace 6.2 данные исследования выявили и за-

фиксировали динамику всплесков (Burst) рейтингов ключевых слов от наибольшего к наименьшему (см. таблицу), что наглядно отображает находящиеся в авангарде исследований работы, связанные с изучением перевода политического дискурса в Китае за последние десять лет (2013–2024 гг.). Суть «всплеска» в том, что внезапно появляются новые ключевые слова и словосочетания, претерпеваю-

шие значительные изменения за короткий период времени. Такие явления коррелируют с «горячими» направлениями исследований [7, с. 117].

Ключевые слова 1–11 *таблицы* позволяют сделать вывод, что с 2013 по 2019 г. исследовательский фокус китайской академической мысли сосредотачивался на теории доминирующей идеологии и официальной идеологии новой эры Си Цзиньпина.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРИОРИТЕТОВ В КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Человечество официально вступило в цифровую эпоху в XXI в. Цифровая эпоха — это период, когда все регистрируется (фиксируется), анализируется и измеряется. Цифровые технологии не только вызвали стремительные революции в социальной экономике и политике, но и изменили человеческое мышление и познавательные процессы. Рост социальных сетей, электронной коммерции, цифровое правительство и пр. привели к увеличению объема данных и формируют у человечества различные формы интернет-поведения. Информационные ресурсы сети накапливают большие данные, обработка которых позволяет проанализировать информацию и сделать определенные выводы. Алгоритмы искусственного интеллекта согласно поставленным задачам помогают преобразовать в максимально короткие сроки массивы информации и представить интерпретацию выводов. В то время как человечество с восторгом принимает кажущуюся свободу, дарованную технологическим развитием, проявляются тревожные последствия цифровизации. Среди них — растущий цифровой разрыв между различными социальными группами, систематическая необъективность программных алгоритмов и непрозрачность механизмов работы искусственного интеллекта. Эти факторы оказывают негативное влияние на когнитивные процессы и образ мышления современного человека. Цифровые технологии не полностью нейтральны — они несут в себе ценностные установки и ориентиры. Правила, процессы и связи их функционирования представляют собой логическое переплетение технологий и человеческого мышления.

Анализ ключевых терминов 12–25 *таблицы* демонстрирует существенные изменения в научных интересах китайской академической среды после 2019 г. Наблюдается отчетливая переориентация исследовательского фокуса, связанная с возрастающей ролью цифровых технологий в общественной жизни.

Китайские ученые начали активно изучать влияние цифровизации на различные аспекты социума. Это привело к формированию нового научного направления, в центре которого находится исследование трансформации идеологических процессов под воздействием цифровых инноваций. Так, например, исследователи уделяют особое внимание следующим аспектам: взаимосвязи между цифровыми технологиями и идеологическими процессами, влиянию технологического прогресса на формирование общественных ценностей, трансформации традиционных идеологических концепций в цифровую эпоху, разработке новых методологических подходов к изучению идеологических явлений в условиях цифровизации.

Таким образом, цифровизация общества стала катализатором существенных изменений в философско-политических исследованиях Китая, определив новые векторы научного поиска и методологические приоритеты.

Чжоу Ли и Чжао Цюнь [11] считают, что постоянное внедрение инноваций в технологии, связанные с большими данными, искусственный интеллект и облачные вычисления оказывают глубокое влияние на производство, обращение, распределение, потребление в стране, механизмы экономической деятельности и государственное управление. В условиях глобализации размах идеологической борьбы в цифровом пространстве границ между странами фактически не существует. Китайские ученые, такие как Цзян Цзюньмин [12], Чжан Линь [13], Се Цзюнь, У Янцзинь [14] и другие, занимаются изучением доминирования идеологии (意识形态主导权). Цуй Хунвэй [15] отметил, что цифровые технологии стали связаны со стратегической конкуренцией между крупнейшими державами, а также с различиями в системах и ценностях, что является «политизацией цифровых технологий».

Дин Сяоцин и Чай Цзянь считают, что цифровой капитализм возник и повлек за собой соответствующие социальные изменения [16]. Чэн Цзиньюй отметил, что трудовая теория стоимости Маркса раскрывает сущностную логику капиталистической эксплуатации [17]. В платформенной экономике внедрение цифровых технологий не устранило стремление капитала к прибавочной стоимости, но углубило механизм эксплуатации посредством новых средств, таких как монополия на данные и алгоритмический контроль. Сюн Лян указывает, что большие данные, как новейший и наиболее активный фактор производства, еще больше ускорят поляризацию капиталистического

общества, если характер производственных отношений не претерпит фундаментальных изменений [18]. Конг Вэньхао, У Цзяи и Хуан Сыин [19] подтверждают, что цифровая трансформация создала непреодолимый барьер для людей, у которых нет цифрового оборудования, техники и ресурсов, тем самым формируя явление «цифрового неравенства», которое нельзя игнорировать. В эпоху больших данных капитал использует технологии, чтобы контролировать мысли людей и манипулировать их поведением.

Комплексный анализ научной литературы показывает, что истоки многих проблем скрываются в политическом управлении в условиях цифровых изменений в цифровую эпоху. Ключевой вопрос, требующий безотлагательного решения в академической среде, — *как сделать, чтобы технологии служили на благо человечества, и при этом не допустить их превращения в инструмент сильных для угнетения слабых.*

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ИДЕОЛОГИИ В КИТАЙСКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ КРУГАХ

Чжао Вэньдун в своем исследовании подчеркивает фундаментальное различие между государством и обществом, отмечая их неполное совпадение как социальных институтов. Государство представляет собой комплексную систему, включающую в себя: политический орган управления, территориальное сообщество, механизмы классового управления, инструменты социального регулирования [20, с. 172].

Идеологическая сфера выступает определяющим фактором в реализации государственных функций управления. При этом автор акцентирует внимание на том, что научное изучение идеологии не может существовать в отрыве от политической практики и требует постоянного взаимодействия с государственными институтами.

Современная политическая система Китая характеризуется усилением интеграции между академическим сообществом и политическими институтами. Такое взаимодействие позволяет глубже понять тенденции идеологических исследований и раскрыть особенности китайского политического мышления. Важно отметить, что развитие идеологических исследований в Китае происходит в контексте: формирования национальной модели развития, адаптации к глобальным вызовам, сохранения культурной идентичности, укрепления государственного суверенитета.

Такой подход к изучению идеологии позволяет создать целостную картину политического развития современного Китая и его влияния на международные процессы.

Методология исследования идеологических процессов, по мнению автора настоящей статьи, включает несколько ключевых направлений: дискурсивной силы, технологии управления и собственной политической теории Китая. Кратко обобщим каждое.

1. Дискурсивная сила. Премьер-министр Ли Цян⁶ подчеркнул фундаментальную роль дискурсивной силы как определяющего показателя совокупного потенциала современных суверенных государств в условиях глобализации. Данный феномен представляет собой комплексное измерение влияния государства на международной арене, включающее способность отстаивать собственные ценностные ориентиры, модель развития, а также эффективно продвигать национальные интересы и стратегические приоритеты.

Эпоха руководства Си Цзиньпина характеризуется значительным усилением внимания китайского научного сообщества к исследованию механизмов дискурсивного влияния. В условиях нарастающей геополитической конкуренции с США Китай демонстрирует двойственный подход: с одной стороны, проявляет повышенную бдительность в отношении западного дискурсивного воздействия, с другой — развивает собственные инструменты международного диалога.

Трансформация идеологического дискурса привела к существенному переосмыслению традиционных подходов к политическому мышлению, преобразовав его в мощный инструмент глобального влияния. Китайские исследователи активно расширяют академическое присутствие на международной арене, предлагая собственные интерпретации ключевых политических процессов.

Международные институты и правила становятся приоритетным направлением китайского дискурсивного воздействия. Стратегия Пекина включает:

- использование существующих международных механизмов;
- инициацию инновационных процессов в формировании глобальной повестки;
- активную защиту справедливых принципов международного регулирования;

⁶ 李强：中国国际话语权：演进逻辑、构建维度与现实挑。URL: https://brgg.fudan.edu.cn/articleinfo_5153.html

- обеспечение конструктивной роли международных институтов в решении глобальных вызовов.

Такой подход позволяет Китаю не только отстаивать собственные интересы, но и вносить существенный вклад в развитие современной системы международных отношений, предлагая альтернативные модели глобального управления.

2. Технология управления (technology governance). Франкфуртская школа современной критической теории общества проводит глубокий анализ трансформации идеологических процессов в условиях цифровой революции. Исследователи выделяют две фундаментальные парадигмы осмысления взаимосвязи технологий и идеологии. Первая парадигма рассматривает цифровые технологии как самостоятельную форму идеологического воздействия, формирующую особый тип общественного сознания. Вторая парадигма акцентирует внимание на процессе цифровизации капиталистической гегемонии, когда традиционные идеологические механизмы обретают новые технологические формы.

Сравнительный анализ этих подходов выявляет ключевой аспект современного идеологического кризиса — постепенную утрату фундаментальных характеристик человеческой природы [21, с. 407]. Особенно остро встает вопрос о характере взаимоотношений между человеком и технологиями: остаются ли люди хозяевами технологических инструментов или постепенно превращаются в их зависимых пользователей?

Китайский опыт демонстрирует масштабное внедрение технологий управления большими данными и искусственного интеллекта в различные сферы социального регулирования. Современные достижения в области генеративного ИИ, включая появление новых поколений роботов и интеллектуальных систем (ChatGPT, Sora, Deepseek, Unitree и др.), требуют особого внимания к этическим аспектам технологического развития.

Важным фактором риска становится отсутствие у искусственного интеллекта подлинно человеческих эмоций и этических принципов. При этом ценностные установки разработчиков могут неосознанно встраиваться в алгоритмы крупных языковых моделей. В ситуации, когда алгоритмическая предвзятость становится непреодолимой, существует опасность скрытого влияния альтернативных идеологий на доминирующую систему ценностей, что может подрывать легитимность властных институтов [22].

Решение проблемы требует междисциплинарного подхода к управлению технологическим развитием. Необходимо обеспечить эффективное взаимодействие специалистов в области цифровых технологий с экспертами гуманитарного и социального профиля. Цифровой политический процесс должен строиться на принципах расширенной демократии, что позволит сбалансировать технологические инновации с общественными интересами.

3. Китайская собственная политическая теория. По мнению выдающегося исследователя Су Чанхэ⁷, наличие самостоятельной системы политических знаний является критически важным фактором для обеспечения комплексной безопасности государства. Эта система охватывает все ключевые сферы: экономическую, политическую, социальную, культурную и идеологическую⁸.

Отсутствие собственной политологической базы у крупного государства создает серьезные риски для его идеологической безопасности. В таком случае страна становится уязвимой перед внешним влиянием, теряет возможность формировать благоприятную теоретическую и социальную среду для развития, а также сталкивается с трудностями в обеспечении культурной и ценностной поддержки собственного прогресса.

Позиция Китая как одного из лидеров мировой политики требует соответствующего теоретического обоснования. Для этого необходимо разработать собственную политическую теорию, способную:

- объяснить уникальные особенности развития страны;
- представить целостную картину мироустройства;
- оказать значительное влияние на международную арену.
- Проблема всех западных теорий заключается в их ограниченности. Большинство концепций в социальных науках:
 - основаны на западном опыте развития;
 - ориентированы на обслуживание западной политической практики;
 - не способны адекватно описать китайский путь модернизации.

Применение западных теоретических моделей к Китаю приводит к искаженным выводам, например:

⁷ 中国政治学的概念自觉 —— 兼析中国政治学研究的不良倾向
URL: https://www.cssn.cn/zzx/202501/t20250123_5841984.shtml

⁸ URL: <https://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1652/CQwLJcdfqC.pdf>

- использование теории гегемонистской стабильности может привести к ложному выводу о неизбежности китайской экспансии;

- оценка китайской демократии через призму конкурентных выборов игнорирует специфику социалистической системы.

Китайская модель развития привлекает все большее внимание мирового сообщества. Ведущие китайские исследователи, такие как Линь И⁹, Чжан Вэйвэй¹⁰ и Ян Гуанбинь¹¹, активно работают над созданием собственных теоретических концепций. Их идеи находят отклик во многих странах мира.

С укреплением международного положения Китая отечественные ученые продолжают разработку самостоятельных теоретических подходов, способных адекватно отражать специфику китайского пути развития и его влияние на глобальные процессы. Это позволит создать уникальную систему знаний, учитывающую как универсальные закономерности, так и национальные особенности страны.

ВЫВОДЫ

Идеологические исследования в академической среде Китая представляют собой важнейший инструмент для понимания фундаментальных основ политического мышления современного китайского государства. Эти исследования, проводимые в рамках партийно-государственной системы, продолжают концентрироваться на обосновании и укреплении легитимности господствующей идеологии,

что является краеугольным камнем политической стабильности страны.

Адаптивность и современность выступают ключевыми характеристиками современных идеологических исследований в Китае. В эпоху стремительной цифровизации китайские ученые уделяют особое внимание вопросам обеспечения идеологической безопасности, при этом делая акцент на человекоориентированном подходе к внедрению цифровых технологий.

Будущие перспективы идеологических исследований связаны с углубленным изучением вопросов технологического управления. Китайские ученые намерены сосредоточиться на следующих направлениях:

- разработка принципов нейтральности алгоритмов;
- формирование этических норм в сфере искусственного интеллекта;
- преодоление цифрового неравенства;
- решение практических проблем, связанных с логикой капитала.

Особое внимание уделяется позиционированию Китая как ведущей научно-технической державы, способной формировать собственные подходы к решению глобальных проблем.

Национальная специфика становится определяющим фактором развития китайской политической науки. Постепенно формируется уникальная аналитическая структура и исследовательская парадигма, которые органично сочетают универсальные научные подходы с китайским национальным контекстом и культурными традициями. Это позволяет создавать теоретические модели, максимально отражающие особенности китайского пути развития и его влияние на мировую политику.

⁹ Линь И, доцент Университета Цинхуа. URL: <https://www.smarx.tsinghua.edu.cn/info/1141/3277.htm>

¹⁰ URL: <https://www.hse.ru/ba/oriental/news/937153246.html>

¹¹ Ян Гуанбинь. Модернизация по-китайски и новая модель глобализации. Beijing Daily. 2024. URL: https://theory.gmw.cn/2024-10/28/content_37639669.htm

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Иванов И. С. и др. Международные отношения: грани настоящего и будущего. Москва: Российский совет по международным делам; 2023. 472 с. URL: <https://www.elibrary.ru/uualtd>
Ivanov I. S. and others. International relations: The facets of the present and the future. Moscow: Russian Council for International Affairs; 2023. 472 p. URL: <https://www.elibrary.ru/uualtd> (In Russ.).
2. Freeden M. Ideology and political theory. *Journal of Political Ideologies*. 2006;1:3-22. DOI: 10.1080/13569310500395834
3. Freeden M. The Morphological Analysis of Ideology. Chapt. 8. In: The Oxford Handbook of Political Ideologies. Oxford University Press: 2013;148-173 URL: <http://www.uop.edu.pk/ocontents/Book%20The%20Oxford%20Handbook%20of%20Political%20Ideologies.pdf>
4. Freeden M. Ideology: Picking up the pieces? *Historia y Política*. 2023;50:133-155. DOI: 10.18042/hp.50.05
5. Chaomei C. CiteSpace II: Detecting and visualizing emerging trends and transient patterns in scientific literature. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2006;57(3):359-377. DOI: 10.1002/asi.20317

6. Ма Лина. Исследование языковой политики и языкового планирования в Китае на основе CiteSpace (2000–2020 гг.). *Мир науки, культуры, образования*. 2022;2(93):318–321. (In Russ.). DOI: 10.24412/1991-5497-2022-293-318-321
Ma Lina. A study of language policy and language planning in China based on CiteSpace (2000–2020). *The world of science, culture, and education*. 2022;2(93):318–321. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-293-318-321
7. Ли Минхуэй, Лю Хун. Исследование перевода политического дискурса в Китае (2012–2021 гг.): визуализация на основе программы CiteSpace. *Политическая лингвистика*. 2022;3:108–119. URL: <https://www.elibrary.ru/oaqnlo> (In Russ.).
Li Minghui, Liu Hong. A study of the translation of political discourse in China (2012–2021): Visualization based on the CiteSpace program. *Political linguistics*. 2022;3:108–119. URL: <https://www.elibrary.ru/oaqnlo>
8. 袁伟 · 季正聚. 新时代网络意识形态研究述评 — 基于CiteSpace知识图谱可视化分析重庆交通大学学报(社会科学版). 2021;6:1-8.
9. 韩梦莹, 韩巧霞. 2011–2020年国内有关主流意识形态研究的动态与趋势 — 基于CiteSpace的文献计量分析//社会科学前沿. 2022;6:2188-2198.
10. 赵绘存. 商业模式创新发展态势的知识图谱分析//中国科技论坛. 2016;1:38-43.
11. 立, 赵秋运. 信息技术革命与社会主义市场经济制度优势//理论学刊. 2020;6:64-75.
12. 蒋俊明. 推荐算法影响下主流意识形态传播的挑战及应对策略//马克思主义研究. 2024;3:143-154.
13. 张林. 智能算法推荐的意识形态风险及其治理//探索. 2021;1:176-188.
14. 谢俊, 吴阳琴. 智能算法推荐对主流意识形态话语权构建的挑战及其应对// 西南大学学报 (社会科学版). 2024;6:144-154.
15. 崔宏伟. “数字技术政治化”与中欧关系未来发展//国际关系研究. 2020;5:21-40.
16. 丁晓钦, 柴巧燕. 数字资本主义的兴起及其引发的社会变革 — 兼论社会主义中国如何发展数字经济//毛泽东邓小平理论研究. 2020;6:40-45.
17. 成静瑜. 数字异化与算法牢笼：平台资本主义剥削逻辑的马克思政治经济学解构// 哲学进展. 2025;5:376-388.
18. 熊亮. 大数据时代资本主义社会加速两极分化探析// 毛泽东邓小平理论研究. 2020;6:54-61.
19. 孔文豪, 吴佳宜, 黄思颖. 数字鸿沟与相对剥夺感: 微观证据与影响机制//电子政务. 2021;1:110-124.
20. 赵文东. 当代中国主流意识形态的类型学分析// 上海理工大学学报. 2022;2:167-172.
21. 刘勇, 谭聪聪, 张英. 数字意识形态化抑或意识形态数字化? — 基于法兰克福学派的批判// 哲学进展. 2021;4:407-415.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Юй Лань — аспирант, кафедра политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Yu Lan — PhD Student, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-2946-598X>
yulwilla@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 09.07.2025; принята к публикации 23.09.2025.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 09.07.2025; accepted for publication on 23.09.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

Параметры и механизмы латентной сферы современной политики

А.Е. Коньков

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация;

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию параметров, способствующих идентификации и структурированию латентной сферы политики как особого пространства взаимодействия и самореализации акторов по скрытому достижению целей и решению властно значимых задач. В силу закрытости соответствующих процессов латентная сфера, как правило, сложна для распознавания и рационального описания. Однако комплексный взгляд на политику в целом и государственную политику в частности позволяет оценить как функциональную обусловленность латентных механизмов и технологий политического пространства, так и их «пользовательскую» востребованность в силу значительно уступающих возможностей публичной сферы. Современные практико-ориентированные методы постбихевиоральной эпистемологической ориентации, позволяющие в логико-интуитивном ключе интерпретировать события и явления современной политической коммуникации, вкупе с нормативистскими, сетевыми и компаративными подходами сформировали методологическую основу для последовательного исследования проблемы.

По итогам исследования среди общих параметров, характеризующих присутствие и развитие элементов латентной сферы, были выделены: многоуровневость политики, ее классификация и этапизация, предопределяющие специфику латентных явлений на разных уровнях, в разных видах и на разных стадиях. В контексте государственной политики последний параметр позволяет различать вариативность латентных практик как при целеполагании (где скрытыми могут быть преследуемые цели), так и при целедостижении (где латентными становятся механизмы достижения установленных приоритетов). Когда цели носят латентный, а механизмы их достижения — публичный характер, речь может идти об эксплицитных (объясняемых) политических явлениях и действиях. Когда цели, наоборот, публичны, а механизмы латентны, формируется логика имплицитного (подразумеваемого) политического явления. При этом эксплицитные и имплицитные разновидности политической активности протекают одновременно в публичной и латентной сферах, что позволяет четче идентифицировать последнюю. Делается вывод, что явления имплицитной политики в большей степени отражают содержание латентной сферы, поскольку опираются на нестатичные латентные механизмы, осуществляемые в русле конвенциональных, публично фиксируемых и делиберлируемых политических целей. Реальная политика при таком взгляде не только не отождествляется с публичными практиками, но и, по сути, лишь скрывается за публично-имитационной видимостью отношений всех со всеми, по-прежнему основываясь на латентно-фактической реальности взаимодействия подлинных акторов и их интересов.

Ключевые слова: латентная сфера; публичная сфера; государственная политика; интересы; политические цели; политические механизмы

Для цитирования: Коньков А.Е. Параметры и механизмы латентной сферы современной политики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(5):43-54. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-43-54

Parameters and Mechanisms for the Latent Sphere of the Modern Politics

A.E. Konkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to the study of parameters that contribute to the identification and structuring of the latent sphere of politics as a special space for interaction and self-realization of actors in covertly achieving goals and solving

imperiously significant tasks. Due to the closeness of the relevant processes, the latent sphere is usually difficult to recognize and rationalize. However, a comprehensive look at politics in general and public policy in particular makes it possible to assess both the functional conditionality of latent mechanisms and technologies of the political space, as well as their “user” demand due to the significantly inferior capabilities of the public sphere. Modern practice-oriented methods of postbehavioral epistemological orientation, which make it possible to interpret events and phenomena of modern political communication in a logical and intuitive way, together with normative, network and comparative approaches, have formed the methodological basis for a consistent study of the problem. According to the results of the study, among the general parameters characterizing the presence and development of elements of the latent sphere, the following were identified: the multilevel nature of politics, its classification and staging, which determine the specifics of latent phenomena at different levels, in different types and at different stages. In the context of public policy, the latter parameter makes it possible to distinguish between the variability of latent practices both in goal setting (where goals may be hidden) and in goal achievement (where mechanisms for achieving established priorities become latent).

Keywords: latent sphere; public sphere; public policy; interests; political goals; political mechanisms

For citation: Konkov A.E. Parameters and mechanisms for the latent sphere of modern politics. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(5):43-54. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-43-54

ВВЕДЕНИЕ

Политическая сфера структурируется на основе дуализма отношений — будь то между индивидом и группой, обществом и государством, публичными и частными акторами. В этой связи выделение внутри нее двух метасфер — публичной и латентной [1] — оказывается логичным и в известной мере ожидаемым. Такого рода «сферная» дихотомия воспроизводит ту самую асимметрично-конкурентную природу политики, онтологически опирающуюся на незримый водораздел между властвующими и подвластными.

П. Хофф, А. Рафтери и М. Хендкок прямо выделяют особую «вероятностную» сферу, в которой наличие и глубина (близость) связи между субъектами определяется вероятностью наличия зависимостей между ними [2, с. 1090]. Это позволяет оценивать «латентное, ненаблюдаемое пространство» [3, с. 255] на основе уравнивания расхождений между наблюдаемыми характеристиками и некими скрытыми параметрами и позициями, имеющими вероятностную природу.

Один из родоначальников теории элит Г. Моска акцентировал внимание как раз на функциональной составляющей политического класса, обосновывая его сплоченность и эффективность не столько материально-идейными основаниями, сколько внутренней (латентной) функцией перманентного укрепления собственных позиций в завоевании и удержании власти. Элиты, каковы бы ни были их публичные цели и методы управления, всегда мотивированы скрытым позывом к воспроизводству и максимизации власти. В этом смысле они находятся под давлением общества, сохраняющего источники воспламенения протестов, грозящих перепозиционированием доминирующих сил.

Таким образом, формируя свой функционал под давлением общества и его гипотетических угроз,

элиты руководствуются интересами не только публичной самореализации, но и непубличной активности по снижению рисков, поиску и заключению договоренностей, их нарушению в случае вступления в противоречие с ключевыми интересами, выстраиванию коалиций и сложных сделок во имя базовых задач поддержания и укрепления уже имеющихся статусов. Такие де-факто активности, как правило, даже не проговариваются отдельным образом, специально не регулируются, они изначально носят довербальный и подразумеваемый (имплицитный) характер. Они, в общем, не столько за рамки публичной сферы выносятся, сколько сами по себе образуют особую латентную сферу, не предполагающую участие массового (коллективного) актора.

Иными словами, с одной стороны, выстраиваются функционально обусловленные отношения значимых участников политического процесса вне нормативно обусловленных рамок и помимо видимого (публичного) взаимодействия. С другой стороны, именно этот тип отношений формирует подлинную «инфраструктуру» политики, где при-способливаются имеющиеся или даже специально создаются институты.

ОБЩИЕ ПАРАМЕТРЫ ЛАТЕНТНОЙ СФЕРЫ ПОЛИТИКИ

Политика в силу своей природы является источником формирования инструментов скрытного воздействия акторов на государство и общество. Явления, образующие латентную сферу, проистекают из сущностно-функциональной специфики самого политического типа организации взаимодействия. В ее основе — высокая конкурентность и крайняя (предельная, всеохватная) степень ресурсности, которой обладает государственная власть.

Латентные механизмы и технологии оказываются функционально необходимыми акторам для уста-

новления и поддержания контроля над процессами, собственно обеспечивающими их акторство как таковое. Сам политический класс не просто задействует их — он становится функционально зависимым от их использования. Такие инструменты оказываются необходимы, с одной стороны, для укрепления элитарных позиций и, соответственно, воспроизводства латентной, скрытой от рядового обывателя сферы реализации корпоративных интересов. С другой стороны — для более эффективного продвижения востребованной структуры власти, для обеспечения развития, воспроизводства политики в целом и ее публичной проекции.

Без латентных технологий власть не способна к полноценному функционированию, а формируемые вокруг нее политико-административные иерархии оказываются недостаточными, поскольку не способны конкурировать с более гибкими и подвижными гражданско-сетевыми моделями.

Вместе с тем за счет того, что коллективный актор, выступающий базовым стейкхолдером современных гражданских инициатив и проектов, обладает лишь теми инструментами выражения и продвижения своей воли, которые существуют в публичном пространстве, функционально он будет уступать как раз более мощным за счет своих латентных связей элитарным игрокам. Последние, хотя и позиционируются чаще в контексте публичных иерархических институтов, однако имеют в своем арсенале и по факту активно задействуют гораздо более обширные возможности латентной сферы.

Наличие элитарных и неэлитарных слоев вкупе с конкурентным характером взаимодействия предопределяет различие объективно воспринимаемой публичной части пространства политики и находящихся вне всеобщего видения проекций негласной или как минимум прямо не постулируемой политической целесообразности — разнообразных замыслов, целей и установок, договоренностей, обязательств взаимной поддержки и покровительства и проч. То есть политика состоит из прямо выраженных акций — тех, что артикулируются, открыто и публично осуществляются, — и явлений скрытых, де-факто определяющих, функционально обуславливающих взаимодействие акторов, однако специальным образом не фиксирующихся в общественно-политическом сознании и остающихся по сути своей латентными на фоне основной массы политических форматов.

Место, роль и значение латентных механизмов определяется активностью государства как эпицентра политического взаимодействия, средоточия

всего спектра политических отношений. Вместе с тем в силу многомерности трактовки и интерпретации сущности и функционала государства возникают различные основания и для применения скрытых политических инструментов — таких, например, как широко обсуждаемый феномен «глубинного государства» [4].

С учетом развития и диверсификации публичных и латентных атрибутов политики как обширного пространства общественных отношений государство подвергается заметным трансформациям. В контексте государственной политики проявляются как общие, характерные для широкого круга политических явлений параметры соотношения публичных и латентных форм и инструментов, так и особые, базирующиеся на общих, но свойственные именно политико-административным моделям вариации публично-латентной дихотомии.

Общие параметры подразумевают функционально обусловленное априорное присутствие в политическом пространстве в дополнение ко всем публичным атрибутам разнообразных латентных элементов взаимодействия. Такого рода общие параметры обусловлены структурой политического процесса в контексте роли и функций государства, за доступ к ресурсам которого конкурируют акторы. Общие параметры отражают одновременное фактическое протекание процесса в публичной и латентной сферах.

Особые параметры латентных явлений (и их соотношения с публичными) определяются не только индивидуальными чертами складывающихся здесь и сейчас политических отношений (хотя и это тоже, вне всякого сомнения — сами акторы, попадая в определенные обстоятельства, не могут не влиять на дизайн собственных стратегий), но и рамками тех же самых общих (общеполитических) параметров, но уже в их конкретных конфигурациях институционального или национального свойства.

Особые параметры проявляются в качестве значений, которые общеполитические параметры приобретают в текущих процессуальных обстоятельствах. Особость в данном случае представляет собой, по сути, отдельный кластер, образующийся при сочетании этих значений и отражающий специфику латентной функциональности в различных структурных элементах государства и государственной политики.

Общие параметры латентных явлений включают следующие комплексные характеристики государственной политики.

1. Многоуровневость политики. Различаются микрополитический, мезополитический, макро-

политический и мегаполитический уровни. На каждом соотношении публичных и латентных форм выстраивается по-разному, исходя из различий участников процесса. Если микрополитика определяется межличностными и внутригрупповыми характеристиками (которые и рассматриваются-то зачастую вне собственно политической науки), что предопределяет высокий потенциал для латентной сферы, то остальные уровни больше ориентированы на позиционирование элементов публичной политики и публичной сферы как внешних атрибутов процесса обретения ключевых договоренностей, сохраняющих свою действенность в латентной сфере.

2. Классификация политики. В контексте государственной политики речь может идти об отраслевых направлениях (сферах): молодежная, научная, информационная, экономическая, экологическая и др. Разновидности политики по отраслевому принципу носят, как правило, универсальный характер, а потому характеризуют латентные и публичные элементы в общем плане. Так, экономическая политика, связанная с распределением материальных ресурсов, несмотря на публичные «правила игры», чаще тяготеет к латентной сфере в силу высокой конкурентности самого предмета [5]. То же самое может быть отнесено к информационной политике, которая, хотя и имеет своим предметом публичный обмен информацией, предполагает упорядочение коммуникационных потоков и контролирование их в интересах, как правило, не носящих публичного характера [6].

3. Этапизация политики. В контексте государственной политики это, в первую очередь, целеполагание (выработка целей и формирование политики) и целедостижение (использование механизмов на пути к целям и реализация политики). Каждая из этих процессуальных стадий находит свое отражение и в публичной, и в латентной сфере одновременно.

Так, в публичной сфере ожидается выработка общесоциальных приоритетов и ценностей, служащих одновременно отправной точкой и ожидаемым результатом совместных усилий коллективного актора. В латентной сфере ведется конкуренция между наиболее активными игроками за влияние как на процесс выработки приоритетов, так и на доступ к ресурсам для их последующей реализации.

Однако и в процессе реализации политического курса, когда в общем и цели утверждены, и ресурсы распределены, формируются новые траектории для различения публичной и латентной сфер. Публично реализуются и корректируются заявленные планы,

а латентно развивается борьба между игроками как на более простых и потому менее заметных участках (распределение заказов на выполнение работ, увеличение бюджета в силу изменившейся конъюнктуры и др.), так и в более стратегически значимых областях (критика со стороны не допущенных к целеполаганию и целедостижению игроков, ориентированная на получение мандата на полный пересмотр политики и ее перезапуск на собственных условиях).

Политика, хотя и генерируется из многообразной природы разнонаправленных интересов здесь и сейчас, традиционно формулируется через долгосрочные телеологические конструкции, предусматривающие интеграцию действий государства и общества вокруг совместных целевых ориентиров. Элиты и массы солидаризируют свои интенции при попытке совместно заглянуть за некий временной горизонт. Особо выпукло это проявляется на примере современных прикладных подходов и концепций, заимствованных во многом из корпоративного сектора — таких как *new public management*, *performance-based management*, программно-целевое управление, бюджетирование, ориентированное на результат, государственные проекты и программы и т.д. [7, 8].

Публичные инструменты способны обуславливать рациональный характер политики: акторы объединяются вокруг государства и осуществляют свою деятельность в контексте формирования общих интересов и извлечения из них пользы. Вместе с тем далеко не всеми признается безусловность рациональности политики. С учетом сложности понятия государства, его динамической многоакторности в процессе принятия решений (одни структуры получают разовый доступ к этому процессу, другие обладают им долговременно, третьи — спорадически, четвертые — утрачивают) [9], а также в условиях вариативной субъектности государства единая осмысленность, соответствие определенным принципам всех его действий становится все более затруднительной.

В этой связи целесообразность (соответствие цели) политики подвержена предсказуемой изменчивости, что может проявляться как в развитии по факту декларативности целей, так и в их общей нестабильности и расширении практик символической политики, усложняющих роль и смысл целевых установок.

С процессуальной точки зрения цель структурирует политику на два масштабных элемента — формирование политики (целеполагание)

и ее реализацию (целедостижение) [10, 11]. Первое отличается высокой конкурентностью (требуется выбор из максимально широкого набора альтернатив), существенной неопределенностью (в число факторов попадают ожидания) и, как следствие, отложенной ответственностью, которая актуализируется в последующем элементе политики. Целедостижение в большей степени подвержено политико-административной рутинизации и технологизации и, в отличие от венчурной природы процесса целеполагания, ассоциируется не столько с вариативностью, сколько с исполнительской дисциплиной. Тем не менее и в рамках этого элемента сохраняется поле для политической конкуренции как в контексте интерпретации имеющихся задач, так и в ответственности за их реализацию.

Традиционно особое внимание исследователей (как, впрочем, и практиков) уделяется проблемам разработки политики, ее формирования и планирования: что, как и когда делать. Однако несмотря на то, что целеполагание рассматривается как определяющая составляющая процесса принятия решений, раскрывающаяся в большом числе как теоретических, так и прикладных источников [12–14], в процессе выработки политики происходит активное сопряжение публичной и латентной сфер.

ЛАТЕНТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ТЕХНОЛОГИИ В СТРУКТУРИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Рациональная целесообразность коллективных действий, которая универсализирует стратегии акторов в процессе политической самореализации, опирается на консенсусную логику проектирования воздействия на социальную реальность. В основе ориентированного на результат воздействия идентифицируются цели и механизмы их достижения. Оба элемента, в зависимости от масштаба и длительности активного горизонта, могут быть декомпозированы на более простые структурные единицы (задачи, мероприятия, ключевые события, контрольные точки и др.). Однако определение некоего нового желаемого состояния, которое необходимо обрести (цель), и алгоритма, способа перехода к нему из текущего состояния (механизм), характеризуют собственно базовую модель политико-управленческого действия.

В отличие от целей, призванных интегрировать усилия, механизмы более вариативны — их разнообразие позволяет предполагать множественность путей достижения желаемого результата. При этом

специфика механизмов в политике отличается особым многообразием, носящим, как правило, контекстуально-прикладной характер, и анализируется чаще всего через призму конкретного набора отношений — представительских [15], социальных [16], международных [17] и др.

При этом если цели, как правило, носят уникальный или претендующий на единовременность характер (отражают приоритетность определенного горизонта действия в конкретном историко-временном моменте), то механизмы по своей природе инструментальны и тиражируемы (приобретают нужную эффективность по мере адаптации и повторения), а также комплексны и, в известной мере, самоподобны (фрактальны, т.е. отражают совокупность более мелких схожих итераций). Программы и проекты, например, могут являться механизмами реализации политики и одновременно структурироваться на собственные цели, задачи и механизмы, которые, в свою очередь, также будут предусматривать подобные более конкретные элементы.

Механизмы, отражающие инструментально-технологическое измерение политики, отличаются отраслевой, институциональной, идеологической спецификой. При этом их собственная структура предполагает либо субъект-объектные (нисходящее воздействие на социум и его единицы), либо субъект-субъектные (диалоговый контакт власти с гражданами) отношения акторов по трансформации существующей реальности. Здесь определяющим является либо предмет приложения политической энергии, либо специфика управляющего субъекта, ориентированного как на продвижение своей воли, так и на привлечение обратной связи и поиск консенсуса.

Сегодня, в условиях повсеместного доминирования либерально-рыночной модели социальных связей, когда жесткие меры воздействия уступают место потребности в эмпатии, взаимовыгодным долгосрочным контактам и разным формам ненавязчивого принуждения, субъект-субъектные механизмы оказываются более востребованы в том числе и в политико-административных форматах. Если публичность в равной мере присуща и субъект-объектным, и субъект-субъектным конструкциям, то латентные механизмы базируются именно на последней форме взаимодействия, предполагающей межсубъектные интеракции диалогового и взаимообусловленного характера.

Технологии, отражающие инструментально-прикладную специфику механизмов движения к поставленным целевым ориентирам, представ-

ляют собой постоянно развивающиеся явления, позволяющие варьировать подходы к выбору оптимального способа получения искомого результата. Селекция механизмов в политическом целеполагании — принципиальная задача для актора, сопоставимая с предшествующими стадиями артикулирования и легитимации целей — задача, определяющая конкурентоспособность в комплексном и полисубъектном процессе формирования и реализации политики.

Здесь также возникает определенная развилка в восприятии механизмов достижения результата. С одной точки зрения, механизмы сугубо контекстуальны (ситуативны) и детерминируются конфигурацией обстоятельств, в которых необходимо решать поставленные задачи (каждая проблема требует своих механизмов решения). С другой — они как раз универсализируемы, совсем не связаны с какими-либо внешними условиями (по крайней мере, политическими) и различаются лишь по степени пользовательской сложности, которой будет определяться результативность в зависимости от условий использования акторами.

С учетом большей ориентации на субъект-субъектные формы взаимодействия латентные механизмы и технологии, требующие известной гибкости и адресности, как правило, глубоко вписаны в контекст их практического применения, опираются на весь комплекс факторов, определяющих проблему здесь и сейчас. Более того — и оттачивание, совершенствование скрытых возможностей достижения ожидаемого результата обуславливается именно более глубоким вовлечением в объект воздействия, изучением и задействованием дополнительных особенностей ситуативного анализа и прогнозирования. Вместе с тем нельзя не отметить и особую инклюзивность латентных механизмов — их способность проникать в нормативно приемлемые возможности публичной сферы и оперировать ими в скрытом ключе.

Иными словами, латентные механизмы развивают свою действенность и в публичном поле — акторы используют его возможности для решения все тех же скрытых задач. Это имеет место и в социальных сетях, и в современных мессенджерах, и даже в традиционных СМИ («сливы» и компроматы, информационные войны между разными властными группировками). Опора на актуальные инфраструктурные возможности информационного общества не только укрепляет технологическую эффективность политического взаимодействия (как в публичной, так и в латентной сфере), но и спо-

собствует снижению транзакционных издержек коммуникационного процесса, которые растут по мере институализации механизмов открытости и подотчетности.

Через апеллирование к публичной сфере игроки латентной сферы конкурируют между собой, нивелируют риски утраты своих позиций, вытесняют из политического процесса своих противников за счет их публичной дискредитации. Современные информационные войны, разного рода мифы и управляемые коммуникационные шумы, манипулятивные технологии представляют собой обширные практики поиска акторами наиболее оптимальных механизмов использования публичного дискурса в своих интересах.

Если позитивная латентность (скрытое достижение скрытых же целей) является трудноуловимым феноменом в силу высокой зависимости от субъективных факторов индивидуального и группового акторства, то методичный мониторинг динамики политической повестки дает основания для идентификации маркеров использования латентных механизмов в публичном поле.

В частности, если результатом латентных действий (механизмов) является трансформация публичных явлений, ориентированная на реализацию совсем не тех целей и интересов, которые декларируются, то в процессе рационального функционально-технологического достраивания наблюдаемые расхождения между риторикой и активностью позволяют верифицировать подлинные смыслы акторского поведения.

Будучи идентифицированными, латентные механизмы, таким образом, позволяют, следуя логике Г. Алмонда, отвечать на оба ключевых запроса политической науки: не только характеризовать задействующие их политические институты, но и становиться критериями их перспективной оценки [18, с. 23]. Латентные механизмы и технологии представляют ценность не только с точки зрения эффективности достижения результатов, ради которых они используются, но и в силу тех связей, которые они формируют между участниками политического процесса, их целями и последствиями их активности для общества и государства.

ЭКСПЛИЦИТНЫЕ И ИМПЛИЦИТНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛАТЕНТНОЙ СФЕРЫ

Представляя собой совокупность увязанных между собой разными целями действий (механизмов целестроения) политических акторов в публичной

и латентной сферах, государственная политика формирует наиболее показательную мегаарену переплетения скрытых и открытых элементов соответствующих отношений. Развиваемый в ее рамках де-юре и де-факто институциональный дизайн, по сути, увязывает воедино два метапространства социального взаимодействия — публичное и латентное, в рамках которых и между которыми осуществляются многообразные политические действия между акторами.

В силу целесообразного характера каждое из политических действий обладает двумя характеристиками — формально-векторной (направленность на определенную цель — целеполагание, придающее политике перспективную форму) и содержательно-скалярной (перераспределение ресурсов — целедостижение, наполняющее политику содержанием: производимые мероприятия, проекты, документы). Векторная (кинетическая) характеристика политического действия представляет собой желаемый (ожидаемый) результат политики (целевой показатель), скалярная (потенциальная) — механизм ее реализации (совокупность принимаемых мер как различных сочетаний задействуемых ресурсов: финансовых, административных, трудовых и проч.).

Таким образом, базовой структурой сложного скалярно-векторного политического процесса становится механизм использования имеющегося ресурса (содержание — потенциал) в направлении желаемого результата (формы — кинетики).

Если обе характеристики политического действия (желаемый результат и механизм достижения) находятся в публичной сфере, то данное действие носит публичный характер. Если обе характеристики по преимуществу погружены в латентную сферу, то обусловленное ими действие, в свою очередь, также суть латентное явление.

Рассматриваемые изолированно друг от друга публичные и латентные механизмы характеризуют два «идеальных» формата вовлечения в политику, ограничивающие с разных сторон континуум реального пространства политических отношений. Но если публичная сфера обладает достаточными свойствами для рациональной идентификации смыслов и замыслов политических акторов, то латентная сфера, как правило, представляет собой *terra incognita* для позитивно формирующегося знания, а потому оставляет больше опций для маневрирования участников.

Латентная сфера развивается и воспроизводится как совокупность субъективно конструируемых замкнутых коммуникационных контуров, содержание

которых скрыто от внешних, не входящих в оговоренный круг участников, и потому воспринимается также через ограниченный набор не всегда уверенно идентифицируемых акций и интеракций, спорадически возникающих в публичном пространстве и служащих одновременно и источником социального «любопытства» (конспирология и «жареные» факты), и инструментом легитимации закрытых договоренностей.

Вместе с тем, наряду с идеальными типами, представляющими собой, соответственно, публичные механизмы для публичного результата и латентные механизмы для латентного результата, политика включает и действия, осуществляемые одновременно в обеих сферах или в пространстве их соприкосновения (между ними): публичные механизмы для латентного результата и латентные механизмы для публичного результата.

Эти явления, находясь внутри описываемого континуума, представляют собой, с одной стороны, наиболее значимые в политическом смысле действия, которые наполняют само содержимое самореализации акторов (воплощение скрытых интересов посредством публичных ресурсов) и отражают поиск межэлитарного консенсуса, а с другой — представляют и явные методологические ориентиры для освоения латентной сферы внешними наблюдателями.

Политические действия, связанные с использованием публичных механизмов, но направленные на достижение латентных целей (не общественно значимых результатов), могут быть описаны как эксплицитные, т.е. объясняемые, сугубо внешне явные, выражаемые, прибегающие к внешним разъяснениям. Целедостижение в такой политике гласное и открытое, однако целеполагание остается вещью в себе либо может носить имитационный, формальный, не имеющий отношения к реальному положению дел характер.

Политические действия, связанные с использованием латентных механизмов, но направленные на достижение публично декларируемых целей (общественно значимых, ожидаемых результатов), при этом становятся имплицитными, т.е. подразумеваемыми, не до конца четкими, публично не явными, предполагаемыми. Целеполагание в данном случае вполне укладывается и в нормативные, публично обусловленные рамки, однако процесс целедостижения определяется неконкретно и весьма условно, не всегда доступно, оставляя разной степени широты пространства для маневрирования и интерпретирования как со стороны самих участ-

ников, так и тех, кто наблюдает за результатами их активности.

Эксплицитные и имплицитные элементы политики раскрываются через латентные механизмы и технологии. При этом у них есть и публичная, «видимая» часть, позволяющая идентифицировать их использование в политическом процессе — соответственно, ресурсная составляющая (скалярная) или целевая (векторная).

В эксплицитной конфигурации публичными являются скалярные характеристики — механизмы политики, а те реальные цели, ради которых они задействуются и на которые направлены (векторы), тщательно скрываются или замалчиваются. Примером может служить современная символическая политика [14], механизмы и технологии которой (символика, идеологические ориентиры, историческая память) определяются системой целей и задач, которая в большей степени формируется латентно.

Эффективность символической политики определяется публичной самооценностью реализуемых инструментов, которые призваны устойчиво позиционироваться в сознании граждан в качестве не столько средств, сколько самостоятельных целей социальных связей. Таким образом, политическое использование этих инструментов оказывается в прямой зависимости от целеполагания действующих акторов, остающегося в тени.

В имплицитной конфигурации ситуация обратная: цели, приоритеты, конечные результаты (ожидаемые) проводимой политики публичные и четко заявленные, носят общественно значимый и, в целом, разделяемый характер. Однако достигаются они с использованием латентных механизмов — непубличных мер и инструментов решения поставленных задач, формируемых и задействуемых в рамках закрытых коммуникационных контуров определенных акторов.

Примером имплицитных механизмов может выступать поддержка бизнесом политических и общественных проектов или, наоборот, государством — деятельности некоммерческого сектора, ГОНГО, предоставление грантов и др. [19]. Социально значимые цели — реализация социальной ответственности бизнеса и поддержка институтов гражданского общества — реализуются посредством стимулирования активности тех гражданских игроков, которые развивают выгодные заказчику инициативы и продвигают нужные ценности и смыслы.

При этом ни в эксплицитных, ни в имплицитных политических действиях латентные элементы не изолированы: и в целях, и в механизмах они могут

взаимодополнять публичные явления. Дополнительный общественно-привлекательный эффект в данном случае «прикрывает» решение разного рода скрытых задач — способствует, своего рода, «отмыванию» политики, опирающейся на функционально обусловленные, но, возможно, социально небесспорные приоритеты и активности. Однако именно латентные явления в силу мотивирующего характера их скрытого действия обладают особым импульсом для целеустремленности акторов.

Так, в эксплицитной конструкции наряду с недоступными публике целями могут постулироваться и открыто заявляемые приоритеты, имеющие значение для социума, но при этом носящие вторичный, вспомогательный, а то и отвлеченно-декларативный характер, уводящий от сути и истинного предназначения принимаемых решений и мер. В имплицитной конструкции наряду с неявными и прямо не обозначаемыми механизмами могут разрабатываться и реализовываться множество проектов и мероприятий, носящих подчеркнуто гласный и заметный характер, активно позиционируемых в публичном пространстве, однако не ведущих непосредственно к целевому результату.

ОСОБЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЛАТЕНТНОЙ СФЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В контексте гибридных латентно-публичных действий, проявляющихся в фактах объективной реальности, явления имплицитной политики в большей степени отражают содержание латентной сферы, поскольку опираются на нестатичные латентные механизмы, осуществляемые в русле конвенциональных, публично фиксируемых и делиберируемых политических целей. У таких механизмов есть объективная и стабильная «публичная» база.

При этом важно оговориться, что сама предсказуемо неочевидная специфика латентной сферы, ее нелинейность и сущностная нетранспарентность позволяют не только достраивать публичные цели и механизмы за счет их латентных антиподов, субститутов и комплементариев (отрицающих, заменяющих или дополняющих элементов), но и предполагать у нее (латентной сферы) наличие разнообразных функционально-динамических свойств, позволяющих изменять структуру и действенность политической целесообразности по мере реализации согласованных приоритетов.

В частности, за счет умолчания о сложностях и переключения внимания на более актуальные общественные предпочтения, подмены фактов о реальном положении дел мнениями о якобы бо-

более насущных задачах государства, меняющиеся латентные цели и механизмы могут становиться частью публичной повестки, а подлинно значимые публичные приоритеты (прежде признанные в качестве таковых) — вытесняться на периферию общественной заботы.

Иными словами, латентная сфера — это не столько дополнительное, сколько именно базовое измерение политики, последовательное погружение в которое наделяет участников все более полным набором опций как для восприятия реальных процессов, так и для критического воздействия на них. Здесь аккумулируется максимально широкая инструментальная палитра, выгодно отличающаяся от более «одномерных» возможностей приобретающей в данном случае «надстроечный» характер публичной сферы, находящейся в зависимости от массы транзакционных факторов.

Приобретая конкретные значения в реальных конфигурациях публичной и латентной сфер, обозначенные общие параметры латентных явлений обретают уже их особые качества, отражающие предметную специфику механизмов недекларируемого воздействия в определенных узлах политического процесса.

Так, в случае проекции публично-латентной дихотомии на рассмотренных этапах целеполагания и целедостижения на выделенные уровни политики образуются кластеры как публичных, так и латентных вариаций активности в рамках микрополитических, мезополитических, макрополитических и мегаполитических отношений.

В частности, на макрополитическом уровне, где формируется и реализуется государственная политика, нацеленная на публичные приоритеты развития страны, параллельно (а по сути — в первую очередь) решаются функционально обусловленные скрытые задачи по завоеванию и удержанию политической власти. Происходит это, в частности, с опорой на латентное манипулирование механизмами сплочения и солидаризации широких слоев населения, позволяющее ставить общую волю коллективного актора в зависимость от интересов политического класса.

На мегаполитическом уровне, где в пространстве глобального взаимодействия и международных отношений также происходит формирование и реализация государственной политики, призванной укреплять и развивать национальные интересы формально равноправных суверенных участников, одновременно не прекращается скрытая борьба (также остающаяся основополагающей для данного уровня) за влияние на мировые процессы и де-факто

подавление суверенитета конкурирующих игроков. В стремлении утверждать собственные позиции в мире акторы совершенствуют механизмы и технологии скрытного воздействия на процессы поверх собственных границ — начиная с ресурсов мягкой силы и практик публичной дипломатии и заканчивая современными инструментами транснациональных финансово-экономических рестрикций и все более изощренных прокси-войн (вооруженной борьбы чужими руками, «по доверенности»).

Мезополитический уровень, выступающий ареной взаимодействия групповых акторов, формирует более вариативное пространство для воспроизводства латентной сферы и ее механизмов, опирающееся на национальные, корпоративные и функционально-ролевые особенности реализуемых на данном уровне политических отношений. Вместе с тем в контексте «магистральной» ориентации на артикулирование и агрегирование групповых интересов происходит и априорное латентное устремление, во-первых, к подавлению конкурирующих групповых интересов и доминирующему навязыванию своих групповых ценностей, а во-вторых, к интеграции собственного узкогруппового латентного целедостижения в более широкие публичные механизмы реализации ресурсных общественно значимых интересов. Это приводит к активному соприкосновению с государственной политикой посредством лоббистских инструментов, технологий GR и прочих форм групповой самопрезентации.

Особым образом проявляется латентная сфера и на микрополитическом уровне, где уже индивидуальная специфика участников взаимодействия сказывается на пересечении их скрытых целевых установок и механизмов самопродвижения с публичными возможностями социальной среды. Вместе с тем, несмотря на, возможно, «корневой» характер воспроизводящихся впоследствии латентных практик, такого рода особенности обусловлены уже природой не столько функциональности политических действий как таковых, сколько факторами социально-психологического толка, связанными и с конкретными акторами, и с их межличностными связями.

В силу субъект-объектной специфики, возникающей на разных уровнях политики, дифференцируется и оптика рассмотрения латентных механизмов в результате приложения общих параметров классификации политики на различные отраслевые направления (сферы). Среди широкого разнообразия отраслевых политик можно особым образом выделить внутреннюю политику как арену отношений

между государством и обществом, соотносимую с макрополитическим уровнем; внешнюю политику как арену взаимодействия между структурами и акторами внешней среды, отражающую мегаполитический уровень; а также особую административную политику, вбирающую в себя многообразие связей внутри государственного аппарата и концентрирующую, таким образом, арену конкуренции групповых акторов за ресурсы государства, его институтов и аффилированных структур (мезополитический уровень).

Все три обозначенные уровнево-содержательных кластера образуют не только относительно автономные пространства политических отношений, но и особые арены взаимодействия акторов — своего рода акторские сгустки (концентрации разных акторов на разных аренах), предопределяющие характерные латентные формы самопрезентации и подспудной (имплицитной) легитимации реализуемых политико-административных стратегий. Они, в свою очередь, представляют собой уже более адресные особые параметры явлений, формирующихся в латентной сфере политики.

ВЫВОДЫ

Объективно обусловленные латентные явления, формируемые многочисленными акторами на разных аренах и уровнях взаимодействия, образуют в политике особую латентную сферу, вбирающую в себя индивидуальные и групповые приемы и практики, сочетающие развитие общественно-политической среды с завоеванием и удержанием власти, а потому дистанцирующие от прямого вовлечения осуществляющего контрольные функции коллективного актора.

Латентная сфера представляет собой пространство политической активности «без спроса» со стороны «всевидающего ока» масс как источника легитимности принимаемых и реализуемых решений. В основе искомой эффективности механизмов и технологий латентной сферы — свобода маневрирования акторов, максимально «защищенная» от издержек транзакционного характера, накладываемых социально-политическими обязательствами перед коллективным актором: подотчетности, прозрачности, социальной справедливости, легальности и т.д.

При этом латентная сфера — пространство для отнюдь не просто разовых, сиюминутных *ad hoc* инструментов, куда периодически «заглядывают» акторы, не желающие решить конкретный вопрос открыто и публично. Это сфера постоянного взаимодействия всех значимых игроков, которая изначально формировалась (задолго до возникновения современных публичных механизмов) в качестве основной арены продвижения интересов всех властно значимых участников политического процесса.

Сама политика, таким образом, предстает в двух ипостасях-сферах, отражающих публично-имитационную видимость отношений всех со всеми и латентно-фактическую реальность взаимодействия подлинных акторов, представляющих политический класс, элиты, правящую группу. Границы между обеими сферами при этом остаются весьма подвижными в силу изменчивости самого политического пространства, однако пределы латентной сферы безусловно коррелируют с реальными направлениями взаимодействия ключевых де-факто игроков, механизмами реализации ими своих интересов и формами самопрезентации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соловьев А.И. Латентный функционал публичной политики. *Политическая наука*. 2022;(3):57–79. DOI: 10.31249/poln/2022.03.03
2. Hoff P.D., Raftery A.E. and Handcock M.S. Latent space approaches to social network analysis. *Journal of the American Statistical Association*. 2002;97(460):1090–1098. DOI: 10.1198/016214502388618906
3. Dorff C, Minhas S., Ward M. Latent networks and spatial networks in politics. In: *The Oxford Handbook of Political Networks*. Oxford: Oxford University Press; 2017:249–276. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190228217.013.11
4. Коктыш К.Е., Сергеев В.М. Рождение глубинного государства. *Полис. Политические исследования*. 2024;(1):134–148. DOI: 10.17976/jpps/2024.01.10
5. Барсукова С.Ю. Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания. Препринт WP4/2006/01. Москва: ГУ ВШЭ; 2006. 48 с. URL: <https://elibrary.ru/qrexwr>
6. Манойло А.В. Основные теории современных информационных войн. *Геополитический журнал*. 2017;(4):3–23. URL: <http://isip.su/ru/journals/download?id=21&type=1>
7. Vedung E. *Public policy and program evaluation*. Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9781315127767
8. Гаман-Голутвина О.В. Мировой опыт реформирования систем государственного управления. *Вестник МГИМО-Университета*. 2013;(4):187–194. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-4-31-187-194

9. Setälä M. Connecting deliberative mini-publics to representative decision making. *European Journal of Political Research*. 2017;(4):846–863. DOI: 10.1111/1475-6765.12207
10. Соловьев А.И. Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации. *Полис. Политические исследования*. 2015;(3):127–146. DOI: 10.17976/jpps/2015.03.08
11. Cairney P. The politics of evidence-based policy-making. Springer, 2016. DOI: 10.1057/978-1-137-51781-4
12. Dror Y. Public policy making reexamined. Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9781315127774
13. Меркулов П.А. Малик Е.Н. Государственная политика в сфере политической грамотности и политического воспитания российской молодежи. *Власть*. 2016;(4):83–87. URL: <https://elibrary.ru/vvnhvb>
14. Джонсон Дж., Малинова О.Ю. Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России. *Политическая наука*. 2020;(2):15–41. DOI: 10.31249/poln/2020.02.01
15. Шабров О.Ф. Сущность и механизмы политического представительства. *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2009;(6):110–111. URL: <https://elibrary.ru/mwgrbb>
16. Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Международная передача знаний в контексте политического процесса: роль причинных механизмов. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2024;(107):135–151. DOI: 10.24412/wjpf2933
17. Махмутова Е.В. О новом политическом механизме Китая в Центральной Азии. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2023;(28):88–99. DOI: 10.48647/ICCA.2023.77.73.008
18. Almond G.A. The history of political science: An Essay. In: *Ventures in Political Science*. London: Lynne Rienner Publishers; 2002.
19. Лушников Д.А. Организованные правительством неправительственные организации (GONGO): генезис проблематики, интерпретация и функции. *Полис. Политические исследования*. 2019;(2):137–148. DOI: 10.17976/jpps/2019.02.10

REFERENCES

1. Soloviev A.I. Latent functionality of public policy. *Political science*. 2022;(3):57–79. (In Russ.). DOI: 10.31249/poln/2022.03.03
2. Hoff P.D., Raftery A.E, and Handcock M.S. Latent space approaches to social network analysis. *Journal of the American Statistical Association*. 2002;97(460):1090–1098. DOI: 10.1198/016214502388618906
3. Dorff C, Minhas S., Ward M. Latent networks and spatial networks in politics. In: *The Oxford Handbook of Political Networks*. Oxford: Oxford University Press; 2017:249–276. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190228217.013.11
4. Koktysh K.E., Sergeev V.M. The birth of the deep state. *The policy. Political research*. 2024;(1):134–148. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2024.01.10
5. Barsukova S.Y. Shadow economy and shadow policy: The mechanism of coalescence. Preprint WP4/2006/01. Moscow: Higher School of Economics; 2006. 48 p. URL: <https://elibrary.ru/qrexwr> (In Russ.).
6. Manoilo A.V. Basic theories of modern information warfare. *The Geopolitical Journal*. 2017;(4):3–23. URL: <http://isip.su/ru/journals/download?id=21&type=1> (In Russ.).
7. Vedung E. Public policy and program evaluation. Routledge; 2017. DOI: 10.4324/9781315127767
8. Gaman-Golutvina O.V. The world experience of reforming public administration systems. *Bulletin of MGIMO University*. 2013;(4):187–194. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2013-4-31-187-194
9. Setälä M. Connecting deliberative mini-publics to representative decision making. *European Journal of Political Research*. 2017;(4):846–863. DOI: 10.1111/1475-6765.12207
10. Soloviev A.I. State decisions: Conceptual scope and dead ends of theorization. *The policy. Political research*. 2015;(3):127–146. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2015.03.08
11. Cairney P. The politics of evidence-based policy-making. Springer, 2016. DOI: 10.1057/978-1-137-51781-4
12. Dror Y. Public policy making reexamined. Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9781315127774
13. Merkulov P.A. Malik E.N. State policy in the field of political literacy and political education of Russian youth. *Power*. 2016;(4):83–87. URL: <https://elibrary.ru/vvnhvb> (In Russ.).
14. Johnson J., Malinova O.Y. Symbolic politics as a subject of political science and Russian studies: Studies of the political use of the past in post-Soviet Russia. *Political science*. 2020;(2):15–41. (In Russ.). DOI: 10.31249/poln/2020.02.01

15. Shabrov O.F. The essence and mechanisms of political representation. *Problem analysis and public management design*. 2009;(6):110–111. URL: <https://elibrary.ru/mwgrbb> (In Russ.).
16. Grigorieva N.S., Chubarova T.V. International knowledge transfer in the context of the political process: The role of causal mechanisms. *Public administration. Electronic bulletin*. 2024;(107):135–151. (In Russ.). DOI: 10.24412/wjpf2933
17. Makhmutova E.V. About China's new political mechanism in Central Asia. China in global and regional politics. *History and modernity*. 2023;(28):88–99. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2023.77.73.008
18. Almond G.A. The history of political science: An Essay. In: *Ventures in Political Science*. London: Lynne Rienner Publishers; 2002.
19. Lushnikov D.A. Government-organized non-governmental organizations (GONGO): The genesis of problematic issues, interpretation and functions. *The policy. Political research*. 2019;(2):137–148. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2019.02.10

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Евгеньевич Коньков — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политического анализа, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Alexandr E. Konkov — Cand. Sci. (Political), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Political Analysis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; Assoc. Prof., Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-6198-9962>
AEKonkov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.07.2025; принята к публикации 11.09.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 23.07.2025; accepted for publication 11.09.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-55-68
УДК 323.2+316.77:004.738.5(663.5)(045)

Роль социальных сетей в формировании общественного мнения в Кот-д'Ивуаре

Г. Цой, А.В. Смирнова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье представлен всесторонний анализ использования социальных сетей в Кот-д'Ивуаре, а также характера публикуемого контента и его влияния на формирование общественного мнения. Рассматривается контекст стремительного распространения интернета в стране, достигшего к 2024 г. порядка 38,4% населения. При этом молодежная аудитория в возрасте от 18 до 34 лет выступает основным сегментом пользователей цифровых платформ и ключевым драйвером развития социальных медиа. Анализ подтверждает, что доминирующий тип контента в ивуарийском цифровом пространстве — развлекательный, включающий юмористические видеоролики, музыкальные и танцевальные клипы, а также видеоблоги, отражающие локальные культурные традиции и патриотическую тематику. Наиболее популярными платформами остаются Facebook, Instagram* и TikTok, которые выполняют многогранные функции: от личного общения и коммерческой активности до площадок для культурного самовыражения и укрепления национальной идентичности. Особое внимание уделено политической роли социальных сетей, особенно в преддверии выборов 2025 г., где активность вокруг хэштега #CIV2025 демонстрирует значимость цифровых платформ для политической мобилизации, формирования электорального дискурса и вовлечения различных групп населения в публичные обсуждения. Вместе с тем выявлены серьезные негативные последствия, обусловленные распространением дезинформации, усилением эффектов информационных пузырей и ростом общественной поляризации, что существенно снижает качество политического диалога и способствует закреплению социальных стереотипов. В работе анализируются ключевые вызовы развития цифрового пространства в Кот-д'Ивуаре: низкая скорость и неравномерность интернет-покрытия, высокая стоимость устройств, ограниченный уровень медиаграмотности, а также цензура и политическое давление, которые формируют цифровое неравенство и стимулируют процессы самоцензуры. Для преодоления этих барьеров авторы предлагают комплексный многоплановый подход, включающий образовательные программы по медиаграмотности, инвестиции в телекоммуникационную инфраструктуру, развитие альтернативных информационных технологий и учитывающий культурный контекст страны с активным вовлечением локальных лидеров мнений и сообществ. Таким образом, социальные сети в Кот-д'Ивуаре формируют динамичную цифровую экосистему, отражающую и одновременно влияющую на социально-политические процессы. Исследование подчеркивает сложный и амбивалентный характер их воздействия, указывая на необходимость дальнейшего глубокого изучения долговременных эффектов цифровизации, а также разработки стратегий по минимизации рисков и максимизации возможностей, связанных с цифровой трансформацией общества.

Ключевые слова: социальные сети; Кот-д'Ивуар; общественное мнение; политическая мобилизация; дезинформация; цифровая трансформация; Африка; медиаграмотность

Для цитирования: Цой Г., Смирнова А.В. Роль социальных сетей в формировании общественного мнения в Кот-д'Ивуаре. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(5):55-68. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-55-68

* Деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов — социальных сетей Facebook и Instagram запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

ORIGINAL PAPER

The Role of Social Media in Shaping Public Opinion in Côte d'Ivoire

Keunwon Choi, A.V. Smirnova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article provides a comprehensive analysis of the use of social media in Côte d'Ivoire, as well as the nature of the published content and its impact on shaping public opinion. The article considers the context of the rapid growth of Internet penetration in the country, which reached about 38.4% of the population by 2024. At the same time, the

youth audience between the ages of 18 and 34 is the main segment of users of digital platforms and a key driver of the development of social media. The analysis confirms that the dominant type of content in the Ivorian digital space is entertainment, including humorous videos, music and dance clips, as well as video blogs reflecting local cultural traditions and patriotic themes. Facebook Instagram and TikTok remain the most popular platforms, which perform multifaceted functions: from personal communication and commercial activity to platforms for cultural expression and strengthening national identity. Special attention is paid to the political role of social media, especially in the run-up to the 2025 elections, where the activity around the hashtag #CIV2025 demonstrates the importance of digital platforms for political mobilization, the formation of electoral discourse and the involvement of various population groups in public discussions. At the same time, serious negative consequences have been identified due to the spread of disinformation, the increased effects of information bubbles and the growth of public polarization, which significantly reduces the quality of political dialogue and contributes to the consolidation of social stereotypes. The paper analyzes the key challenges of the digital space development in Côte d'Ivoire: low speed and uneven Internet coverage, high cost of devices, limited media literacy, as well as censorship and political pressure that create digital inequality and stimulate self-censorship processes. To overcome these barriers, the authors propose a comprehensive, multidimensional approach that includes educational programs on media literacy, investments in telecommunications infrastructure, the development of alternative information technologies and takes into account the cultural context of the country with the active involvement of local opinion leaders and communities. Thus, social networks in Côte d'Ivoire form a dynamic digital ecosystem that reflects and simultaneously influences socio-political processes. The study highlights the complex and ambivalent nature of their impact, pointing to the need for further in-depth study of the long-term effects of digitalization, as well as the development of strategies to minimize risks and maximize opportunities associated with the digital transformation of society.

Keywords: social media; Côte d'Ivoire; public opinion; political mobilization; disinformation; digital transformation; Africa; media literacy

For citation: Choi K., Smirnova A.V. The role of social media in shaping public opinion in Côte d'Ivoire. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(5):55-68. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-55-68

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы во многих странах Африканского континента наблюдается стремительное расширение доступа к интернету, что существенно трансформирует способы обмена информацией и коммуникации среди населения [1]. Данный процесс обусловлен увеличением числа пользователей телекоммуникационных сетей, чему способствует устойчивый экономический рост и создание новых рабочих мест в соответствующих регионах. Особенно высокие темпы роста числа интернет-пользователей фиксируются в странах Западной Африки. По статистическим данным сервиса Statista, за период с 2000 по 2021 г. покрытие интернета в данном регионе возросло более чем в девять раз. В 2022 г. численность пользователей интернета на континенте достигла приблизительно 570 млн человек, что в два раза превышает аналогичный показатель 2015 года.

Лидирующими по приросту пользователей выступают Нигерия — крупнейшая по населению страна региона, а также Бенин и Буркина-Фасо, которые демонстрируют одни из самых значительных темпов роста за последний год. Данные тенденции открывают новые перспективы для развития цифровых сервисов и увеличения интернет-трафика, включая социальные сети, электронную коммерцию и мобильные платежные системы. В частности, в Кот-д'Ивуаре скорость мобильного интернета уве-

личилась на 35%, что является заметным достижением среди африканских стран. Хотя в Кот-д'Ивуаре интернет становится все доступнее, уровень его использования пока заметно ниже, чем в западных странах. В 2022 г. им пользовались около 39% населения. При этом к 2025 г. около 60% жителей, т.е. более 19,5 млн чел., остаются вне сети, что указывает на сохраняющееся цифровое неравенство.

Молодежь со средним возрастом около 18 лет сегодня становится главной аудиторией социальных сетей. Благодаря этому меняются привычки потребления контента и способы распространения информации. Социальные сети играют ключевую роль как площадка для общения и обмена знаниями среди молодых людей и формирования общественного мнения [2]. Они используются не только для развлечений, но и для обсуждения политических, экономических и культурных вопросов, а также для продвижения локальных ценностей и традиций. Однако неравномерное покрытие интернета, низкая скорость соединения и ограниченный доступ к современным технологиям по-прежнему влияют на специфику использования социальных сетей и качество создаваемого контента.

Цель исследования — проанализировать особенности использования социальных сетей в Кот-д'Ивуаре, структуру и тематику контента, а также оценить их роль в формировании общественного мнения. Гипотезы исследования:

- Социальные сети в Кот-д'Ивуаре выполняют преимущественно развлекательную функцию, что связано с молодым возрастом основной аудитории и ограниченными возможностями для создания сложного контента.

- Контент отражает локальные культурные особенности, традиционные ценности и специфику доступа к технологиям, что проявляется в тематике публикаций, визуальном оформлении и патристической направленности обсуждений.

Таким образом, исследование актуально в контексте продолжающейся цифровой трансформации африканских обществ и позволяет выявить как новые возможности, так и вызовы, связанные с использованием социальных сетей в странах с ограниченными ресурсами и развивающейся инфраструктурой.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология исследования основывается на сочетании историко-хронологического, типологического и контент-аналитического подходов, что позволяет комплексно рассматривать влияние социальных сетей на общественное мнение в Кот-д'Ивуаре, а также специфику функционирования цифровых медиа в условиях ограничений зоны покрытия мобильного интернета¹. Теоретическая база исследования включает принципы научной объективности и историзма, что обеспечивает анализ динамики развития медиасреды и трансформации каналов коммуникации в стране [3].

В качестве источниковой базы используются публикации в наиболее популярных социальных сетях Кот-д'Ивуара — Facebook, X (Twitter), YouTube², TikTok — за 2023-2024 гг. Для выбора и анализа информации применяются ключевые хештеги, такие как #CIV и #IvoryCoast, а также материалы тематических групп и аккаунтов политических лидеров, общественных деятелей, популярных блогеров и СМИ. Кроме того, анализируются данные опросов Afrobarometer, отчеты международных организаций, таких как Reporters sans frontières и Statcounter, а также публикации независимых онлайн-ресурсов и частных телеканалов, например NCI и Koaci. Такой комплексный подход позволяет сопоставлять активность в интернете с общими тенденциями в медиaprостранстве страны.

Основным методом эмпирического анализа выступает контент-анализ, сочетающий количествен-

ную и качественную оценку публикаций. Количественная часть включает подсчет числа постов, лайков, репостов, комментариев, анализ динамики вовлеченности аудитории и частоты обсуждения ключевых тем (политика, экономика, социальные проблемы, культурные события). Качественная составляющая направлена на выявление смысловых паттернов, доминирующих нарративов, эмоциональной окраски сообщений и особенностей коммуникации между пользователями. Особое внимание уделяется анализу тематики публикаций, типов контента (развлекательный, коммерческий, политический), а также использованию языковых маркеров (французский язык, местные диалекты).

В рамках исследования применяются методы анализа цифрового участия (структура подписок, репостов, лайков, комментариев) и анализа профилей пользователей (социально-демографические характеристики, интересы, география). Также используется включенное наблюдение за динамикой обсуждений в ключевых группах и чатах. Для уточнения отдельных аспектов проводятся экспертные интервью с местными журналистами, SMM-специалистами и активистами, что позволяет учитывать контекстуальные особенности и локальные интерпретации медиапроцессов.

Так, в большинстве сообществ в Facebook количество подписчиков составляет от 70 тыс. человек³. Для данной социальной сети характерны обсуждения политических, экономических и бытовых тем. Люди там также любят отмечать официальные аккаунты власти для привлечения их внимания к тем или иным проблемам. Для примера возьмем два аккаунта: один принадлежит политику Шарлю Бле Гуде⁴, а второй паблик посвящен стране в целом⁵. По состоянию на конец июня на личный аккаунт политика подписано свыше семисот тысяч человек, что указывает на высокий уровень его популярности среди пользователей, а группа всей страны охватывает аудиторию в 73 тысячи последователей, что значительно ниже личной страницы. Следует отметить, что подобная тенденция преобладает почти во всем отделении Facebook в Кот-д'Ивуаре.

Большие охваты и цифры присутствуют также в ТикТоке⁶. Там аудитория, в основном, занимается

¹ URL: <https://wacsi.org/the-influence-of-social-media-on-democracy-in-cote-divoire/>

² С начала августа 2024 г. работа видеохостинга YouTube в сетях провайдеров связи РФ приостановлена.

³ URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-cote-divoire>

⁴ URL: <https://www.facebook.com/share/1FgCjyaYC2/?mibextid=wwXlfr>

⁵ URL: <https://www.facebook.com/share/g/176b2fS3ja/?mibextid=wwXlfr>

⁶ URL: <https://www.start.io/audience/tiktok-users-in-ivory-coast>

флэшмобами, юмористическими или эстетическими роликами. Однако там также можно найти контент и на более социально волнующие темы, такие как, например, климат и его изменения. Там сообщества насчитывают свыше 600 тыс. подписчиков.

Инстаграм пользуется меньшей популярностью. Количество последователей там обычно не превышает несколько тысяч на аккаунт⁷. Большинство публикаций носят развлекательный характер. Схожую тематику имеют и публикации на платформе X (Твиттер)⁸. Они совмещают в себе «легкую» информацию вместе с более серьезными материалами.

Исследование столкнулось с определенными ограничениями из-за неравномерного покрытия интернетом в Кот-д'Ивуаре. Это приводит к тому, что в выборку преимущественно попадают городские пользователи, особенно из Абиджана и других крупных городов, тогда как поведение жителей сельской местности остается малоизученным из-за низкого уровня доступа к интернету и цифровым устройствам в этих регионах. Это ограничивает возможность анализа поведения жителей сельских территорий, где доступ к цифровым технологиям все еще остается недостаточным [4].

Кроме того, языковой барьер (преобладание французского языка и местных диалектов) требует привлечения носителей языка и использования специализированных алгоритмов и программ для корректной интерпретации смыслов. Некоторые платформы (например, TikTok) ограничивают доступ к данным, что создает дополнительные сложности для исследования.

Важной частью методологии стал анализ активности пользователей и структуры цифровых сообществ на выбранных социальных платформах через изучение подписок, репостов, лайков и комментариев. Параллельно с этим с помощью включенного наблюдения отслеживалась динамика дискуссий в ключевых группах и чатах, что позволило в реальном времени оценить процессы формирования общественного мнения.

На всех этапах исследования особое внимание уделялось контролю качества данных, их достоверности и правильной интерпретации с учетом языковых и культурных особенностей региона. К ограничениям исследования относятся трудности с доступом к закрытым или приватным аккаунтам на некоторых платформах, а также технические сложности, свя-

занные с автоматизированным сбором информации в условиях ограниченного API.

В результате примененный комплексный метод позволил получить всестороннее и глубокое понимание влияния социальных сетей на общественное мнение в Кот-д'Ивуаре, учитывая при этом как технологические нюансы, так и социокультурный контекст цифровых коммуникаций.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

К началу 2024 г. интернет в Кот-д'Ивуаре охватывал примерно 38,4% населения — около 11,2 млн человек. Из них около 7 млн активно пользовались социальными сетями, что составляло 23,9% от всего населения страны. В этой аудитории преобладали мужчины — их доля достигала 61-62%, преимущественно среди молодежи в возрасте от 18 до 34 лет. Это отражало как демографические особенности страны, так и специфику использования цифровых технологий. Среди социальных платформ уверенно лидировал Facebook, на который приходилось от 82 до 88% от общего числа пользователей социальных сетей в стране⁹. Функциональность, адаптация к французскому языку — официальному языку страны — и поддержка местных диалектов делают платформу популярной. Для многих Facebook — это не только инструмент личного общения, но и эффективная площадка для поиска товаров и услуг, а также развития микробизнеса. На этой платформе активно публикуются объявления о продаже различных товаров — от мобильных телефонов и одежды до мебели и подержанных автомобилей. Стоит отметить, что реклама ориентирована на недорогие товары и услуги, которые доминируют из-за уровня доходов населения страны и ограниченного доступа к новейшим гаджетам. Наряду с Facebook значительную роль играют WhatsApp (от 15 до 25% пользователей), YouTube, TikTok и Instagram. Pinterest также пользуется спросом, поскольку помогает людям обмениваться изображениями и создавать тематические подборки¹⁰.

Контент в социальных сетях Кот-д'Ивуара можно классифицировать на три ключевые группы: **развлекательный, коммерческий и политический** (табл. 1).

Развлекательный контент занимает доминирующее положение и включает юмористические скетчи, музыкальные видеоролики, танцевальные челленджи,

⁷ URL: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/cote-d%27ivoire/202409>

⁸ URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305118765736>

⁹ URL: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/cote-d%27ivoire>

¹⁰ URL: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/cote-d%27ivoire>

Таблица 1 / Table 1

**Основные типы контента в социальных медиа Кот-д'Ивуара /
The main types of social media content in Côte d'Ivoire**

Тип контента / Content Type	Основное содержание / Main Content	Кот-д'Ивуар / Côte d'Ivoire
Развлекательный	Юмористические скетчи, музыкальные видеоролики, танцевальные челленджи, видеоблоги о повседневной жизни	Доминирует в соцсетях; популярны короткие видео в TikTok с танцами, анекдотами, вирусными трендами; патриотические хештеги (#CIV229, #IvoirePride); молодежь — основная аудитория
Коммерческий	Объявления о продаже товаров, реклама косметики, пищевых добавок и лекарств	Акцент на традиционные средства из-за ограниченного доступа к медицине; яркие подписи и визуализация с женщинами в модной одежде; влияние глобальных и локальных культурных трендов
Политический	Обсуждение экономики, коррупции, безработицы, деятельности властей	Меньше выражен, но активен в периоды выборов и кризисов; группы на Facebook и X (Twitter); мемы и ирония для обхода цензуры; активная оппозиция в соцсетях, власть — через официальные каналы

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

а также видеоблоги о повседневной жизни [5]. В Кот-д'Ивуаре в TikTok особенно популярны короткие видео, где местные жители демонстрируют танцы, рассказывают анекдоты и участвуют в вирусных трендах¹¹. Музыка и танцы являются отражением культурной идентичности страны, что находит отклик в частом использовании традиционных мотивов и национальных хештегов, таких как #CIV229 и #IvoirePride¹². Молодежь, которая составляет большинство аудитории TikTok и Instagram, активно создает и распространяет контент, связанный с локальными трендами и патриотической тематикой [6].

Коммерческий контент включает в себя объявления о продаже товаров, рекламу косметики, пищевых добавок, а также лекарственных средств¹³. В условиях ограниченного доступа к официальной медицине и высокого спроса на доступные препараты значительная часть рекламы ориентирована на традиционные средства и продукты, популярные среди местного населения. В социальных сетях часто встречаются посты с яркими и броскими надписями, рассчитанными на мгновенную реакцию аудитории. Для привлечения внимания используются простые маркетинговые приемы, в том числе визуальные

элементы с изображениями женщин в яркой и облегающей одежде. Это свидетельствует о влиянии как глобальных трендов, так и местных культурных особенностей [7].

Политический контент в социальных сетях Кот-д'Ивуара представлен в меньшем объеме и становится заметнее в периоды выборов или общественных кризисов. На Facebook и X (Twitter) создаются группы и сообщества, где обсуждаются вопросы экономики, коррупции, безработицы и деятельности властей [7]. В таких сообществах пользователи часто критикуют правительство или поддерживают оппозицию, используя мемы, аллегории и иронию для обхода цензуры. Особенностью политической коммуникации является активное участие оппозиционных политиков в социальных сетях, тогда как представители власти чаще используют официальные каналы и освещают только наиболее значимые события [8].

Культурные особенности использования социальных сетей в Кот-д'Ивуаре проявляются в сильном патриотизме и поддержке локальной идентичности [9]. Пользователи активно продвигают традиционные ценности, публикуют фотографии в национальной одежде, делятся рецептами местных блюд и рассказывают о достижениях ивуарийских спортсменов. В то же время технические ограничения — низкая скорость интернета (в среднем 5 Мбит/с), высокая стоимость мобильных устройств и неравномерное покрытие — существенно влияют на качество и разнообразие контента. Большинство видеороликов

¹¹ URL: <https://rightforeducation.org/2024/12/09/the-use-of-influencers-as-tv-hosts-in-cote-divoire/>

¹² URL: <https://africacenter.org/spotlight/2025-elections/cotedivoire/>

¹³ URL: <https://www.euromonitor.com/consumer-health-in-cote-divoire/report>

и фотографий создаются на бюджетных смартфонах, что определяет их простоту, короткую продолжительность и минимальный уровень монтажа. Несмотря на это, пользователи проявляют креативность, используя слайд-шоу, закадровый текст на местных языках и другие доступные форматы. Еще одной особенностью является ориентация контента на внутреннюю аудиторию. Большинство публикаций рассчитано на местных жителей и отражает их повседневные заботы, интересы и культурные коды. Популярность приобретают блогеры и медийные личности, которые становятся известными благодаря освещению актуальных тем или участию в трендовых челленджах¹⁴. Однако их фан-базы значительно уступают по численности западным аналогам, что связано с ограниченным охватом и невысоким уровнем монетизации контента.

Алгоритмы в социальных сетях играют значительную роль в том, как мы воспринимаем информацию. Они формируют новостные ленты, показывая пользователям контент, который может их заинтересовать. Из-за этого люди часто оказываются в информационных «пузырях», где преобладают только привычные темы и взгляды, а альтернативные мнения встречаются редко. В результате социальные сети становятся не просто площадками для развлечений, а мощными инструментами, влияющими на общественное мнение, сохраняющими традиции и укрепляющими чувство национальной идентичности [10].

Наряду с этим важно отметить, что социальные сети в Кот-д'Ивуаре часто используются как средство отвлечения от реальности. В условиях экономических трудностей, социальной нестабильности и ограниченного доступа к качественным образовательным ресурсам пользователи предпочитают контент, не требующий высокой интеллектуальной вовлеченности [11, 12]. Это проявляется в преобладании развлекательных и бытовых тем, а также в низкой доле публикаций, посвященных социально значимым вопросам или образовательным инициативам. При анализе региональных трендов в социальных сетях интересно отметить сходства и различия на примере соседних стран — Ганы и Нигерии.

В Гане наибольшей популярностью пользуется TikTok, за которым следуют Facebook и Telegram¹⁵. Подобно Кот-д'Ивуару, в Гане востребованы про-

стые виды контента, такие как онлайн знакомства, ставки на спортивные мероприятия и реклама медицинских препаратов. Но что отличает Гану, так это более вдумчивый и аналитический подход к тому, как люди выбирают и потребляют информацию.

А вот в Нигерии ситуация во многом похожа на соседний Кот-д'Ивуар: здесь лидирует Facebook, который к началу 2024 г. насчитывал около 103 млн пользователей, занимая лидирующую позицию¹⁶. Мужчины составляют 50,6% аудитории, женщины — 49,4%¹⁷. Основные темы контента включают рекламу биологически активных добавок, что связано с климатическими и эпидемиологическими особенностями страны, а также дейтинг-приложения, казино и онлайн-ставки¹⁸. Развлекательный контент и платформы для его доставки также пользуются большой популярностью¹⁹.

Таким образом, несмотря на общие черты, такие как популярность Facebook и коммерческий акцент на БАДах и развлекательном контенте, каждая страна демонстрирует свои уникальные особенности, обусловленные культурными, экономическими и технологическими факторами.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

В Кот-д'Ивуаре социальные сети сильно влияют на общественное мнение — они задействованы в политической активности, формировании цифровых образов и передаче культурных ценностей, а также в обсуждении важных социальных тем [13]. Несмотря на ограничения интернета (менее 40% населения имеют регулярный доступ к сети), молодежь становится ключевым катализатором цифровых изменений и основным потребителем медиаконтента. Средний возраст пользователя социальных сетей составляет около 18 лет, что определяет специфику тематики и динамику онлайн-дискуссий²⁰.

Политическая жизнь все больше переходит в онлайн-пространство. Платформы Facebook и X (Twitter) стали местом, где оппозиция и власть борются за внимание людей. Оппозиционные лидеры, такие как Шарль Бле Гуде и Гийом Соро, активно пользуются социальными сетями, чтобы напрямую обращаться к своим избирателям, продвигать свои

¹⁴ URL: <https://rightforeducation.org/2024/12/09/the-use-of-influencers-as-tv-hosts-in-cote-divoire/>

¹⁵ URL: <https://www.statista.com/statistics/1171534/leading-social-media-platforms-ghana/>

¹⁶ URL: <https://www.statista.com/statistics/1176101/leading-social-media-platforms-nigeria/>

¹⁷ URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-nigeria>

¹⁸ URL: <https://africafirst.com/articles/obzor-geo-nigeriya/>

¹⁹ URL: <https://www.similarweb.com/top-websites/nigeria/>

²⁰ URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-cote-divoire>

идеи и собирать поддержку, зачастую обходя традиционные СМИ и государственную цензуру²¹. В то же время представители правящей партии ведут более осторожную, сдержанную и формальную деятельность в интернете, что создает определенный информационный вакуум и позволяет оппозиции формировать альтернативную повестку, особенно в периоды выборов и политических кризисов [14].

В преддверии президентских выборов в октябре 2025 г. в социальных сетях активно используется хэштег #CIV2025. Он стал важным инструментом для обмена мнениями, распространения информации и привлечения внимания к избирательной кампании²². С помощью хештега ивуарийцы разного возраста могут собрать и узнать мнение каждого из пользователей цифрового пространства, акцентируя внимание избирателей на ключевых вопросах и обещаниях кандидатов. Практика использования хэштегов иллюстрирует механизм формирования повестки дня в цифровой среде, подтверждая теорию установления повестки СМИ М. Маккомбса и Д. Шоу [15].

Формирование общественного мнения и обсуждение социальных проблем

По экспертным оценкам, предстоящие выборы обещают быть более прозрачными и конкурентными по сравнению с предшествующими циклами²³. В избирательную гонку вошло больше молодых кандидатов, среди которых выделяются Тиджан Тиам — бывший министр финансов и в прошлом исполнительный директор швейцарского банка Credit Suisse, а также Адам Биктого, председатель Национальной ассамблеи, что также стимулирует цифровую политизацию²⁴.

Однако цифровая политизация сопровождается рядом вызовов. В преддверии президентских выборов и во время общественных волнений социальные сети становятся полем информационных войн: распространяются фейковые новости, слухи, разжигаются страхи и недоверие к власти. Ярким примером служит деятельность анонимных блогеров и аккаунтов, таких как Крис Япи, чьи разоблачения и провокационные публикации получают широкий резонанс и обсуждаются на самом высоком уровне

не, порождая волны подражателей с обеих сторон политического спектра²⁵. Алгоритмы платформ активно формируют информационные пузыри, где пользователи преимущественно видят информацию, поддерживающую их взгляды, что усиливает поляризацию и снижает качество общественного видения [2].

Хотя цифровая активность в стране растет, многие люди по-прежнему продолжают формировать свое мнение главным образом через традиционные медиа — радио, телевидение и печатные издания. Это создает информационный разрыв и в большей степени ограничивает возможности для полноценного участия в цифровой жизни общества.

Социальные сети также служат инструментом не только для политической мобилизации, но и для выражения недовольства существующими социально-экономическими проблемами внутри страны. В Facebook и WhatsApp создаются многочисленные сообщества, где обсуждаются вопросы коррупции, безработицы, образования и здравоохранения. В этих группах пользователи могут делиться личным опытом и критиковать действия властей, что способствует формированию более критического общественного мнения²⁶.

В Кот-д'Ивуаре уровень доверия людей к власти остается достаточно низким. По данным The Global Economy, за период с 2007 по 2024 г. этот показатель составляет около 8,5 по десятибалльной шкале, где 10 означает минимальный уровень доверия. Такая тенденция характерна не только для Кот-д'Ивуара, но и для большинства стран Африки. Зато среди населения высокое доверие вызывают религиозные лидеры — примерно 70% людей им доверяют. Это показывает, насколько важную роль в жизни общества играют религия и духовные наставники, особенно когда доверие к властям ослабевает. Армия и другие традиционные институты занимают следующую позицию по уровню общественного доверия²⁷.

Многие жители Кот-д'Ивуара считают, что действия властей часто недостаточны, и это активно обсуждается в интернете и социальных сетях. По данным Afrobarometer, больше половины насе-

²¹ URL: <https://africa.com/ivory-coast-disqualifies-key-opposition-leaders-from-presidential-race/>

²² URL: <https://www.brut.media/afrique/videos/afrique/politique/presidentielle-2025-les-ivoiriens-ont-ils-encore-confiance>

²³ URL: <https://africanelections.org/news/2025-african-elections-outlook/>

²⁴ URL: <https://africacenter.org/spotlight/2025-elections/cotedivoire/>

²⁵ URL: <https://www.theafricareport.com/48248/cote-divoire-presidential-election-on-the-web-everything-goes/>

²⁶ URL: <https://giswatch.org/en/country-report/civil-society-participation/cote-divoire>

²⁷ URL: https://www.afrobarometer.org/wp-content/uploads/2024/10/AD_891-PAP20-Africans-trust-in-key-institutions-and-leaders-is-weakening-Afrobarometer-31oct24.pdf

ния уверены, что закон зачастую поступает с ними несправедливо²⁸. Это способствует формированию критической общественной повестки и усиливает вызовы для подтверждения легитимности государственных институтов.

Одной из важнейших социальных проблем, которую активно обсуждают в социальных сетях, остается стигматизация ВИЧ и всего, что с ним связано. Несмотря на прогресс в снижении распространенности заболевания, уровень открытости и информированности по-прежнему низок. В обществе по-прежнему существуют предрассудки и страхи, из-за которых люди, живущие с ВИЧ, часто боятся открыто говорить о своем диагнозе, опасаясь осуждения и социальной изоляции. В социальных сетях можно встретить как полезные образовательные кампании, которые помогают людям лучше понять проблему и повысить свою осведомленность, так и случаи дезинформации, что затрудняет борьбу с эпидемией²⁹.

КОНТЕНТ В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ

Необходимо подчеркнуть, что значительная часть контента в социальных сетях носит развлекательный и отвлекающий внимание характер. В условиях экономических трудностей, социальной нестабильности и ограниченного доступа к качественному образованию пользователи предпочитают потреблять легкий контент, не требующий высокой интеллектуальной вовлеченности и аналитики. Это проявляется в преобладании юмористических видео, мемов, бытовых советов и объявлений о продаже товаров. В то же время, политические и социально значимые темы обсуждаются реже, а образовательные инициативы остаются на периферии цифрового пространства [16].

Влияние социальных сетей сильно сказывается на том, как молодежь ведет себя и какие стандарты красоты воспринимает. Тренды, которые появляются на таких платформах, как Instagram и TikTok, очень быстро распространяются среди подростков, формируя их взгляды на моду, образ жизни и отношения с другими людьми [17, 18]. При этом складывается ситуация, когда люди все чаще спокойно принимают цензуру и предвзятость в медиа, не используя свои навыки медиаграмотности, чтобы критически оценивать и разбирать получаемую информацию. Это создает дополнительные опасно-

сти, связанные с распространением недостоверной информации, травлей в интернете и попытками управлять мнением людей [19].

Отдельного внимания заслуживает феномен сексуализации и фетишизации контента, который стал заметен с ростом популярности TikTok и Instagram среди молодежи [16]. Женщины в интернете зачастую становятся объектами откровенных и порой жестких комментариев, что отражает мировую проблему неравного и несправедливого отношения. Такая ситуация увеличивает риски насилия и дискриминации в онлайн-пространстве. Несмотря на улучшение сексуального просвещения и снижение уровня ВИЧ, проблема стигматизации и угроз онлайн-насилия остается очень актуальной и требует постоянного внимания и профилактических мер, чтобы защитить женщин и создать безопасную цифровую среду для всех.

Культурный нарратив в социальных сетях Кот-д'Ивуара строится вокруг поддержки традиционных ценностей, национальной идентичности и патриотизма. Пользователи активно публикуют фотографии в национальной сети о праздниках и успехах ивуарийских спортсменов. Музыкальный и визуальный контент служит инструментом сохранения культурного наследия и формирования коллективной памяти³⁰.

ЦЕНЗУРА И МЕДИАСВОБОДА

Важным контекстом для оценки влияния социальных сетей остается специфика ивуарийской медиасреды. По данным информационного ресурса «Репортеры без границ», уровень свободы слова и прессы в стране составляет примерно половину от максимального показателя (табл. 2)³¹. В стране присутствуют независимые СМИ и онлайн-платформы, однако их деятельность зачастую ограничивается экономической уязвимостью, политическим давлением и региональными особенностями. Влияние правящей партии на информационные потоки сохраняется, что сказывается на отражении оппозиционной повестки³².

Индекс цензуры СМИ в Кот-д'Ивуаре по данным Института V-Dem (Varieties of Democracy Institute) показывает, что цензура присутствует, но носит умеренный характер: государственные органы ограничивают весь оппозиционный контент. Интернет

²⁸ URL: <https://www.afrobarometer.org/countries/cote-divoire/>

²⁹ URL: https://www.unaids.org/en/resources/presscentre/featurestories/2025/july/20250728_western-central-africa

³⁰ URL: <https://europaregina.eu/creative-industries/africa/ivory-coast/>

³¹ URL: <https://rsf.org/en/country/ivory-coast>

³² URL: <https://rsf.org/en/country/russia>

Таблица 2 / Table 2

Свобода слова в социальных сетях в России и Кот-д'Ивуаре / Freedom of speech on social media in Russia and Côte d'Ivoire какие единицы измерения?

Определение / Definition	Кот-д'Ивуар / Côte d'Ivoire	Россия / Russia
Свобода прессы и интернет цензуры	64/180	171/180
Индекс Цензуры СМИ	0,1-0,3	0,5
Свобода обсуждения в Интернете	0,15-0,3	0,55
Контентные ограничения	Наличие кодексов и законов, регулирующих взаимодействие в интернете	Наличие законов, также дополнительные ограничения в виде закона о VPN, закона об иноагентах, о дискредитации ВС РФ и другие
Регулирование платформ	Ужесточенные законы за киберпреступления; наличие кодекса этики блогеров	Обязательное хранение данных внутри страны и подчинение российскому законодательству, замедление определенных платформ
Меры наказания	Аресты и штрафы	Штрафы, блокировка контента, аресты
Наличие местных социальных сетей	Отсутствуют местные социальные сети	Развитие «цифрового суверенитета», социальная сеть VK и отечественный мессенджер MAX

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

остается сравнительно свободной площадкой для дискуссий. Эти показатели контрастируют с Россией, где индекс цензуры и уровень давления значительно выше вследствие жестких законодательных мер и административных ограничений³³.

Важно отметить, что журналистика и медиа в Кот-д'Ивуаре в большинстве своем подчинены правящей партии, а оппозиционные лидеры и их повестка отражаются в менее позитивном ключе. Тем не менее за последние годы, благодаря росту интернета, уровень медиасвободы повысился: появились частные телеканалы (NCI, Коаси), независимые онлайн-ресурсы и радиостанции, что свидетельствует об определенном прогрессе свободы слова и мысли. В стране за последние годы не было громких скандалов с арестами или нападениями на журналистов, однако сохраняется частичная коррупция, позволяющая правящей элите сохранять влияние.

При этом гонениям подвергаются скорее не журналисты, а лидеры оппозиции, на которых оказывается значительное давление вплоть до судебных преследований и тюремных заключений. Это особенно заметно в политическом контексте выборов:

по Конституции президент может занимать эту должность не более двух сроков подряд, но Конституционный совет обнулil счетчик сроков после принятия новой Конституции в 2016 г., что позволило Алаассану Уаттаре претендовать на третий срок³⁴.

Хотя свобода обсуждения в интернете в Кот-д'Ивуаре ограничена, однако достаточно широка для формирования публичных дискуссий по значимым вопросам. В России, напротив, данные меры контроля более жесткие и разработаны с использованием автоматической фильтрации, премодерации и нормативных актов, что существенно сужает рамки публичного обсуждения³⁵.

Отключения интернета в Кот-д'Ивуаре случаются редко и в основном в периоды политической нестабильности. Эти меры используются как инструмент регулирования общественного порядка и снижения рисков массовых волнений и митингов. Для сравнения, в России подобные отключения встречаются реже, однако другими методами (фильтрация, блокировки) достигается высокий уровень контроля над информацией.

³⁴ URL: <https://www.reuters.com/world/africa/ivory-coast-council-approves-president-ouattara-third-term-bid-2025-06-04/>

³⁵ URL: https://v-dem.net/data_analysis/Yearcomp2Graph/

³³ URL: https://v-dem.net/data_analysis/Yearcomp2Graph/

Все эти ограничения оказывают влияние на качество общественных дискуссий и тормозят развитие цифровой демократии.

Таким образом, социальные сети в африканской стране играют значимую роль в формировании общественного мнения, политической мобилизации и трансляции культурных ценностей. Несмотря на ограничения свободы выражения, цензуру и риски дезинформации, эти платформы предоставляют гражданам новые возможности для диалога и участия.

ПРОБЛЕМЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Развитие социальных сетей встречает на своем пути целый набор технических, социальных и политических препятствий, которые замедляют цифровые изменения и создают определенные риски для пользователей. Одной из главных проблем является низкая скорость интернета и неравномерное покрытие сети. По состоянию на 2023 г., средняя скорость подключения в стране составляет всего около 5 Мбит/с, что значительно ниже среднемировых показателей (35 Мбит/с)³⁶. В сельских регионах, где проживает около 50% населения, доступ к интернету ограничен или отсутствует вовсе, что создает цифровой разрыв между городом и деревней³⁷. Например, в Абиджане, экономической столице, покрытие 4G достигает приблизительно 80%, тогда как в северных районах, таких как Корого, жители часто полагаются на 2G-соединения, непригодные для загрузки видео или использования современных приложений³⁸. Проекты вроде «Национальной сети широкополосной связи» (National Broadband Network, RNHD), направленные на прокладку 5207 км оптоволоконного кабеля (в общей сложности — 7000 км), продвигаются медленно из-за бюрократических задержек и недостатка финансирования³⁹. Даже в городах высокая стоимость гаджетов (средняя цена смартфона — 120 долл.) делает их недоступными для 60% населения, живущего за чертой бедности⁴⁰.

Контентные риски становятся еще серьезнее из-за того, что многие люди плохо разбираются в медиа и информации. Социальные сети прев-

ратились в место, где быстро распространяется дезинформация: фейковые новости о «чудо-лекарствах» от малярии, слухи о коррупции и теории заговора распространяются быстрее, чем проверенные факты. Это создает дополнительную сложность для тех, кто хочет понять, что действительно происходит. Например, в 2020 г. WhatsApp группы стали основным каналом для панических сообщений о «вакцинах-убийцах», что привело к отказу от прививок у 40% сельских жителей. Исследование CDD West Africa показало, что приблизительно 68% ивуарийцев не проверяют источники информации, доверяя сообщениям от друзей или влиятельных блогеров⁴¹. Особенно опасным становится коммерческий контент: реклама нелегальных БАДов и косметики сомнительного качества часто подается как «традиционные средства», пользуясь доверием людей к местной культуре. Это вводит многих в заблуждение и может привести к серьезным последствиям для здоровья [20]. При этом государственные кампании по продвижению здорового образа жизни, такие как #SantéPourTous, тонут в потоке низкокачественного контента.

Жизнь и важные темы, например, #SantéPourTous часто теряются среди большого количества низкокачественного контента. При этом цензура и государственный контроль создают дополнительные трудности. Хотя официально провозглашается свобода слова, оппозиционные СМИ и активисты регулярно сталкиваются с блокировками аккаунтов и давлением со стороны властей. Аналогичная ситуация в глобальном масштабе наблюдается, например, в конфликте основателя Telegram Павла Дурова с французскими властями, когда институциональное давление со стороны государства, направленное на контроль над цифровыми платформами, вызывает острый конфликт между национальной безопасностью и правами пользователей [21]. В 2023 г. платформа X (в прошлом Twitter) временно ограничила доступ к профилям Гийома Соро и Шарля Бле Гуде по запросу властей, а независимые издания вроде Коаси были вынуждены смягчать критику в адрес правительства, чтобы избежать судебных исков⁴². Закон о киберпреступности 2019 г., формально направленный на борьбу с мошенничеством, на практике используется для подавления инакомыслия: за «распространение ложной информации»

³⁶ URL: <https://www.speedtest.net/global-index>

³⁷ URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx>

³⁸ URL: <https://dig.watch/countries/ivory-coast>

³⁹ URL: <https://www.wearetech.africa/en/fils-uk/news/telecom/cote-divoire-plans-to-deploy-5-207-kilometers-of-fiber-optic-by-the-end-of-the-year>; <https://www.state.gov/reports/2024-investment-climate-statements/cote-divoire/>

⁴⁰ URL: <https://techafricanews.com/2025/04/24/affordability-what-is-the-true-cost-of-digital-inclusion-in-africa/>

⁴¹ URL: <https://firstdraftnews.org/long-form-article/foreign-anti-vaccine-disinformation-reaches-west-africa/>

⁴² URL: <https://rsf.org/en/news/cote-divoire-journalist-sentenced-prison-after-reporting-corruption-allegations>

предусмотрено до 5 лет тюрьмы⁴³. В таких условиях пользователи предпочли самоцензуру, обсуждая политику в закрытых Telegram-чатах или через аллегории в мемах.

Для пользователей ключевым приоритетом должно стать повышение медиаграмотности. Образовательные программы, подобные инициативе «Цифровая ответственность 225» (Responsabilité Numérique 225), созданная для содействия ответственному использованию социальных сетей, могут научить критически оценивать источники, распознавать манипуляции и создавать этичный контент⁴⁴. Например, практические семинары в школах Абиджана, где подростки анализируют фейковые посты и учатся верифицировать их через FactCheck, уже показали снижение доверия к непроверенной информации на 35%⁴⁵. Важно интегрировать медиаграмотность в школьные учебные программы, используя местные кейсы как разбор рекламы «традиционных лекарств» или политических мемов [20].

Чтобы сократить цифровой разрыв и улучшить качество доступа в интернет по всей стране, нужно активнее вкладывать государственные средства в развитие телекоммуникационной инфраструктуры. Особенно важно успешно реализовать проект «Национальная сеть широкополосной связи» (RNHD). Для этого потребуются не только увеличить финансирование со стороны государства, но и привлечь активное участие частного сектора, включая различные компании, подобные Tizeti, которые предлагают доступные по стоимости решения на базе солнечных электростанций для обеспечения Wi-Fi соединения в неблагополучных в инфраструктурном плане районах⁴⁶. В других странах, например в Руанде, успешно используют субсидии на покупку смартфонов для школ и студентов. Это помогает преодолевать технологические барьеры и делает обучение более доступным для всех и расширяет доступ молодежи к цифровым ресурсам⁴⁷.

Кроме того, развитие альтернативных технологий, таких как спутниковый интернет, представляется перспективным направлением. Проект Starlink сейчас тестируют в регионе Сасандра, и его запуск может стать хорошим решением для обеспечения интернета в удаленных и труднодоступных сельских районах страны. Комплексное использование данных подходов позволит значительно повысить уровень цифровой инклюзивности и создать более устойчивую и доступную телекоммуникационную среду в Кот-д'Ивуаре⁴⁸.

Образовательные программы по цифровой безопасности должны стать частью национальной стратегии. Курсы SADA (Smart Africa Digital Academy), обучающие навыкам кибергигиены и борьбе с хакерскими атаками, необходимо масштабировать: в 2023 г. их прошли лишь 2 тыс. человек из 7 млн пользователей⁴⁹. Создание «кибердружин» из волонтеров, патрулирующих соцсети и сообщающих о мошенничестве, помогло бы снизить риски. Для борьбы с дезинформацией стоит внедрить краудсорсинговые платформы, где фактчекеры и журналисты совместно опровергают фейки, как это делает PesaCheck в Кении⁵⁰.

Международное сотрудничество играет ключевую роль. Партнерство с UNESCO и Smart Africa позволило обучить 180 преподавателей цифровым навыкам в 2023 г., но этого недостаточно⁵¹. Поддержка программ вроде «Глобальная образовательная коалиция» (Global Education Coalition), направленных на создание открытых образовательных ресурсов на диалектах бауле и диула, поможет преодолеть языковой барьер⁵². Кроме того, ратификация Будапештской конвенции по киберпреступности упростит доступ к международным базам данных о кибератаках и усилит правовую базу⁵³.

Нельзя упускать и культурный контекст. Рекомендации должны учитывать местные традиции. Например, вовлекать в просветительские кампании Griots (народных сказителей), чей авторитет поможет донести идеи медиаграмотности до консерва-

⁴³ URL: <https://ifex.org/west-african-governments-passing-laws-impacting-on-online-freedom-of-expression/>

⁴⁴ URL: <https://www.l-integration.com/2023/08/22/responsabilite-numerique-225-la-cote-divoire-se-positionne-en-pionniere-de-lere-numerique-responsable-en-afrique-de-louest/#:~:text=Intitul%C3%A9%20%C2%AB%20Responsabilit%C3%A9%20Num%C3%A9rique%20225%20%C2%BB%2C,encouragement%20de%20l'innovation.>

⁴⁵ URL: <https://smartafrica.org/sada-boosts-digital-skills-in-cote-divoire-with-the-launch-of-its-national-digital-academy-2/>

⁴⁶ URL: <https://www.techcircle.ng/post/3-mins-tizeti-launches-internet-solutions-in-cote-divoire>

⁴⁷ URL: <https://www.minict.gov.rw/news-detail/what-you-should-know-about-connect-rwanda-campaign>

⁴⁸ URL: <https://www.nabu.org/news/nabu-and-gsm-systems-partner-to-tackle-illiteracy-in-rwanda>

⁴⁹ URL: <https://smartafrica.org/smart-africas-digital-academy-receives-a-20mn-grant-from-the-world-bank-to-expand-across-africa/>

⁵⁰ URL: <https://pesacheck.org/about>

⁵¹ URL: <https://smartafrica.org/sada-boosts-digital-skills-in-cote-divoire-with-the-launch-of-its-national-digital-academy-2/>

⁵² URL: <https://globaleducationcoalition.unesco.org/members>

⁵³ URL: <https://www.coe.int/ru/web/impact-convention-human-rights/convention-on-cybercrime>

тивной аудитории⁵⁴. Трансляция образовательных роликов на радио, как это делается в программе домашнего обучения («École à la maison»), может охватить тех, у кого нет доступа к YouTube⁵⁵.

В долгосрочной перспективе только сочетание технологических, образовательных и политических мер позволит Кот-д'Ивуару превратить социальные сети из пространства рисков в инструмент инклюзивного развития. Как показал опыт Ганы, где медиаграмотность снизила влияние фейков на 50%, инвестиции в цифровую экосистему окупаются ростом доверия граждан и укреплением демократических институтов⁵⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании проведен комплексный анализ использования социальных сетей в Кот-д'Ивуаре, включая структуру и тематику контента, а также их влияние на формирование общественного мнения. В условиях быстрого роста зон покрытия интернета в регионе социальные сети выступают ключевым каналом коммуникации и фактором трансформации информационного пространства и социальных практик.

Проведенные исследования подтвердили, что в социальных сетях преобладает развлекательный контент. Это связано с тем, что аудитория в основном молодая, а возможности для создания сложных медиапродуктов пока ограничены. При этом контент отражает местные культурные особенности, традиционные ценности и особенности доступа к технологиям — это видно и в темах, и в визуальном оформлении, и в патриотической направленности публикаций.

Хотя интернетом пользуется примерно 38,4% населения, именно молодежь остается главным двигателем цифровых перемен. Facebook по-прежнему лидирует как платформа для личного общения и бизнеса, а TikTok и Instagram чаще используются

для развлечений и распространения патриотического контента.

Анализ также показал, что влияние социальных сетей на общественное мнение неоднозначно. С одной стороны, они помогают людям объединяться вокруг важных политических и социальных тем — это видно на примере активности пользователей с хэштегом #CIV2025 в преддверии выборов 2025 г.

С другой стороны, цифровая политизация приносит свои сложности: распространяется дезинформация, усиливаются информационные «пузыри» — когда люди видят только те мнения, которые им близки, — и растет поляризация. Все это снижает качество общественного диалога и затрудняет понимание разных точек зрения.

Кроме того, развитие цифрового пространства тормозят несколько важных проблем: низкая скорость интернета и неравномерное покрытие сети, высокая цена на устройства, недостаточный уровень медиаграмотности, а также цензура и политическое давление. Все это ведет к тому, что некоторые люди остаются по ту сторону цифрового разрыва или предпочитают самоцензуру.

Чтобы преодолеть эти вызовы, нужен комплексный подход, в котором совместно работают пользователи, государство и международные партнеры. Он включает повышение медиаграмотности через образовательные проекты, вложения в инфраструктуру и развитие альтернативных технологий, а также учет местных культурных особенностей и привлечение уважаемых лидеров мнений для поддержки изменений.

В целом социальные сети в Кот-д'Ивуаре представляют собой динамичную экосистему, отражающую и формирующую общественные процессы. Их влияние амбивалентно, однако очевидно, что цифровые платформы будут играть все более значимую роль в политической, социальной и культурной жизни страны. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением долгосрочного воздействия цифровизации на демократические процессы и социальную сплоченность, а также с разработкой стратегий минимизации рисков и максимизации возможностей цифровой трансформации.

⁵⁴ URL: <https://www.culturesofwestafrica.com/how-griots-keep-west-africas-stories-alive/>

⁵⁵ URL: <https://ecole-ci.org/>

⁵⁶ URL: <https://mfwa.org/issues-in-focus/mfwa-launches-report-on-mis-disinformation-polarisation-and-state-threat-in-ghana/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Mwaura J. Navigating the digital horizon: Future trends and predictions in Africa. *Dialogues on Digital Society*. 2025;1(1):24–28. DOI: 10.1177/29768640241252714
2. Wike R., Silver L., Fetterolf J., Huang C., Austin S., Clancy L., Gubbala S. Social media seen as mostly good for democracy across many nations, but US is a major outlier. Washington, DC: Pew Research Center; 2022. 81 p. URL: <https://issuelab.org/resources/41469/41469.pdf>

3. Michelle T.O.P.É. Les radios de proximité et la question de la cohésion sociale en Côte d'Ivoire. *Cahiers Africains de Rhétorique*. 2024;3(2):258–274. (In French). DOI: 10.55595/5mjkbv17
4. Stern M.J., Adams A.E., Elsasser S. Digital inequality and place: The effects of technological diffusion on internet proficiency and usage across rural, suburban, and urban counties. *Sociological Inquiry*. 2009;79(4):391–417. DOI: 10.1111/j.1475-682X.2009.00302.x
5. Градюшко А.А. Платформы Instagram и TikTok в цифровом пространстве: сравнительный аспект. *Труды БГТУ. Серия: 4: Принт- и медиатехнологии*. 2021;1(243):12–19.
Hradziushka A.A. Instagram and TikTok platforms in digital space: a comparative aspect. *Proceedings of BSTU, issue 4, Print- and Mediatechnologies*. 2021;1(243):12–19 (In Russ.).
6. Gougou S.A.M., Mahona J.P. Digital Sociability and the Construction of Social Links on Social Digital Network in Ivory Coast: A Case Study of Young Abidjanese. *Direct Research Journal of Social Science and Educational Studies*. 2022;10(7):118–127. DOI: 10.26765/DRJSSES 91144695
7. Diabate N. On Visuals and Selling the Promise of Sexual Plaisir and Pleasure in Abidjan. *African Studies Review*. 2022;65(4):863–885. DOI: 10.1017/asr.2022.118.
8. Marwala T. Social media in politics. In: Artificial Intelligence, Game Theory and Mechanism Design in Politics. Singapore: *Springer Nature Singapore*; 2023:157–173.
9. Babo A. Nationalism and decolonization in the Ivory Coast. *Oxford Research Encyclopedia of African History*. 2022. DOI: 10.1093/acrefore/9780190277734.013.727
10. Chueca Del Cerro C. The power of social networks and social media's filter bubble in shaping polarisation: An agent-based model. *Applied Network Science*. 2024;9(1):69. DOI: 10.1007/s41109-024-00679-3
11. Гараганов А.В., Разов П.В. Предпочтения пользователей видеосервисов: результаты социологического исследования причин просмотра видео «без сюжета и содержания». *Социально-политические науки*. 2023;13(6):154–159. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-6-154-159
Garaganov A.V., Razov P.V. Preferences of video service users: results of a sociological study of the reasons for watching videos “without a plot and content”. *Socio-political sciences*. 2023;13(6):154–159. (In Russ.). DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-6-154-159
12. Сайко Е.А., Шлыкова О.В. Медиапотребление культурно-образовательного контента: современные реалии. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2021;27(4):229–237. DOI: 10.15826/izv1.2021.27.4.090
Saiko E.A., Shlykova O.V. Media consumption of cultural and educational content: Modern realities. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture*. 2021;27(4):229–237. (In Russ.). DOI: 10.15826/izv1.2021.27.4.090
13. Kperogi F.A. Social media and the demotic turn in Africa's media ecology. *History Compass*. 2022;20(2): e12711. DOI: 10.1111/hic3.12711
14. Hanrath J., Leggewie C. Revolution 2.0? The role of digital media in political mobilisation and protest. *Peace-Development-Environment*. 2013;37.
15. McCombs M.E., Shaw D.L. The agenda-setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly*. 1972;36(2):176–187.
16. Bamba A., Kamagaté A., Koivogui M., Koné D. Analysis of Social Networks among Students in Abidjan City. *Open Journal of Applied Sciences*. 2022;12(8):1339–1351. DOI: 10.4236/ojapps.2022.128092
17. Uti T., Marcella-Hood M. The lifecycle of a social media beauty trend: A case study of the Instagram body. *Cogent Arts & Humanities*. 2025;12(1):2472544. DOI: 10.1080/23311983.2025.2472544
18. Xie Z. The influence of social media on perception of body image and beauty standards on young people. *Transactions on Social Science, Education and Humanities Research*. 2024;5:143–148.
19. Wiryawan W., Sutantri S.C. Cyber bullying in social media against the stigma of Indonesian Women's Beauty Standards. *International Journal of Education, information technology, and others*. 2023;6(2):233–244. DOI: 10.5281/zenodo.7900364
20. Canivet M., Lecocq D. Between tradition and modernity, traditional medicine and nursing in Ivory Coast. *Revue de L'infirmiere*. 2019;68(247):27–29. DOI: 10.1016/j.revinf.2018.11.006
21. Цой Г., Зотова Т.А. Влияние политических факторов на развитие глобальных коммуникационных платформ в современном мире в контексте дела Павла Дурова. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025;10(2(36)):205–214. DOI: 10.21603/2500-3372-2025-10-2-205-214

Tsoi G., Zotova T.A. The influence of political factors on the development of global communication platforms in the modern world in the context of the Pavel Durov case. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences*. 2025;10(2(36)):205–214. (In Russ.). DOI: 10.21603/2500-3372-2025-10-2-205-214

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Гунвон Цой — кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Keunwon Choi — PhD (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-8203-8461>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

gwchoi@mail.ru

Ангелина Владимировна Смирнова — студентка, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Angelina V. Smirnova — student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0009-6642-0765>

angelina-smirnova.1004@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.08.2025; принята к публикации 15.09.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 12.08.2025; accepted for publication on 15.09.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-69-77

УДК 17:316.7(045)

Трансформация ценностных ориентиров: анализ духовно-нравственных проблем современного общества

Д.В. Петросянц

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу обострения духовно-нравственных проблем в глобальном масштабе. Автор ставит целью выявление наиболее острых проблем, определение географии их распространения и оценку степени угрозы, которую они представляют для современного общества. В ходе исследования выявлены ключевые вызовы, включающие утрату традиционных ценностей, кризис института семьи, рост агрессии в обществе, информационную дезориентацию, размывание национальной идентичности. Методология исследования базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем системный анализ, социологические исследования, культурологический анализ, анализ современных данных общественного мнения. Особое внимание уделяется влиянию на ценностные ориентиры общества таких факторов, как: процессы глобализации, цифровая трансформация, социальное неравенство. Результаты исследования демонстрируют необходимость разработки комплексных мер по сохранению духовного баланса общества и формированию устойчивых моделей морального поведения в современных социокультурных условиях. **Ключевые слова:** духовные ценности; кризис смыслов; национальная идентичность; системный анализ; этические нормы

Для цитирования: Петросянц Д.В. Трансформация ценностных ориентиров: анализ духовно-нравственных проблем современного общества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(5):69-77. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-69-77

ORIGINAL PAPER

Transformation of Value Orientations: An Analysis of the Spiritual and Moral Problems of Modern Society

D.V. Petrosyants

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the aggravation of spiritual and moral problems on a global scale. The author aims to identify the most acute problems, determine the geography of their spread and assess the degree of threat they pose to modern society. The study identified key challenges, including the loss of traditional values, the crisis of the family institution, the growth of aggression in society, information disorientation, and the erosion of national identity. The research methodology is based on an interdisciplinary approach that combines system analysis, sociological research, cultural analysis, and analysis of modern public opinion data. Special attention is paid to the influence of the following factors on society's value orientations: globalization processes, digital transformation, and social inequality. The results of the study demonstrate the need to develop comprehensive measures to preserve the spiritual balance of society and the formation of sustainable models of moral behavior in modern socio-cultural conditions.

Keywords: spiritual values; crisis of meanings; national identity; system analysis; ethical norms

For citation: Petrosyants D.V. Transformation of value orientations: An analysis of the spiritual and moral problems of modern society. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(5):69-77. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-69-77

ВВЕДЕНИЕ

Рассуждения о восстановлении привычных духовно-нравственных ценностей во многом могут просто разбиться о реальность новых социально-когнитивных взаимодействий людей, обусловленных новыми социально-психологическими и технологическими изменениями последних десятилетий.

По сути, «каждая система состоит из ряда специфичных по решаемым задачам элементов, но работа их подчинена глобальной цели, преследуемой системой и составляющей ее предназначение. Иначе говоря, структура системы определяется сформулированной целью, а части системы, не участвующие в решении основной задачи, являются рудиментами и исторически отмирают» [1, с. 4–6].

Третье десятилетие XXI в. наглядно продемонстрировало, как глобальные конфликты, в которые вовлечены массы людей, с оружием в руках идущих на смерть друг против друга, становятся неотъемлемым элементом современного геополитического ландшафта. Различные духовно-нравственные ценности приводят к конфликту смыслов, что порождает кризис противостояния по вектору идентификации «свой — чужой».

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ

На сегодняшний день в России отсутствует системный подход к измерению уровня принятия традиционных ценностей обществом, особенно молодежью. Тем не менее обеспокоенность упадком традиционных ценностей на высшем уровне уже приводит к ответственным решениям.

К примеру, Государственная Дума РФ в третьем, окончательном чтении одобрила закон, наделяющий Министерство культуры РФ правом отказывать в выдаче прокатного удостоверения фильмам, содержащим материалы, дискредитирующие или отрицающие *традиционные российские духовно-нравственные ценности*¹. В российских школах, начиная с 2026–2027 учебного года, введут новый предмет — «Духовно-нравственная культура России»².

Н. В. Кисельникова проанализировала преимущества и ограничения сложившихся на сегодняшний день научных практик для измерения ценно-

стей и ценностно-ориентированного поведения человека, включая методики и инструментарий Ш. Шварца, Г. Олпорта, П. Вернона, Дж. Линдсей и др. Ею отмечено, что «получившие в настоящий момент распространение опросники по изучению ценностей базируются на соответствующих теоретических моделях, не все из которых находят эмпирическое подтверждение пригодности к использованию. Данные модели различаются взглядами на природу ценностей и их свойства. В то же время использование исключительно самоотчетных методов не позволяет уверенно прогнозировать проявление измеренных опросником ценностей в поведении. Дополнение опросных данных самоотчетами о поведении, реконструкцией прошлого опыта или решением ситуационных задач дает чуть более полную картину, однако, как правило, такие исследования выполняются в корреляционном дизайне, а потому не позволяют делать причинно-следственных выводов и строить надежные прогностические модели» [2].

В современном мире, пожалуй, нет региона, не затронутого процессами глобализации. Часть исследований посвящены проблемам идентичности: вопросы, кто я, какой мой жизненный путь, истинное предназначение и т.п. занимают умы людей во все времена и эпохи. «Традиционная идентичность, формирующаяся в результате многовекового процесса адаптации к изменяющимся историческим реалиям, базирующаяся на собственном неповторимом опыте и уникальном наборе жизненно-важных ценностей каждого народа, подвергаясь влиянию подобного рода ценностной универсализации, зачастую объявляется «архаичной» и перестает быть актуальной» [3]. Все это накладывается на «матрицу» универсализации и неуклонного развития технологий. Как пишет в своей монографии «Методология систем» В. Могилевский, «современный прогресс находит воплощение лишь в одной сфере — технологической, если ее понимать в широком смысле, и очень слабо затрагивает духовные ценности, области морали и этики» [1].

Ученые из Брянского государственного университета им. И. Г. Петровского отметили интересное явление, когда «в молодых семьях встречается несовпадение ценностных ориентиров, что несет в себе конфликты и проблемы. Также это включает в себя последствия автономности и приводит к проблемам нестабильности и подрыву гармоничного уклада семьи. Ведь семейные ценности могут влиять друг на друга, чем больше взаимосвязь между ними, тем крепче целостность семьи» [4].

¹ Государственная Дума России приняла закон о запрете фильмов, дискредитирующих традиционные ценности. URL: <https://ria.ru/20250722/zakon-2030653802.html?ysclid=mesjjf1jp4734318305>

² В школах появится предмет «Духовно-нравственная культура». URL: <https://www.rbc.ru/society/22/08/2025/68a88c579a79476fe1024448?ysclid=mesjppbk8566136848>

Зарубежные ученые также озабочены различными проблемами, связанными с духовно-нравственным упадком. Они ищут истоки и глубинные причины проблемы. Так, ученые Tilburg University доказывают в своем исследовании, что «неравенство доходов сопровождается ростом неравенства в удовлетворенности жизнью, что, в свою очередь, негативно отражается на уровне общественного доверия. Таким образом, экономическая и субъективная несправедливость взаимно усиливают падение социального капитала» [5].

Особое внимание проблеме идентичности в эпоху информационного общества уделяет М. Кастельс. Он выделяет три типа идентичностей — легитимирующую, сопротивляющуюся и проектную, — подчеркивая, что в условиях глобализации они находятся в состоянии постоянного конфликта и переопределения [6]. Схожие идеи развивает Я. Питерсе, рассматривающий культурные трансформации как процесс «глобального смещения». Однако, в отличие от алармистских подходов, он отмечает и позитивный потенциал таких изменений, способных обогащать культурные практики [7]. Р. Робертсон ввел термин «глокализация», обозначающий диалектическое взаимодействие глобальных и локальных процессов. Работа носит фундаментальный характер для понимания двойственного характера кризиса идентичности [8].

Но основная проблема, которой озадачены ученые, не просто констатировать, как духовно-нрав-

ственные проблемы меняют общество и взаимоотношения в нем, а как поступить, стоит ли стараться выправить ситуацию, либо, используя неизбежные изменения, оптимизировать сложившиеся практики.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Современное общество сталкивается с множеством духовно-нравственных проблем, затрагивающих как отдельную личность, так и общество в целом. Как и любая систематизация и классификация, данная попытка выделить наиболее важные, несет на себе налет индивидуальных пристрастий и когнитивных aberrаций, которых не избежать. Перечисленные ниже проблемы могут пересекаться в своем влиянии на современное общество и дополнять друг друга (см. рисунок).

1. Потеря духовных ценностей и рост материализма. Это ключевая проблема, и все остальные выявленные в исследовании дисбалансы порождены ею. Современное общество ориентировано на потребление, что приводит к утрате традиционных духовных ценностей. Люди все чаще измеряют успех материальными благами, а не внутренним развитием. Это приводит к духовной пустоте, кризису смыслов и отчуждению.

Традиционные духовные ценности, такие как стремление к внутреннему совершенствованию, поиск высших смыслов, служение обществу, катастрофически теряют приоритет в условиях господства рыночной логики, ускорения технического и технологического прогресса. Человек все чаще оценивает свою успешность через материальные показатели: уровень дохода, обладание статусными вещами, доступ к престижным благам. Это приводит к феномену «духовной пустоты», выражающемуся в утрате устойчивых мировоззренческих ориентиров и росте отчуждения между индивидом и сообществом.

В июле 2025 г. ВЦИОМ опубликовал аналитический обзор об отношении россиян к «традиционным духовно-нравственным ценностям» и их реальной приоритизации. В исследовании выявлено, что «идея незыблемости традиционных духовных принципов остается важной для большинства россиян: две трети опрошенных стабильно выражают согласие с тем, что нужно следовать этим принципам даже в случае противоречия с реальностью. Это убеждение особенно сильно в поколениях среднего и старшего возраста. Однако среди молодежи (поколений цифры и младших миллениалов) доля несогласных превышает долю согласных или приближается к ней, демонстрируя ценностный разрыв:

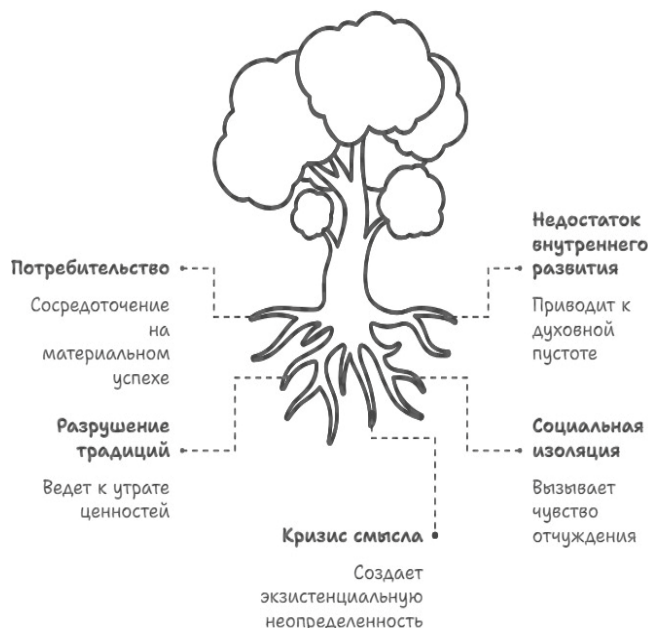

Рис. / Fig. Потеря духовных ценностей и рост материализма / Loss of spiritual values and the growth of materialism

Источник / Source: составлено автором / Compiled by authors.

молодые чаще ставят под сомнение безусловный приоритет традиции»³.

Современная динамика ценностей фиксирует асимметрию между внешними показателями успеха и внутренними критериями самореализации. Эмпирические метаанализы последних лет демонстрируют устойчивую отрицательную связь материалистической ориентации с показателями как индивидуального, так и социального благополучия; при этом причинные эффекты прослеживаются в экспериментальных дизайнах и подтверждаются в межкультурных выборках. На уровне повседневных практик потребление выступает механизмом символического статуса и самоидентификации, но плохо восполняет дефицит смысла и сопричастности, усиливая переживание одиночества и фрагментации социальных связей.

Таким образом, современный кризис смыслов можно рассматривать как результат дисбаланса между духовным и материальным началами в культуре. Актуальной задачей становится поиск новых форм интеграции духовных ценностей в социальное пространство, способных противостоять односторонней ориентации на потребление и восстановить гармонию внутреннего и внешнего развития личности.

2. Кризис семьи и снижение авторитета старшего поколения, родителей. Семья перестает быть основой общества: частые разводы, нежелание заводить детей (*чайлд фри*), распространение гражданских браков. Это разрушает традиционные институты воспитания, формируя общество индивидуалистов и эгоцентристов. Семья, традиционно выступавшая основным институтом социализации и воспроизводства культуры, постепенно утрачивает устойчивость и нормативную целостность. Эмпирические данные последних десятилетий фиксируют рост числа разводов, увеличение доли гражданских браков, а также распространение практики добровольной бездетности.

Одновременно снижается авторитет старшего поколения, институт родительства все реже рассматривается как источник безусловного жизненного опыта и нравственных ориентиров. Переход к индивидуализированной культуре порождает новые формы идентичности, в которых ценность личного выбора превалирует над межпоколенческой преемственностью. Социологи отмечают, что в условиях постмодерна семья перестает быть единственным

пространством формирования социальных норм, уступая место медиа и цифровым сообществам [9].

Эти процессы формируют общество, в котором коллективные интересы уступают личным стратегиям самореализации. С одной стороны, подобные трансформации можно трактовать как расширение свободы личности; с другой — они сопровождаются ростом социальной атомизации, дефицитом устойчивых форм солидарности и риском воспроизводства духовного кризиса.

3. Падение уровня нравственности в окружающем людей информационном поле (СМИ, кинематограф, публицистика и т.п.). Журналисты и многочисленные блогеры ориентируются на сенсации, скандалы, насилие и сексуализацию. Нет и сдерживающего начала для использования фейков. Это формирует деструктивные модели поведения, особенно среди современной молодежи.

Особую опасность представляет использование искаженной или откровенно фейковой информации, для распространения которой практически отсутствуют институциональные барьеры. Такая практика не только разрушает доверие к журналистике как социальному институту, но и формирует у аудитории устойчивую привычку потреблять информацию без критической рефлексии. В последние несколько лет человечество оказалось на пороге новой информационной эры, в которой грань между реальностью и вымыслом становится все более размыта. Одним из наиболее ярких и тревожных проявлений этой трансформации стало широкое распространение фейковых видеороликов, созданных с помощью генеративных моделей ИИ.

Особенно уязвима к подобным воздействиям молодежь, для которой цифровая среда становится главным пространством социализации. В условиях, когда традиционные институты воспитания теряют свое влияние, медиа фактически начинают выполнять функцию носителей ценностей. При этом они нередко закрепляют модели поведения, противоречащие общественным и нравственным нормам [10–12].

Про прошлое мы узнаем из учебников истории, из старых кинофильмов о современниках и новых лент про события давно минувшие, из художественной литературы и т.п., и только в последнюю очередь мы обращаемся к документированным архивам, которые способны приоткрыть завесу субъективной оценки тех событий. Собственно, как правило, эти архивы нужны в использовании профессионалам, археологам, историкам и т.п., и практически малоинтересны обычным гражда-

³ Традиционные ценности: ожидание и реальность. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost?utm_source=chatgpt.com

нам. Тем не менее историческая память народа, также как и любая человеческая память, склонна к забывчивости, интерпретациям, сохраняя в воспоминаниях только выборочные эпизоды, порой уводя от объективной оценки. И этим эффективно пользуются силы, ведущие пропаганду, воздействуя на общественное мнение и принятие решений через различные информационные средства с целью достижения определенных политических, экономических или военных целей. Особенно этому воздействию подвержена молодежь, являющаяся основной легкодоступной целевой аудиторией политической агитации и пропаганды [13].

Таким образом, современный кризис медиаполя следует рассматривать как структурный фактор трансформации морали в обществе. Необходимость разработки механизмов культурного саморегулирования и повышения уровня медиаграмотности становится ключевой задачей не только журналистики, но и всего социокультурного пространства.

4. Культ индивидуализма и эгоизма. Общество поощряет ориентацию на личные достижения, пренебрегая коллективными интересами. Это ведет к разрушению сообществ, снижению доверия и росту социального неравенства. Классическая русская идея сосредоточения на общности выступает как противовес западному индивидуализму.

Тем не менее и в современном российском обществе индивидуальные успехи и личные амбиции становятся ценностью, а коллективные интересы лишь фоном. Культура личного достижения стимулирует инновации, но требует политики, поддерживающей равенство возможностей и восстановление доверия к общинам.

Данные последних лет показывают, что в средах с высоким индивидуализмом и низким доверием растут запросы на неравенство, а социальный капитал — доверие, взаимопомощь, сопричастность — рушится. Неравенство усугубляет сегрегацию социальных сетей, создавая гетто возможностей и сетевые барьеры [14].

5. Рост агрессии и ненависти в обществе. Проявления насилия, ксенофобии, буллинга становятся нормой. Причины: стресс, социальное неравенство, анонимность в интернете. В целом современное общество переживает тревожную волну агрессии и ненависти, проявляющуюся как в публичном дискурсе, так и в виртуальном пространстве. Разрушаются фундаментальные нормы вежливости и взаимного уважения, уступая место неподконтрольной агрессивности. Социальная гипертензия, обусловленная неравенством и кризисами, обо-

стрывает эмоциональные реакции, делая агрессию рутинной формой разрешения конфликтов.

Эмпирические исследования в России подтверждают тревожный масштаб проблемы буллинга в молодежной и не только молодежной средах, «72% считают буллинг серьезной угрозой, почти 10% столкнулись с этим в онлайн-формате. Одновременно исследования выявляют, что социальное исключение снижает саморегуляцию, усиливая агрессивные реакции, особенно в условиях низкой осознанности⁴.

Агрессия в современном обществе — это не просто симптом внутренней напряженности, а результат взаимодействия социальных дефицитов, психологической уязвимости и технологической безответственности. Проблема в том, что агрессия становится нормой, а не прецедентом. Язык ненависти абсолютно неприемлем для решения внутригосударственных и международных проблем, конфронтация никогда не продуктивна.

6. Размывание национальной идентичности. Глобализация ведет к потере культурных традиций, стиранию границ между нациями, что вызывает кризис идентичности у людей.

Современная глобализация не сводится к «новому Вавилону» или «плавильному котлу», поглощающему самоидентичность граждан. Это, скорее, ускоренный обмен символами и практиками, который размывает привычные контуры «своего» и «чужого». Если раньше язык и традиции оставались безальтернативными маркерами принадлежности, сегодня они становятся выбором и ресурсом, а не предустановленным условием. Международные опросы демонстрируют, что для большинства обществ язык и культурные обычаи по-прежнему составляют центр национальной идентичности, в свою очередь границы «национального» больше не совпадают с границами «этнической» или «конфессиональной» принадлежности. [3]

Проблема национальной идентичности в условиях глобализации носит комплексный характер. С одной стороны, происходит эрозия традиционных этнокультурных основ, с другой — формируются новые, гибридные формы идентичности, отражающие диалектическое взаимодействие глобального и локального.

7. Рост бездуховного образования. Современное образование делает упор на технические

⁴ 72% россиян считают буллинг важной проблемой. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2025/02/19/issledovanie-72-procenta-rossiian-schitaiut-bulling-vazhnoj-problemoj.html>

знания, игнорируя моральное развитие личности. В условиях стремительного развития технологий и глобализации общества современное образование сталкивается с вызовом сохранения духовных и моральных ориентиров. Технические и технологические знания, безусловно, являются основой профессиональной подготовки, однако без должного внимания к нравственному воспитанию учащихся существует риск формирования личности, ориентированной исключительно на материальные ценности.

8. Кризис доверия к власти и институтам. Коррупция, бюрократия, недостаток прозрачности приводят к падению доверия государству и международным организациям. Коррупция, являясь системной проблемой, подрывает основы правового государства и способствует неравенству (в данном перечне проблема № 14).

9. Упадок религиозности и рост нигилизма. Многие люди теряют веру, заменяя ее потребительскими ценностями, что ведет к духовному кризису. Понятное дело, далеко не все люди религиозны, однако социальные устои взаимодействия не нарушают. В национальном контексте в России картина сложна, так как значительная доля населения сохраняет религиозную самоидентификацию, однако доля тех, для кого религия является определяющей в жизни, существенно ниже, примерно половинная от уровня формальной идентификации. Это свидетельствует о расхождении между традиционно-культурной идентичностью и реальными практиками религиозной социализации.

10. Экологическая безответственность. Отношение к природе как к ресурсу ведет к глобальной экологической катастрофе. Современная экологическая повестка демонстрирует, что отношение к природе как к внешнему и, по существу, неисчерпаемому ресурсу продуцирует не набор изолированных проблем, а связанную систему кризисов.

В российском контексте важную роль играют два направления. Во-первых, развитие эколого-этической рефлексии и образовательных практик, формирующих ответственное отношение к природной среде как к со-субъекту, а не объекту эксплуатации. Во-вторых, институционализация корпоративной ответственности и раскрытия (ESG), создающая инфраструктуру подотчетности и измеримости результатов. Наличие методических наработок и эмпирических исследований указывает, что «социальные технологии» воспитания ответственности и практики ESG-управления уже сегодня предоставляют набор операциональных решений.

11. Разрыв между поколениями. Молодежь и старшее поколение не понимают друг друга, что ведет к конфликтам в семьях и обществе. В XXI в. проблема поколенческого разрыва приобретает новые аспекты, связанные с быстрым развитием технологий и цифровизации. Молодежь активно использует интернет, социальные сети и современные гаджеты, что создает новые формы общения и культуры. Старшие поколения могут испытывать трудности в адаптации к этим изменениям, что усиливает разрыв и затрудняет коммуникацию.

12. Зависимость от социальных сетей и виртуальной реальности. Люди проводят больше времени в цифровом мире, теряя навыки живого общения. Причем проблема свойственна не только зуммерам, но и людям старшего поколения.

По мнению С. Карелова, автора телеграмм-канала «Малоизвестное интересное», «мы живем в переломное и интересное время. На смену *антропоцену*, эпохе технологического освоения материи и энергии, приходит *новацен* — эпоха технологического освоения информации. И жить в новой эпохе, скорее всего, будут не *homo sapiens*, а *инфорги* — люди следующего поколения, проводящие в онлайн больше времени, чем во сне» [15].

13. Рост атеизма и снижение роли морали в обществе. Без религиозных или моральных основ общество теряет ориентиры добра и зла.

Ключевой вопрос заключается в том, ведет ли упадок религиозности к утрате морали. Традиционная точка зрения предполагает, что моральные устои напрямую связаны с религиозными ценностями. Однако современные философские концепции утверждают, что мораль может развиваться как автономная система, основанная на принципах гуманизма, прав человека и общественной солидарности [16, 17].

14. Проблема социального неравенства. Разрыв между богатыми и бедными провоцирует конфликты, преступность, отчаяние. Снижение социального неравенства требует комплексных реформ в области образования, здравоохранения и социальной политики. Необходимо обеспечить равный доступ к качественному образованию и медицинским услугам, создать эффективные системы социальной поддержки и трудоустройства. Только через устранение структурных причин неравенства можно достичь устойчивого социального мира и справедливости.

Среди главных проблем современного российского общества можно отметить «дефицит доверия, социальную дистанцию между обществом и властью, рассинхронизацию интересов различных общественных страт. Преодоление бедности и снижение

неравенства в обществе — задача не только экономическая, но и социальная, политическая. Недоверие в отношениях между элитами и остальным обществом создает в социуме «зоны напряжения», преодоление которых возможно в первую очередь при создании социально-экономических условий, которые могут стать отправной точкой для уменьшения социального неравенства и бедности у нас в стране» [18, 19].

15. Кризис гуманизма и милосердия. Общество становится черствым, люди менее склонны помогать другим. Рост индивидуализма, распространение рыночных ценностей и ускорение цифровой коммуникации трансформируют модели межличностного взаимодействия. На смену традиционным формам взаимопомощи и солидарности приходят более фрагментарные и ситуативные практики поддержки, что в совокупности воспринимается как «черствость» общества.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги вышесказанному, можно сформулировать следующие выводы:

1. Духовно-нравственные проблемы в российском обществе имеют системный характер и взаимосвязаны с социальными, экономическими и технологическими трансформациями.
2. Главным источником кризиса выступает дисбаланс между материальной и духовной сфе-

рами, при этом ориентация на потребление и индивидуальный успех подрывает ценности солидарности, доверия и общинности.

3. Цифровизация (развитие систем искусственного интеллекта, обработка больших данных и т. п.) и медиаполе, включая социальные сети, усиливают разрыв поколений, способствуют формированию искаженных представлений о реальности, что делает особенно уязвимой молодежь.

4. Низкий уровень доверия к институтам и рост социального неравенства создают дополнительные «зоны напряжения» и подрывают потенциал общественной консолидации.

5. По результатам исследования подтверждена необходимость поиска новых моделей интеграции духовных ценностей в повседневную жизнь и в образовательные, культурные и информационные практики.

Устранение духовно-нравственного дисбаланса невозможно только административными или экономическими мерами. Требуется комплексный, системный подход, который сочетает государственные инициативы, научные исследования, образовательные и культурные проекты и активное участие гражданского общества. Лишь при условии согласованных усилий возможно восстановление доверия, укрепление идентичности и создание устойчивой духовной платформы для развития российского общества в эпоху глобальных вызовов.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации в 2025 г. № ФИ-27 «Обеспечение экономического роста в условиях глобальных геоклиматических и когнитивных (духовно-нравственных) сдвигов». Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation in 2025 № FI-27 “Ensuring economic growth in the context of global geoclimatic and cognitive (spiritual and moral) shifts”. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Могилевский В.Д. Методология систем. Москва: Экономика; 1999.
2. Кисельникова Н.В. Методологические проблемы измерения ценностей и ценностно-ориентированного поведения человека. *Социальная психология и общество*. 2021;12(4):20–33. DOI: 10.17759/sps.2021120402
3. Гайдаев О.С. Национальная идентичность России в контексте процессов глобализации и влияния глобалистских идеологий. В сб.: *Инновационный потенциал молодежи: формирование нового типа культуры*. 2014;73–76. URL: <https://www.elibrary.ru/udayxt>
4. Епремян Т.В., Абрамова М.Э. Семья как социальный институт: понятие и ценностные ориентиры. *Экономика. Социология. Право*. 2022;4(28):64–69. DOI: 10.22281/2542-1697-2022-01-04-64-69

5. Graafland, J., Lous, B. Income inequality, life satisfaction inequality and trust: A cross country panel analysis. *J Happiness*. 2019;20:1717–1737. DOI: 10.1007/s10902-018-0021-0
6. Castells M. The Power of Identity. 2nd ed. Malden, Ma: Wiley-Blackwell; 2010. 584 p.
7. Pieterse J.N. Globalization and Culture: Global Melange. 5th ed. Lanham: Rowman & Littlefield; 2021. URL: <https://archive.org/details/globalizationcul00nede>
8. Robertson R. Globalization: Social theory and global culture. London: Sage; 1992. URL: <https://archive.org/details/globalizationsoc0000robe>
9. Селезнёва Е.А. Анализ понятий семья и семейные ценности. *Проблемы современного образования*. 2021;5:270–280. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-5-270-280
10. Шатилов А.Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе. *Власть*. 2019;27(4):26–32. DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6581
11. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В. Дискурсы внешнего информационного давления в крымском и северокавказском сегментах рунета: особенности, адресаты, конфликтогенный потенциал. *Политическая наука*. 2020;3:243–265. DOI: 10.31249/poln/2020.03.11
12. Петросянц Д.В., Юшков И.В. Анализ каналов и способов получения информации российской студенческой молодежью. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2017;8(82):73–83. URL: <https://www.elibrary.ru/ynuprxu>
13. Ciampaglia G.L., Shirikar P., Rocha L.M., Bollen J., Menczer F., et al. Correction: Computation fact checking from knowledge network. *PLOS ONE*. 2015;10(10): e0141938. DOI: 10.1371/journal.pone.0141938
14. Hudson J., van Heerde J., Trüdinger E.-M. Trust and attitudes toward income inequality: Does individualism matter? *European Journal of Political Economy*. 2023;74:102262. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2022.102262.
15. Петросянц Д.В. Искусственный интеллект в «башне из слоновой кости». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(6):38–45. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-6-38-45
16. Singer P. Practical Ethics (3rd ed.). Cambridge University Press. 2011. DOI: 10.1017/CBO9780511975950
17. Habermas, J. Religion in the Public Sphere. *Philosophia Africana*. 2005;8(2):99–109. DOI: 10.5840/philaficana2005823
18. Петросянц Д.В. Социальное неравенство и бедность как факторы сдерживания долгосрочного экономического роста. *Власть*. 2020;28(1):64–69. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7043
19. Митрахович С.П. Европеизация и модернизация дискурса гражданского общества и политических партий. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):18–23. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-18-23

REFERENCES

1. Mogilevsky V.D. Methodology of systems. Moscow: Ekonomika; 1999. (In Russ.).
2. Kiselnikova N.V. Methodological problems of measuring values and value-oriented human behavior. *Social psychology and society*. 2021;12(4):20–33. (In Russ.). DOI: 10.17759/sps.2021120402
3. Gaidaev O.S. The national identity of Russia in the context of globalization processes and the influence of globalist ideologies. In: The innovative potential of youth: The formation of a new type of culture. 2014;73–76. URL: <https://www.elibrary.ru/udayxt> (In Russ.).
4. Yepremyan T.V., Abramova M.E. Family as a social institution: Concept and value orientations. *Economy. Sociology. Right*. 2022;4(28):64–69. (In Russ.). DOI: 10.22281/2542-1697-2022-01-04-64-69
5. Graafland, J., Lous, B. Income inequality, life satisfaction inequality and trust: A cross country panel analysis. *J Happiness*. 2019;20:1717–1737. DOI: 10.1007/s10902-018-0021-0
6. Castells M. The Power of Identity. 2nd ed. Malden, Ma: Wiley-Blackwell; 2010. 584 p.
7. Pieterse J.N. Globalization and culture: Global change. 5th ed. Lanham: Rowman & Littlefield; 2021. URL: <https://archive.org/details/globalizationcul00nede>
8. Robertson R. Globalization: Social theory and global culture. London: Sage; 1992. URL: <https://archive.org/details/globalizationsoc0000robe>
9. Selezneva E.A. Analysis of the concepts of family and family values. *Problems of modern education*. 2021;5:270–280. (In Russ.). DOI: 10.31862/2218-8711-2021-5-270-280
10. Shatilov A.B. Generational gaps as a factor of conflict growth in modern Russian society. *Power*. 2019;27(4):26–32. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6581

11. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R. V. Discourses of external information pressure in the Crimean and Sevastopol segments of the Runet: Features, addressees, conflict potential. *Political science*. 2020;3:243–265. (In Russ.). DOI: 10.31249/poln/2020.03.11
12. Petrosyants D. V., Yushkov I. V. Analysis of channels and ways of obtaining information by Russian students. *Regional problems of economic transformation*. 2017;8(82):73–83. URL: <https://www.elibrary.ru/ynupxu> (In Russ.).
13. Ciampaglia G. L., Shirlkar P., Rocha L. M., Bollen J., Menczer F., et al. Correction: Computation fact checking from knowledge network. *PLOS ONE*. 2015;10(10): e0141938. DOI: 10.1371/journal.pone.0141938
14. Hudson J., van Heerde J., Trüdinger E.-M. Trust and attitudes toward income inequality: Does individualism matter? *European Journal of Political Economy*. 2023;74:102262. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2022.102262.
15. Petrosyants D. V. Artificial intelligence in the Ivory Tower. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(6):38–45. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-6-38-45
16. Singer P. Practical Ethics (3rd ed.). *Cambridge University Press*; 2011. DOI: 10.1017/CBO9780511975950
17. Habermas, J. Religion in the Public Sphere. *Philosophia Africana*. 2005;8(2):99–109. DOI: 10.5840/philaficana2005823
18. Petrosyants D. V. Social inequality and poverty as factors constraining long-term economic growth. *Power*. 2020;28(1):64–69. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7043
19. Mitrakhovich S. P. Europeanization and modernization of the discourse of civil society and political parties. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):18–23. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-18-23

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Даниэл Викторович Петросянц — кандидат экономических наук, доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Daniel V. Petrosyants — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-8167-9005>

dvpetrosyants@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 28.08.2025; принята к публикации 16.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 28.08.2025; accepted for publication on 16.09.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Особенности управления государственными проектами в условиях кризисных ситуаций

Л.В. Адамская

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Государственные проекты играют важную роль в социально-экономическом развитии страны. Реализация таких проектов зачастую осуществляется в условиях высокой неопределенности и нестабильности, часто в периоды кризисных ситуаций. В представленной работе подробно рассматривается специфика управления государственными проектами в кризисных ситуациях. Цель исследования — выявить ключевые факторы возникновения риска и разработать комплексную модель эффективного управления такими проектами в неблагоприятных, кризисных условиях. Внимание уделяется вопросам адаптации проектных решений к меняющимся обстоятельствам, повышению устойчивости процессов реализации проекта и минимизации рисков в условиях повышенной турбулентности экономики. В процессе исследования использовались следующие методы. Проведен подробный анализ профильной литературы и источников научных публикаций, посвященных проблемам управления государственными проектами в кризисных условиях. Это позволило выделить основные подходы, концепции и теоретические положения для дальнейшего исследования. Сравнительный анализ — сопоставлено влияние различных кризисных ситуаций на реализацию государственных проектов в разных условиях, определены сходства и различия их влияния. Моделирование — создана комплексная модель оценки устойчивости и адаптивности проектов в кризисных ситуациях. Настоящая работа направлена на изучение особенностей управления государственными проектами в кризисных условиях, определение типичных трудностей и разработку эффективной модели управления государственным проектом в условиях кризиса. Предложенная модель ориентирована на поддержку принятия обоснованных управленческих решений, обеспечение устойчивого прогресса проектов и достижение поставленных целей, несмотря на внешние трудности и ограничения. Ее применение в практической деятельности во многом поможет минимизировать влияние возникающих рисков на реализацию государственных проектов, повысить их устойчивость вне зависимости от внешних факторов. Таким образом, настоящая работа имеет важное прикладное значение для органов власти и организаций, занимающихся реализацией крупномасштабных государственных проектов, предлагая научно обоснованную концепцию управления проектами в кризисных условиях, способствующую достижению поставленных целей и решению приоритетных задач национальной экономики и социальной сферы.

Ключевые слова: управление проектом; государственный проект; государственное управление; проектный подход; кризис; кризисная ситуация

Для цитирования: Адамская Л.В. Особенности управления государственными проектами в условиях кризисных ситуаций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(5):78-88. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-78-88

ORIGINAL PAPER

Features of Government Project Management in Crisis Situations

L.V. Adamskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Government projects play an important role in the socio-economic development of the country. The implementation of such projects is often carried out in conditions of high uncertainty and instability, especially during times of crisis. The presented work considers in detail the specifics of managing government projects in crisis situations. The purpose of the research is to identify key risk factors and develop a comprehensive model for effective management of such projects in adverse, crisis conditions. The article focuses on the issues of adapting design solutions to changing circumstances, increasing the sustainability of project implementation processes and minimizing risks in conditions of increased economic turbulence. When writing this article, the following research methods were used. Literature

analysis – conducted a detailed review of scientific publications, monographs, articles and reports on the problems of government project management in crisis conditions. This made it possible to identify the main approaches, concepts and theoretical positions underlying modern research. Comparative analysis – the impact of various crisis situations on the implementation of government projects was compared, similarities and differences in their impact were identified. Modeling – a comprehensive model for assessing the sustainability and adaptability of projects in crisis situations has been created. This work is aimed at studying the specifics of managing government projects in crisis conditions, identifying typical difficulties and developing an effective management model for a government project in crisis conditions. The proposed model is focused on supporting informed management decision-making, ensuring sustainable project progress and achieving goals despite external difficulties and constraints. Its practical application will greatly help minimize the impact of emerging risks on the implementation of government projects and increase their sustainability regardless of external factors. Thus, this work has important applied significance for authorities and organizations involved in the implementation of large-scale government projects, offering a scientifically based concept of project management in crisis conditions, contributing to the achievement of set goals and solving priority tasks of the national economy and social sphere.

Keywords: project management; public project; public administration; project approach; crisis; crisis situation

For citation: Adamskaya L.V. Features of government project management in crisis situations. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(5):78-88. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-78-88

ВВЕДЕНИЕ

Реализация государственных проектов предполагает наличие особого внимания и контроля их выполнения, так как сопряжена с использованием значительных бюджетных средств, а также имеет направленность на решение конкретных задач, стоящих перед обществом. В настоящий момент проектный подход применяется практически в любой области: социальной, политической, строительной и пр. Именно в государственном секторе проектный подход приобретает наибольшую значимость, поскольку характеризуется исключительной масштабностью реализации и направленностью на выполнение важнейших общественно значимых задач. Государственные проекты всегда ориентированы на решение конкретной общественной потребности, вызова, стоящего перед страной. Использование проектного метода в решении государственных вопросов позволяет существенно влиять на повышение качества жизни населения, создавать условия для реального экономического роста и благосостояния во всех сферах, а также обеспечивать национальную безопасность и политическую устойчивость.

Изучение проектного подхода в управлении нашло достаточно широкое освещение в научной литературе, в частности изучением данной проблематики занимались такие ученые-исследователи, как А.В. Алешин¹, В.И. Воропаев [1], А.А. Ивашенко [2], В.И. Либерзон [3] и др. В их работах прослеживается важность применения системного подхода в управлении проектами, а также акцентируется

внимание на необходимости интеграции различных аспектов проектного управления.

Особое внимание в теории и практике проектного менеджмента уделяется вопросам управления проектами в условиях нестабильности и кризисных ситуаций. Возникновение кризисов, таких как пандемия, природные катастрофы или экономические потрясения, представляет собой серьезный вызов для устойчивого социально-экономического развития страны и успешного выполнения государственных проектов. Именно поэтому при наступлении кризисной ситуации государство берет на себя роль «антикризисного менеджера», вырабатывающего оптимальные решения для выхода из сложного положения.

В частности, во время распространения коронавирусной инфекции в России были применены эффективные меры, направленные на смягчение негативных последствий кризиса. Согласно Указу Президента Российской Федерации, были проведены следующие мероприятия: адресные выплаты семьям с детьми, введение кредитных каникул для субъектов малого и среднего предпринимательства, введение моратория на возбуждение дел о банкротстве, сведение к минимуму контрольно-надзорных мероприятий и др.

Такие меры продемонстрировали важность оперативного и эффективного управления в условиях кризиса, подчеркивая, что государственная политика в кризисных ситуациях должна быть направлена на смягчение ударов и сохранение нормального функционирования экономики и общества. Данный опыт подтвердил, что гибкий и предусмотрительный подход государства к управлению проектами позволяет минимизировать последствия кризисов и способствует скорейшему выходу на траекторию устойчивого развития.

¹ Алешин А.В. Управление проектами: фундаментальный курс. Учебник М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2017. 620 с.

Итак, стратегической задачей государственного управления в условиях кризиса становится вывод общества из нестабильной, непредсказуемой фазы в состояние устойчиво развивающегося режима. Фактически это целенаправленная система влияния государства на общественные процессы, коллективное сознание, модели поведения и активность населения, способствующая переходу от хаотичного реагирования к осмысленному и последовательному развитию.

КРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРОЕКТОМ КАК СПЕЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Кризис, независимо от своей природы и масштаба, оказывает значительное влияние на ход реализации государственных проектов. В условиях кризиса возникают многочисленные препятствия и вызовы, затрудняющие эффективное выполнение запланированных мероприятий. Высокая степень неопределенности, обострение социальных и экономических противоречий, рост рисков приводят к снижению продуктивности существующих институтов и механизмов управления. Структуры, успешно функционировавшие ранее, оказываются неспособными оперативно реагировать на изменения, что негативно сказывается на сроках, качестве и конечной результативности проектов.

Изучению вопроса управления проектами в условиях кризиса посвящен целый ряд значимых научных трудов, среди которых выделяются работы таких исследователей, как В.В. Переверзева [4], И.И. Петровская [5], Т.В. Юрьева [6] и др.

В своих исследованиях В.В. Переверзева уделяет особое внимание вопросам повышения устойчивости государственных проектов в условиях повышенных рисков и нестабильности. Она убеждена, что использование проектного подхода в условиях нестабильности обеспечивает возможность проводить глубокий стратегический анализ, разрабатывать и реализовывать эффективные антикризисные меры, а также осуществлять постоянный мониторинг и контроль на протяжении всего периода кризиса и после его завершения.

И.И. Петровская концентрирует свое внимание на исследовании возможностей применения принципов экстремального проектного менеджмента в российской практике реализации государственных и корпоративных проектов. Согласно ее выводам, проектное управление выходит далеко за рамки традиционного инструмента координации и контроля. Вместо этого оно приобретает характер особой

реакции на объективные, сложно прогнозируемые изменения внешней среды, которые оказывают непосредственное и глубокое влияние на состояние национальной экономики, нарушают сроки выполнения проектов и ставят под сомнение доступность необходимых ресурсов.

Т.В. Юрьева исследует преимущества применения технологий проектного менеджмента в кризисных ситуациях. Ее работа показывает, что данная форма управленческой деятельности способна достигать конкретных результатов даже в условиях серьезных колебаний и отсутствия стабильности. Используя инструментальные возможности проектного менеджмента, организация или государство может эффективнее разработать и воплотить антикризисную стратегию, систематически мониторить и контролировать весь цикл реализации проекта как в разгар кризиса, так и в посткризисный восстановительный период.

Эти и другие исследования демонстрируют разнообразие подходов к пониманию и практике антикризисного управления проектами и позволяют разобраться в механизмах противодействия кризисным явлениям и разработать эффективные инструменты поддержки проектов в трудных условиях. Важность такого знания особенно возрастает в условиях современного мира, когда частота и интенсивность кризисов значительно возросли, став повседневными факторами жизни государства и общества.

Как справедливо замечает в своей диссертационной работе И.В. Петровская, кризисная ситуация в управлении государственным проектом — это не что иное, как фактор идентификации экстремальных условий реализации проектов, что подтверждает нестабильность, создает нестабильность и неустойчивость и, в конечном счете, временные и стоимостные угрозы (риски) для реализации проекта [5, с. 46]. Например, резкое изменение рыночной конъюнктуры, ухудшение макроэкономической обстановки или усиление геополитической напряженности способны серьезно замедлить темпы строительства инфраструктурных объектов, снизить качество предоставляемых услуг населению или увеличить стоимость работ.

Тем не менее кризис несет в себе и позитивные эффекты. Как правило, кризис вынуждает искать нестандартные решения в реализации государственных проектов, стимулируя творчество и инновационное мышление. Так, Е.В. Охотский подчеркивает: «Стратегическая задача такого (антикризисного) управления тоже понятна — перевод общества из

неустойчивого кризисно-непредсказуемого состояния в режим стратегически устойчивого развития»². Давление неблагоприятных обстоятельств зачастую способствует появлению прорывных идей и формированию нового инструментария управления, соответствующего новым условиям реальности.

Так, многие национальные проекты становятся объектом пристального внимания властей и общественности, что ускоряет выявление недостатков и формирует базу для последующей глубокой модернизации. Именно благодаря кризису возможно возникновение принципиально новых подходов к государственному управлению, разработка прогрессивных технологий и принятие радикально иных стратегий развития.

Следовательно, осознавая дестабилизирующее воздействие кризиса на государственную политику и управление проектами, нельзя недооценивать его потенциал как движущей силы глубоких преобразований, открывающей путь к качественным улучшениям и дальнейшему прогрессу общества.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОЕКТОВ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Проектный подход в реализации государственной политики начал активно применяться относительно недавно. Эксперты оценивают срок его активного использования примерно в десять лет. Новый виток в развитии наступил в 2018 г., когда стартовала реализация национальных проектов России, сопровождаемая существенным увеличением объемов финансирования. Так, например, согласно принятому Государственной Думой Российской Федерации бюджету на 2025–2027 гг. общий бюджет нацпроектов составит более 40 трлн руб. Это вдвое больше, чем аналогичные расходы на период 2019–2024 гг. Важно также отметить, что рост затрат коснулся не только бюджетных расходов, но и привлечения значительных средств из внебюджетных источников, что подчеркивает высокий уровень доверия со стороны бизнеса и доказывает реальную отдачу от инвестируемых средств.

Первоначальная программа предусматривала реализацию 13 нацпроектов, однако к 2023 г. количество направлений выросло до 15. Общие затраты на осуществление национальной программы составили колоссальную сумму и составляют по состоянию на 2025 г. 5,7 трлн руб.

Такой рост объема финансирования не удивителен. В настоящий момент проектный подход в системе государственного управления показал свою эффективность и результативность. Причем он применяется как на микроуровне (в работе конкретной организации), так и на макроуровне (государственные проекты федерального и международного уровня), которые охватывают различные сферы, например, космическую отрасль, туризм, поддержку семей и пр.

Процесс управления реализацией государственных проектов всегда сопряжен с имеющимися рисками и возникающими кризисными ситуациями. Любое внешнее воздействие или изменение, произошедшее внутри государства, в той или иной степени влияет на ход реализации проекта, а иногда и на ожидаемый результат. Так, например, с момента утверждения национальных целей развития Российской Федерации (2018 г.) произошло как минимум два значимых события, которые существенным образом повлияли на ход реализации национальных проектов — это пандемия COVID-19 (2020–2022 гг.) и начало специальной военной операции (2022 г.).

Внешние потрясения были и остаются значимыми обстоятельствами, влияющими на процесс реализации национальных проектов. Так, например, пандемия COVID-19 послужила мощнейшим импульсом в развитии медицинской сферы: в кратчайшие сроки возводились и открывались медицинские учреждения, повысился авторитет специалистов медицинских профессий, осуществлялся ряд медицинских исследований, производилась разработка медицинских препаратов и пр. Таким образом, быстрое принятие решений, координация усилий медицинских учреждений, научно-исследовательских центров и строительных компаний, позволили создать условия для незамедлительного реагирования на возникшую ситуацию и оперативного оказания необходимой помощи нуждающимся в этом людям. При этом данные события не могли не повлиять на ход реализации национального проекта «Здравоохранение», а также иных государственных проектов, которые хоть и не связаны напрямую с медицинской отраслью, но были затронуты изменениями социально-экономической ситуации, вызвавшими необходимость перераспределения ресурсов и адаптации стратегий развития.

Возникновение кризисной ситуации в связи с началом специальной военной операции также послужило мощнейшим импульсом для перестройки многих ключевых процессов. Однако, как

² Национальные проекты: итоги и перезагрузка. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/1068895697.pdf>

отмечается в аналитическом материале Высшей школы экономики «Национальные проекты: итоги и перезагрузка»: «В условиях санкционного давления и проводимой правительством антикризисной политики значение национальных проектов не снизилось, а выросло. Они продолжили играть роль инструмента приоритизации бюджетных расходов и решения ключевых социально-экономических задач»³. Тем не менее внешнее давление и меняющаяся система жизнеустройства не могли не отразиться на ходе реализации многих государственных проектов, где одни получили мощнейший импульс к развитию, а другие замедлили свой темп реализации.

Изучение мирового опыта, как позитивного, так и негативного, позволяет скорректировать цели и разработать более реалистичные планы реализации государственных проектов в России. Один из ярких примеров неудачного внедрения реформы — инициатива бывшего президента США Барака Обамы по модернизации системы здравоохранения («Obamacare»). Закон «О защите пациентов и доступной медицинской помощи», принятый в 2010 г., встретил значительное сопротивление в Сенате: 39% проголосовавших были против данной реформы. Впоследствии реформа подверглась частичной отмене администрацией Дональда Трампа, что вызвало серьезные разногласия внутри американского общества и негативно сказалось на готовности страны противостоять пандемии COVID-19.

Еще одним примером являются события во Франции конца XX в. Тогда программа «План Месмера», направленная на ускоренное внедрение атомной энергетики, вызвала массовые протесты общественности и экологического сообщества, став причиной серьезных социальных конфликтов. Оба случая подчеркивают важность общественного консенсуса и согласия элит при запуске масштабных преобразований.

Однако стоит упомянуть и положительные примеры. Так, например, Китай продемонстрировал умение противостоять экономическим кризисам благодаря применению антициклических мер и масштабных инфраструктурных проектов. Во времена финансового кризиса 2008 г. китайское руководство предприняло беспрецедентные усилия по увеличению государственных вложений в строительство дорог, железных дорог, аэропортов и другого инфраструктурного комплекса. Такие

крупные проекты создали миллионы рабочих мест, повысили внутренний спрос и позволили китайской экономике быстрее оправиться от кризиса [7].

Еще один яркий пример положительного опыта можно увидеть в Республике Казахстан, где в период пандемии COVID-19 были приняты энергичные меры по обеспечению занятости населения. В рамках специальной программы «Дорожная карта занятости» регионы страны получили значительные финансовые ресурсы — порядка 1 трлн тенге — предназначенные для реализации свыше 7 тыс. проектов, цель которых заключалась в создании новых рабочих мест и повышении уровня занятости.

По данным казахстанского правительства, эта антикризисная программа помогла трудоустроить около 600 тыс. молодых людей, оставшихся без работы из-за кризиса.

Таким образом, успешная реализация национальных проектов требует тщательной подготовки и учета мнений различных групп заинтересованных сторон, согласованности действий властей и одобрения обществом предлагаемого курса изменений. Только при соблюдении этих условий возможно эффективное выполнение национальных проектов и достижение запланированных результатов.

СЛОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОЕКТОВ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Гибкость системы управления проектом во многом влияет на результаты реализации проекта. Как справедливо отмечает М. В. Кротова: «Выживание системы под воздействием большого вызова обусловлено успешностью ее трансформации и (или) адаптации, включающей полную замену ключевых характеристик, обретение новых ресурсов и изменение внутренних процессов и т. п.» [8]. Отсюда следует, что готовность незамедлительно реагировать на изменения внешней среды и адаптироваться к новым условиям является одним из необходимых факторов успеха в реализации любого проекта. Эффективная система управления проектом должна предусматривать быструю диагностику возникающих проблем, проведение анализа возможных рисков и выработку альтернативных решений, позволяющих существенным образом снизить негативные последствия внешних факторов и обеспечить достижение поставленных целей даже в условиях нестабильности и неопределенности.

Особенность реализации государственных и иных проектов в кризисных ситуациях обуславливается рядом сложностей. Во-первых, отсутст-

³ Национальные проекты: итоги и перезагрузка. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/1068895697.pdf>

вует необходимое количество инфраструктурных объектов для быстрого реагирования на возникшие обстоятельства.

Рассмотрим подробнее, каким образом нехватка инфраструктуры мешает успешной реализации государственных проектов.

Недостаточная техническая оснащенность. Когда возникает срочная потребность в определенном оборудовании или продуктах, отсутствие готовых производственных мощностей существенно тормозит выполнение задач. Например, с началом специальной военной операции возникла необходимость массового производства беспилотников, однако заводов, способных производить такое оборудование в нужных количествах, оказалось недостаточно. Это привело к задержкам и невозможности вовремя обеспечить армию необходимым вооружением.

Проблемы с логистикой. Даже если производственные мощности и запасы сырья присутствуют, необходимы эффективные транспортные коридоры и логистические схемы, чтобы доставлять продукцию потребителям. В условиях кризиса многие сложившиеся логистические цепочки разрушаются и требуют пересмотра. Такие изменения прямо или косвенно оказывают влияние в том числе и на реализацию государственных проектов.

Несоответствие квалификационным требованиям. Другая сторона медали — нехватка квалифицированных специалистов, способных быстро осваивать новые виды техники и вести производство в нужном режиме. К примеру, массовое производство беспилотников требует высококвалифицированных инженеров и операторов, которых в нужный момент также оказалось недостаточное количество.

Таким образом, в условиях кризиса существующие недостатки инфраструктуры делают реализацию государственных проектов гораздо более сложной задачей, нежели в обычной ситуации. Устранение этих барьеров требует заблаговременной подготовки и регулярного обновления производственной базы, чтобы минимизировать потери и повысить устойчивость проектов к внешним шокам.

Во-вторых, имеются ограничения финансовых ресурсов. Часто проект оказывается ограничен в средствах, что заставляет вводить строгие меры экономии и сокращать первоначальный бюджет. Такое вынужденное уменьшение финансирования ведет к необходимости тщательной оптимизации расходов, что означает сокращение или исключение некоторых запланированных мероприятий, технологий или видов работ. В результате могут

пострадать качественные характеристики проекта, его функциональные свойства и общая полезность для общества.

Ограниченность финансовых ресурсов также уменьшает возможности планировать адекватные реакции на потенциальные риски. Без достаточного резерва средств сложнее реагировать на форс-мажорные обстоятельства, изменять тактику реализации проекта или привлекать дополнительные ресурсы в экстренных случаях. В итоге проект теряет свою устойчивость и восприимчивость к негативным факторам, а запланированные результаты достигаются лишь частично или вовсе не выполняются.

Например, недостаточность финансирования может привести к затягиванию сроков строительства объекта, ухудшению качества используемых материалов или невыполнению отдельных этапов работ. Все это отрицательно скажется на достижении запланированных количественных и качественных показателей проекта.

Помимо чисто технических аспектов, такая ситуация усугубляется отсутствием должной методологической базы для оценки эффективности использования средств.

К тому же, как справедливо отмечает С. В. Ильченко: «Важной задачей при реализации нацпроектов является нахождение четкого соотношения между объемами финансирования и планируемым результатом, т.е. значениями показателей. К сожалению, система показателей пока еще остается весьма сырой, недостаточно проработанной. Многие показатели не имеют утвержденных методик расчета и не включены в федеральный план статистических работ» [9, с. 114].

В-третьих, возникают сложности в координации действий различных заинтересованных сторон в реализации государственного проекта. Каждый участник проекта — будь то государственные ведомства, коммерческие фирмы, некоммерческие организации или местные жители — воспринимает кризис по-своему и реагирует на него неодинаково. Одни субъекты действуют решительно и ищут пути адаптации, другие испытывают значительный стресс и не готовы оперативно перестроиться. Причины различий в поведении очевидны:

Различия в ресурсах и возможностях. Некоторые участники обладают необходимыми средствами и компетенциями для быстрой адаптации, тогда как другие лишены таких преимуществ и находятся в более уязвимом положении.

Неясность полномочий и обязанностей. Одной из распространенных проблем в управлении госу-

дарственными проектами является неясность полномочий и обязанностей участников. Очень часто на старте проекта не определены четкие границы ответственности каждой стороны, что приводит к путанице и избыточным действиям. Участники начинают действовать автономно, сосредоточиваясь исключительно на собственных интересах и проблемах, забывая о единой цели проекта.

Особенно ярко эта проблема проявляется в кризисных ситуациях. В условиях чрезвычайной ситуации растерянность и непонимание обязанностей достигают пика. Каждое подразделение стремится самостоятельно находить решения, не учитывая общую стратегию проекта и нужды остальных участников. Это приводит к повторениям задач, низкой эффективности и возникновению ненужных конфликтов.

Недостаточный обмен информацией. Кризис часто сопровождается повышением секретности и закрытостью информации, особенно в вопросах реализации государственных проектов, что создает пробелы в понимании происходящего. Без надежной и прозрачной системы информирования разные заинтересованные стороны в реализации государственного проекта принимают несогласованные решения, которые могут приводить к проблемам и задержкам.

И наконец, наступление кризисной ситуации провоцирует стремительное внесение поправок в документацию государственного проекта, поскольку требуется мгновенно переоценить риски, связанные с новыми внешними условиями, включая возможное нарушение поставок, колебания цен или политические перемены. Одновременно появляются неотложные задачи по разработке антикризисных мер, таких как перераспределение ресурсов, пересмотр приоритетов и фиксация этих изменений в официальных документах для обеспечения синхронности действий всех участников проекта. Кроме того, кризис требует быстрой переориентации самой стратегии реализации проекта, возможной корректировки бюджета, сроков выполнения и этапов работ, что неизбежно влечет за собой переработку документации, изменение договоренностей и подписание новых соглашений.

Исходя из понимания возникающих сложностей в процессе управления проектом в условиях кризиса, представляется возможным рассмотреть вероятные пути повышения эффективности управления проектом. Как справедливо отмечает Л.П. Мокрова: «Как правило, для управления в условиях проблем и кризиса характерно следующее: выраженная

адаптивность и гибкость, наличие организационно-технологических новаций и мероприятий, направленных на реорганизацию, короткий период разработки» [10, с. 104].

МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРОЕКТОМ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Очевидно, что имеющиеся подходы к процессу управления проектами оказываются недостаточными в условиях кризиса, что диктует необходимость разработки специальных методов и процедур. На основании имеющегося практического опыта управления государственными проектами, а также проводимой научно-исследовательской деятельности предложим модель управления государственным проектом в условиях кризиса (см. рисунок).

Представленная на рисунке модель управления государственным проектом предусматривает комплексный подход, позволяющий с разных сторон учитывать различные факторы, влияющие на ход и непосредственную реализацию проекта. Она направлена на обеспечение непрерывности и стабильности проекта путем внедрения ряда элементов. Рассмотрим их подробнее.

1. Диагностика кризиса и оценка угроз проекту.

Процесс диагностики состоит из ряда мероприятий, позволяющих оценить проектные отклонения от реализации проекта, выявить нарушения торговых цепочек, определить, насколько необходимо пересмотреть расходы на проект для успешной его реализации. Для оценки влияния кризиса на реализацию государственного проекта рекомендуется использовать следующие метрики:

- временные ресурсы (оценка имеющегося запаса времени, необходимого для поддержания проекта и выработки мер реагирования на возникшую кризисную ситуацию);
- финансовая устойчивость (определение имеющихся финансов и их достаточности для реализации государственного проекта в условиях кризиса);
- ресурсная обеспеченность (проведение аудита всех имеющихся ресурсов и возможности привлечения новых на реализацию проекта);
- социальная значимость (определение значимости реализации государственного проекта в условиях кризиса).

Отсюда следует, что первый этап в реализации предложенной модели является одним из наиболее значимых, так как на основании проведенного анализа временных, финансовых, ресурсных и соци-

Рис. / Fig. Модель управления государственным проектом в условиях кризиса /
A government project management model in a crisis

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

ально значимых аспектов в дальнейшем будут приниматься обоснованные управленческие решения, позволяющие повысить устойчивость в реализации государственного проекта, в том числе в условиях кризиса. На этом же этапе может быть принято решение о заморозке проекта или его завершении, так как определенные обстоятельства могут мешать реализации проекта.

2. Адаптация плана управления проектом.

Процесс адаптации плана реализации государственного проекта, предполагает пересмотр ранее определенных контрольных точек и внесение изменений в сроки их достижения. Потребность адаптировать план управления проектом возникает ввиду необходимости реагирования на внешние и внутренние изменения, влияющие на ход его реализации.

В условиях возникновения кризисной ситуации возможны задержки в выполнении ключевых этапов проекта, что неизбежно отразится на запланированных сроках завершения работ либо выбранных методах реализации. Помимо прочего, происходит изменение приоритизации решаемых задач, некоторые из них могут утратить свою актуальность, когда к другим, напротив, потребуются пристальное внимание. Отсюда возникает потребность в перераспределении усилий и ресурсов проекта соответственно новым складывающимся условиям.

На данном этапе не стоит забывать, что любые вносимые изменения в реализацию государственного проекта должны быть согласованы с заказчиком проекта, а также иными заинтересованными сторонами в его реализации. Таким образом, акту-

ализированный план должен учитывать не только возникшие финансовые ограничения и изменившиеся приоритеты, но и изменение самих условий реализации проекта.

3. Реализация антикризисных мероприятий.

Третий этап представленной модели основывается на выработке мер по обеспечению устойчивости в реализации государственного проекта в условиях нестабильности. Одним из ключевых инструментов в данном контексте является перераспределение ресурсов, позволяющее оперативно реагировать на изменяющиеся условия. Так, например, оптимизация бюджета проекта, корректировка сроков его выполнения, перераспределение ресурсов и внедрение системы приоритизации задач, позволяют в условиях кризиса сохранять устойчивость проекта, предотвратить срыв сроков проекта.

Еще один существенный элемент антикризисного управления проектом заключается в том, чтобы обеспечить координацию всех заинтересованных сторон в реализации проекта. К ним относятся: органы государственной власти, подрядные организации, общественные организации и иные структуры, чьи интересы могут значительно отличаться. Для того чтобы соблюсти баланс интересов, создаются координационные центры, проводятся множественные совещания по вопросам внесения изменения в ход реализации государственного проекта, синхронизируются действия всех заинтересованных сторон. Особую значимость играет разработка новых антикризисных регламентов, предусматривающих механизмы оперативного согласования изменений в меняющихся условиях.

Наконец заключительным звеном в системе антикризисного управления государственным проектом выступает непосредственно контроль за ходом реализации проекта. Для этого вводится многоуровневая система мониторинга, позволяющая осуществлять автоматический сбор данных, проводить аудит качества работ и своевременно выявлять отклонения от хода реализации проекта. Здесь по-прежнему значимым аспектом, позволяющим оценить достигаемые финансовые и социально-экономические изменения, является определение системы KPI. Кроме того, дополнительным преимуществом становится публичная отчетность, открытая демонстрация результатов проекта широкой аудитории. Открытость процесса реализации проектов и привлечение гражданских активистов к процедурам контроля повышают доверие общества к правительству и улучшают репутацию государственных инициатив. Гражданское общество может выступать как эффективный наблюдатель, способствующий повышению прозрачности и качеству выполнения проектов.

Также важно подчеркнуть, что контроль в условиях кризиса требует постоянной готовности к изменениям и высокой мобильности. Способность оперативно фиксировать возникающие проблемы и принимать оперативные меры позволяет избежать эскалации негативных тенденций и обеспечить бесперебойное выполнение задач проекта.

Отсюда следует, что процесс перераспределения ресурсов, координации и контроля управлением государственным проектом выступает в качестве основы для устойчивой его реализации в период неопределенности.

4. Преодоление кризисной фазы — завершающий этап управления государственным проектом в условиях кризиса. Здесь важно вернуться к изначальным целям государственного проекта, что невозможно без основательного анализа произошедших изменений в условиях нестабильности. Несомненно, возникновение кризисной ситуации не может совсем никак не сказаться на реализации проекта: путей и сроков его реализации, однако необходимо объективно оценить, насколько изначально поставленная цель проекта достигается, а заложенные смыслы в реализацию проекта сохранены.

Заключительным этапом посткризисного управления выступает планирование дальнейших шагов, направленное не только на завершение текущего проекта, но и на укрепление его устойчивости. Кроме того, целесообразно инициировать стратегические сессии с участием всех стейкхолдеров для переосмы-

сления долгосрочных целей в контексте извлеченных уроков. Такой подход трансформирует кризис из угрозы в возможность для организационного развития, обеспечивая не только восстановление, но и прогресс управленческих практик.

Итак, предлагаемая модель управления государственными проектами в условиях кризиса, базирующаяся на четырехэтапном цикле (диагностика, адаптация, реализация антикризисных мер и посткризисное восстановление), показала свою эффективность при полном соблюдении всех предусмотренных этапов. Комплексная реализация указанных мер позволяет не только минимизировать негативное воздействие кризисных факторов, но и трансформировать их в источник позитивных изменений и усовершенствований в системе государственного управления.

Эмпирические наблюдения свидетельствуют о том, что государственные проекты, выполненные с учетом предложенной модели, демонстрируют повышенную устойчивость и более высокие показатели достижения поставленных целей даже в условиях сильной внешней нестабильности. Это объясняется несколькими преимуществами модели.

Диагностический этап: раннее выявление рисков и проблем позволяет своевременно подготовиться к потенциальным угрозам и предпринять профилактические меры.

Адаптационный этап: возможность оперативной модификации первоначального плана и ресурсов в ответ на изменяющиеся условия поддерживает необходимую гибкость проекта.

Антикризисные меры: скоординированные действия по ликвидации последствий кризиса позволяют сократить потери и уменьшить ущерб для проекта.

Посткризисное восстановление: детальный анализ допущенных ошибок и извлеченных уроков укрепляет профессиональные компетенции участников проекта и готовит их к аналогичным вызовам в будущем.

Таким образом, применение данной модели позволяет существенно повысить устойчивость государственных проектов к внешним шокам и обеспечить их успешную реализацию даже в кризисных условиях.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку количественных метрик оценки эффективности антикризисных мер, а также на изучение влияния различных типов кризисов (экономических, политических, экологических) на специфику управления государственными проектами.

ВЫВОДЫ

Подводя итог проделанной работы, можно сделать следующие выводы.

Реализация государственных проектов в условиях кризиса сопровождается множеством специфических трудностей. Прежде всего, существует проблема нехватки инфраструктуры для быстрого реагирования на внезапно возникшие неблагоприятные обстоятельства. Недостаточность материально-технической базы препятствует оперативной коррекции первоначальных планов и своевременному устранению появившихся отклонений. Следующая существенная проблема — ограничение доступности финансовых ресурсов — создает дополнительную нагрузку на процесс управления и ставит под угрозу выполнение качественных и количественных показателей проекта. Далее, сложная координация действий многочисленных участников проекта вызывает дезорганизацию и конфликты интересов, снижающие общую эффективность. Наконец, постоянное внесение изменений в документацию увеличивает бюрократическую нагрузку и снижает скорость реализации проекта.

В настоящей статье представлена детально разработанная модель управления государственными проектами в условиях повышенного риска и нестабильности. Данная модель включает четыре ключевых элемента:

- *Диагностику рисков* — выявление и классификация потенциальных угроз, оценка вероятно-

сти их наступления и возможных последствий для проекта.

- *Определение шагов реагирования* — разработка сценария реагирования на каждый выявленный риск, включающего превентивные и защитные меры.

- *Непосредственное управление рисками* — своевременное вмешательство в проект, устранение обнаруженных нарушений и минимизация потерь от реализовавшихся рисков.

- *Формулирование дальнейших действий после завершения кризиса* — оценка полученных результатов, извлечение уроков из пережитой кризисной ситуации и разработка рекомендаций для будущих проектов.

Применяя данную модель, возможно существенно повысить вероятность успешного завершения проекта даже в неблагоприятных условиях.

Таким образом, настоящая статья дает подробный анализ и четкую структуру управления государственными проектами в условиях кризиса. Предлагаемый подход, подкрепленный научными исследованиями и практической проверкой, позволяет существенно повысить устойчивость и эффективность реализации проектов даже в самых сложных условиях. Рекомендуется использовать предложенную модель для совершенствования систем управления государственными проектами и подготовки к возможным будущим кризисам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воропаев В.И. Управление проектами в России. Москва: Алане; 1995. 225 с.
2. Иващенко А.А. Модели и методы управления организационными проектами. Автореферат дис. ... канд. тех. наук. Москва; 2003. URL: <https://www.dissercat.com/content/modeli-i-metody-upravleniya-organizatsionnymi-proektami?ysclid=mfm9u0qbzi505723487>
3. Либерзон В.И. Основы управления проектами. Москва: Нефтяник; 1997. 150 с. URL: <https://z-lib.fm/book/3291273/0cb5a2/Основы-управления-проектами.html?dsource=recommend>
4. Петровская И.В. Имплементация принципов экстремального проектного менеджмента в российскую практику реализации государственных и корпоративных проектов. Дисс. ... канд. экон. наук. Апатиты; 2024. 200 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/implementatsiya-printsipov-ekstremalnogo-proektnogo-menedzhmenta-v-rossiiskuyu-praktiku-real?ysclid=mfgo6pfyir733092782>
5. Переверзева В.В. Стратегический анализ в системе антикризисного управления на основе проектного подхода. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2017;6:48–56. URL: <https://elibrary.ru/ykvals>
6. Юрьева Т.В. Кризисный менеджмент и проектный подход. *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2013;5(80):74–79. URL: <https://elibrary.ru/rrurmrv>
7. Охотский Е.В. Государственное управление в кризисной ситуации. *Вестник государственного и муниципального управления*. 2024;2(12):8–21. URL: <https://elibrary.ru/gohqub>
8. Кротова М.В. Некоторые теоретические вопросы реализации национального проекта «Наука». В сб.: *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2020;3(1). URL: <https://elibrary.ru/tiojge>
9. Ильченко С.В. Национальные проекты России и риски их реализации. *Бизнес и дизайн ревю*. 2021;2(22):112–123. URL: <https://elibrary.ru/wexjil>

10. Мокрова Л.П. Теория и практика управления проектами в условиях кризиса. *Инновации и инвестиции*. 2023;1:103–106. URL: <https://elibrary.ru/obviqd>

REFERENCES

1. Voropaev V.I. Project management in Russia. Moscow: Alane; 1995. 225 p. (In Russ.).
2. Ivashchenko A.A. Models and methods of organizational project management. Cand. Tech. Sci. Diss. Synopsis. Moscow; 2003. URL: <https://www.dissercat.com/content/modeli-i-metody-upravleniya-organizatsionnymi-proektami?ysclid=mfm9u0qbzi505723487> (In Russ.).
3. Liberzon V.I. Fundamentals of project management. Moscow: Neftyanik Publ.; 1997. 150 p. URL: <https://z-lib.fm/book/3291273/0cb5a2/Основы-управления-проектами.html?dsource=recommend> (In Russ.).
4. Petrovskaya I.V. Implementation of the principles of extreme project management in the Russian practice of implementing state and corporate projects. Diss. Cand. Sci. (Econ.). Apatity; 2024. 200 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/implementatsiya-printsipov-ekstremalnogo-proektnogo-menedzhmenta-v-rossiiskuyu-praktiku-real?ysclid=mfgo6pfyir733092782> (In Russ.).
5. Pereverzeva V.V. Strategic analysis in the anti-crisis management system based on a project approach. *STAGE: Economic theory, analysis, practice*. 2017;6:48–56. URL: <https://elibrary.ru/ykvals> (In Russ.).
6. Yuryeva T.V. Crisis management and project approach. *Strategic decisions and risk management*. 2013;5(80):74–79. URL: <https://elibrary.ru/rurmv> (In Russ.).
7. Okhotsky E.V. Public administration in a crisis situation. *Bulletin of State and Municipal Administration*. 2024;2(12):8–21. URL: <https://elibrary.ru/gohqub> (In Russ.).
8. Krotova M.V. Some theoretical issues of the implementation of the national project “Science”. In: Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. 2020;3(1). URL: <https://elibrary.ru/tiojge> (In Russ.).
9. Ilchenko S.V. National projects of Russia and the risks of their implementation. *Business and design review*. 2021;2(22):112–123. URL: <https://elibrary.ru/wexjil> (In Russ.).
10. Mokrova L.P. Theory and practice of project management in crisis conditions. *Innovation and investment*. 2023;1:103–106. URL: <https://elibrary.ru/obviqd> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Любовь Владимировна Адамская — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Lubov V. Adamskaya — Cand. Sci. (Socio), Assoc. Prof. at the Department of State and municipal management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-2863-6855>
lvadamskaya@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.08.2025; принята к публикации 17.09.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 24.08.2025; accepted for publication 17.09.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-89-97
УДК 330.34:574(045)

Управление развитием инновационными экосистемами: концептуальный аспект

Е.С. Карсанова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является проведение аналитического обзора предметного поля исследования, связанного с понятием «экосистема», а также предоставление анализа и дифференциации распространенных типов экосистем в соответствии с их основными целями и выявление их ключевых характеристик. На основе обобщения обширного корпуса источников в работе описываются ключевые элементы и роли в экосистемах, исследуется их значимость для функционирования, а также анализируются внешние факторы, оказывающие существенное влияние на проектирование экосистем. Особое внимание уделяется тому, что механизмы управления экосистемами включают формальные и неформальные сети, политические и экономические рамки, а также культурную и социальную среду. Эти компоненты образуют основу экосистемы и оказывают влияние на ее развитие и управление. В заключении выделяются ключевые факторы, способствующие оптимизации развития экосистем. К ним относятся определенное разнообразие элементов в экосистеме; плотные сети для содействия обмену и сотрудничеству; организатор, обеспечивающий поддержание услуг и поддержку взаимодействия между заинтересованными сторонами; эффективная нормативная база; достаточные ресурсы; поддерживающий образ мышления; гибкое управление.

Ключевые слова: экосистема; предпринимательские экосистемы; бизнес-экосистемы; инновационные экосистемы; экосистемы знаний; инновации; цифровизация

Для цитирования: Карсанова Е.С. Управление развитием инновационными экосистемами: концептуальный аспект. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(5):89-97. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-89-97

ORIGINAL PAPER

Management of Innovation Ecosystems Development: Conceptual Aspect

E.S. Karsanova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The purpose of this paper is to provide an analytical overview of the subject field of research related to the concept of “ecosystem”, as well as to provide an analysis and differentiation of common types of ecosystems according to their main purposes and to identify their key characteristics. Based on the synthesis of an broad corpus of sources, the paper describes key elements and roles in ecosystems, explores their significance for functioning, and analyzes external factors that have a significant impact on ecosystem design. It highlights that ecosystem governance mechanisms include formal and informal networks, political and economic frameworks, and cultural and social environments. These components form the foundation of an ecosystem and influence its development and management. The conclusion highlights key factors that contribute to optimizing ecosystem development. These include a certain variety of elements in the ecosystem; dense networks to facilitate exchange and collaboration; an organizer that maintains services and supports stakeholder interaction; an effective regulatory framework; sufficient resources; supportive mindsets; and flexible governance.

Keywords: ecosystem; entrepreneurial ecosystems; business ecosystems; innovative ecosystems; knowledge ecosystems; innovation; digitalization

For citation: Karsanova E.S. Management of innovation ecosystems development: Conceptual aspect. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(5):89-97. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-89-97

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобальных вызовов и стремительной цифровизации всех сфер жизни и значительных достижений в области искусственного интеллекта (ИИ) общество и экономика сталкиваются с серьезными потрясениями. Преодоление проблем требует трансформации, подвергающей испытанию традиционные процедуры и структуры, нового мышления и синергии. Ориентир общества на будущие инновации, их дальнейшее развитие, распространение и устойчивое воздействие становится все более важным в свете текущих локальных и глобальных проблем. Сетевое взаимодействие между субъектами промышленности, общества и науки для обмена знаниями и ресурсами может способствовать усилению инновационной силы развития. Эти инновационные сети, так называемые «инновационные экосистемы», способствуют укреплению местной экономической мощи и конкурентных возможностей. Характеристики, динамика, ресурсы, совокупность субъектов и другие факторы, способствующие успешному развитию инновационных экосистем, еще недостаточно изучены.

Для устранения этого исследовательского пробела требуются новые методы, модели и подходы, позволяющие анализировать такие динамичные и сложные системы. Однако выстроить эффективную систему инновационной политики возможно только с опорой на концептуальные подходы.

ТИПЫ ЭКОСИСТЕМ

В последние годы термин «экосистема» приобрел популярность в экономическом контексте, в рамках которого выделяют четыре типа экосистем: предпринимательские, бизнес, инновационные и знаний. Общим для всех является фокус на динамике и взаимозависимости различных элементов в более или менее четко определенной системе [1, с. 60–62]. Отношения между отдельными элементами формируются на основе определенных ценностей. Чаще всего концепцию экосистемы определяют как «многостороннюю структуру организаций, которая материализует совместное ценностное предложение» [2, с. 140–142]. Каждый субъект экосистемы имеет выгоды от участия в ней в зависимости от выполняемой роли.

Бизнес-экосистемы фокусируются на отдельных центральных фирмах («фокусных фирмах») и их продуктах или услугах, а также на их отношениях с другими субъектами, которые вносят вклад в экосистему, предоставляя свои продукты/услуги [1, с. 65–66]. Такую экосистему можно определить как систему, в которой компании работают совместно — как кооперативно, так и конкурентно — чтобы разрабатывать новые

продукты, удовлетворять потребности клиентов и внедрять инновации [3, с. 77–78]. Желаемым результатом является совместное дальнейшее развитие субъектов экосистемы [1, с. 68].

В инновационных экосистемах основное внимание уделяется продвижению инноваций, а также потокам знаний и взаимодействию между различными субъектами [1, с. 71]. В отличие от бизнес-экосистемы университеты, научно-исследовательские институты и государственные субъекты играют более важную роль [2, с. 150]. Здесь основное внимание уделяется сотрудничеству различных субъектов для разработки инноваций и условиям, которые поддерживают инновационную деятельность.

Исследователи нередко подчеркивают важность ключевых элементов, таких как субъекты, виды деятельности, артефакты (например высокотехнологичные продукты), институты, а также взаимодополняющие и замещающие отношения, особенно акцентируя внимание на таких аспектах, как сотрудничество и конкуренция: «Инновационная экосистема — это развивающийся набор субъектов, видов деятельности и артефактов, а также институтов и отношений, включая взаимодополняющие и замещающие отношения, которые важны для инновационной деятельности субъекта или популяции субъектов» [4, с. 90]. Существует значительное сходство между этой концепцией и концепцией бизнес-экосистем, поскольку обе проводят множество параллелей с биологическими разработками (концепция эволюции и т.д.).

Предпринимательские системы. Бизнес-экосистемы фокусируются на контексте, в котором укоренено предпринимательство. Соответственно, перспектива смещается с предприятий на предпринимателей, которые создают новую ценность, полагаясь на различные формы управления и организации. Эти формы, в свою очередь, поддерживаются или ограничиваются конкретным институциональным контекстом, окружающим их [2, с. 154]. Основное внимание уделяется экономическому росту и созданию богатства посредством взаимодействия различных субъектов [5]. Бизнес-экосистемы определяются как «наборы взаимозависимых субъектов и факторов, координируемых таким образом, что они обеспечивают продуктивное предпринимательство» [5]. Фокус внимания смещается к частным, государственным и гражданским субъектам и их взаимодействиям [6, с. 2]. Важность крупных центральных игроков, так называемых «фокусных фирм», несколько менее выражена, чем в бизнес-экосистемах, часто потому, что они еще не существуют как таковые. Концепция получает дальнейшее развитие в различных формах, например,

в контексте «устойчивых предпринимательских экосистем» [7, с. 1051] или в контексте «развивающихся предпринимательских экосистем» [8, с. 2–10].

В экосистемах знаний основное внимание уделяется определенным совокупностям акторов, которые особенно зависят от обмена знаниями между собой и часто от определенной географической близости [8, с. 4–8]. Ван дер Борг и др. определяют экосистемы знаний как «гетерогенный набор наукоемких компаний и других участников, которые зависят друг от друга в плане эффективности и результативности и, как таковые, должны располагаться в непосредственной близости» [9, с. 152]. Эти экосистемы состоят из множества акторов, включая университеты, государственные научно-исследовательские институты и частные компании, которые совместно создают новые знания [10, с. 1525]. Целью экосистемы является передача «невных знаний» между акторами (то есть организациями, а также между отдельными лицами) [1, с. 70].

Необходимо отметить существование концептуальных совпадений между всеми типами экосистем, например, содействие экономическим субъектам в получении определенных (экономических) выгод или внедрение инноваций. Инновации или инновационная деятельность имеют центральное значение во всех типах экосистем. Исследователи выявили некоторые сходства и различия между различными типами экосистем: например, уровни воздействия в деловых и инновационных экосистемах в первую очередь включают соответствующие партнерские сети; в экосистемах знаний и предпринимательских экосистемах (обычно) нет центрального субъекта («фокусной фирмы») в экосистеме; соответственно, результаты или созданная стоимость находятся не на уровне компаний и их партнеров, а на системном уровне (например, масштаб деятельности по НИОКР, экономический рост, создание рабочих мест и т.д.) [2, с. 143–144].

Кроме того, четыре типа экосистем можно дифференцировать в соответствии с их наиболее важными целями:

- В бизнес-экосистемах основное внимание уделяется росту и дальнейшему существованию конкретной компании и ее партнеров.
- В инновационных экосистемах цели направлены на технологический прогресс и коммерциализацию новых идей или ценностных предложений.
- Предпринимательские экосистемы призваны вносить вклад (обычно также посредством инноваций) в экономический рост и повышение предпринимательской активности в определенном регионе.

- В экосистемах знаний цели в первую очередь направлены на содействие генерации знаний и обмен знаниями.

Поскольку субъекты в экосистемах могут занимать различные позиции и выполнять широкий спектр действий, участвуя тем самым в нескольких экосистемах, на практике могут возникать совпадения [11, с. 40–42].

ЭЛЕМЕНТЫ, РОЛИ И ФУНКЦИИ В ЭКОСИСТЕМАХ

Элементы, имеющие отношение к экосистеме, в решающей степени зависят от перспективы или фокуса анализа. Одни авторы различают *элементы-акторы* и *элементы-неакторы* в экосистемах. К акторам относятся академические учреждения, деловые и государственные субъекты, а также сообщество экосистемы. К компонентам-неакторам относятся: человеческий капитал, сети, культура, системы управления и финансовые, инфраструктура, экологические ресурсы, рынки [12, с. 2]. Другие аналогичным образом различают субъектов и факторы, причем субъекты включают государственные учреждения, университеты, СМИ, ученых и т.д., а факторы включают политику, инфраструктуру, культурные нормы и системы финансирования [13, с. 55–56].

По мнению Е. Малецки, соответствующие элементы экосистем объединяют предпринимателей, компании, университеты, инвесторов, общественные организации, культурные ценности и сети. Последние особенно важны для успеха [14, с. 1–21]. Университеты, например, играют важную роль для стартапов, так как они проводят исследования и обучение и напрямую влияют на эти процессы через центры передачи и инкубаторы. Е. Стэм описывает девять важных атрибутов предпринимательских экосистем: лидерство, посредники, плотность сети, управление, талант, службы поддержки, приверженность, фирмы и капитал [5]. С. Стивенс и др. разрабатывают 16 различных измерений экосистемы на основе эмпирического анализа и добавляют области программ обучения, бизнес-сетей, инфраструктуры и развития человеческих ресурсов к упомянутым выше [15, с. 1–22]. Другие авторы уделяют больше внимания таким аспектам, как пространство и цифровизация или важность цифровых инфраструктур для цифровых экосистем [16, с. 656–674].

Таким образом, опираясь на современную научную литературу, можно выделить следующие элементы — релевантные для всех экосистем: субъекты, взаимодействия и сети, ресурсы и технологии, контекстуальные факторы, процессы/динамические разработки.

Участники являются центральными элементами, занимают определенные позиции в экосистеме, осу-

шествляя ее развитие. [11, с. 40–42]. В экосистемах бизнеса и инноваций присутствуют корпорация-лидер и компании-партнеры, выполняющие различные задачи в экосистеме. Лидер взаимодействует с партнерами, поставщиками и клиентами или, если это экосистема инноваций, с университетами и научно-исследовательскими институтами для создания совместной добавленной стоимости. В корпоративных экосистемах основное внимание уделяется предпринимателям и их встраиванию в сложную сеть субъектов, состоящую из частных, государственных и гражданских субъектов. В экосистемах знаний действуют университеты и сеть компаний, обеспечивающих генерацию знаний, как правило, в пределах определенного региона [1, с. 75].

Взаимодействие и сети. Поддержка экосистемы всеми участниками в рамках своих задач — важнейшая составляющая ее дальнейшего существования. Кооперация в экосистеме строится на том, что участники дополняют друг друга своими компетенциями, хотя вне этой системы их взаимодействие минимально. Поэтому важно непрерывно развивать механизмы привлечения и интеграции новых членов сообщества [9, с. 163].

Здесь важны такие факторы, как тип отношений (кооперативные или конкурентные) и соответствующие роли субъектов. Субъекты могут следовать различным стратегиям взаимодействия [1, с. 75–77]. Например, компании могут привлекать ресурсы, необходимые для внедрения инновации, сотрудничая или используя сети экосистемы для оперативного масштабирования собственных решений. Взаимосвязи с партнерами могут быть формальными или неформальными, но в первую очередь основываться на доверии [6, с. 5–8]. Успех инновационных инициатив невозможен без тесного сотрудничества между участниками коммерческого, академического и государственного секторов экономики, что воплощается в классической модели «тройной спирали» [17].

Ресурсы и технологии, задействованные в развитии экосистем, включают материальные и нематериальные ресурсы (интеллектуальный и финансовый капитал, производственные мощности, артефакты и др.) [4, с. 91; 18, с. 163].

Контекстуальные факторы, такие как культура, правовые и политические рамки, могут влиять на возникновение, проектирование и выживание экосистем, а также на модели взаимодействия между субъектами. Экосистемы сами по себе не являются статичными образованиями, а подвержены динамическим процессам или фазам развития.

В литературе часто выделяют четыре фазы: возникновение, развитие, зрелость и упадок или обнов-

ление экосистем [16, с. 660; 14, с. 5; 18, с. 170–175]. Также существуют подходы, описывающие непрямую траекторию развития и циклические процессы адаптации и поддержания жизнеспособности. [19].

Модель экосистемы формирует ролевую структуру ее участников. Платформенный подход подразумевает следующие категории участников: ведущие компании, владельцы стратегических позиций, доминирующие игроки и нишевые специалисты [1, с. 80–85]. Однако в экосистемах знаний и корпоративных экосистемах часто возникают кластеро-подобные структуры [2, с. 140–145]. Взаимодействие участников координируется через фигуру оркестратора, который обеспечивает целостность экосистемы, в противном случае она существовала бы лишь как разрозненная сеть субъектов. Взаимодействия и структуры экосистемы также могут возникать в результате совместной эволюции различных субъектов или быть привязанными к определенным платформам [1, с. 85–87]. Помимо оркестратора, важную роль также играют комплементаторы, поскольку их продукты или услуги увеличивают ценность основного продукта или услуги. Эта добавленная стоимость является результатом дополнительных преимуществ, возникающих в результате объединения различных услуг [20, с. 5–10].

Многие ученые видят роль государственных субъектов в установлении стандартов, правил и интерфейсов, позволяющих экосистемам функционировать более автономно [21].

По мнению Е. Джонсона и его коллег, государственные субъекты (администрация и правительство) могут выполнять четыре роли в бизнес-экосистемах: катализатора, координатора, сертифицирующего органа и клиента. В качестве катализатора они способствуют развитию как человеческого капитала, так и высокотехнологичных компаний в экосистеме. **Как управляющий координатор** они с помощью инновационной политики формируют стратегические направления развития экосистемы и ее результатов. В качестве сертифицирующего органа они предоставляют информацию о технической ценности и/или экономической жизнеспособности разработок [21]. Государственные субъекты могут выступать в качестве потребителей разработанных продуктов и услуг.

Научно-исследовательские институты играют важную роль в генерации и передаче знаний. Университеты снабжают экосистемы человеческими ресурсами, способствуя развитию талантов. Но полноценное функционирование экосистемы невозможно без пользователей и потребителей. Эти люди запрашивают конкретные решения (продукты, услуги,

знания и т.д.) и также могут быть интегрированы в механизмы обратной связи.

В зависимости от типа экосистемы первостепенное значение имеют различные функции. Важно отметить, что типы экосистем представляют собой концептуальное различие. Несколько или все функции могут быть актуальны как для отдельных субъектов, так и для системы в целом. Соответствующие функции также зависят от интересов субъектов в экосистемах и их целей. Поэтому наиболее важной функцией экосистем можно считать реализацию целей с привлечением необходимых субъектов:

1. Генерация знаний и инновационная деятельность. Экосистемы обеспечивают или способствуют реализации проектов в области исследований, разработок и инноваций с помощью знаний, уже имеющихся в экосистеме, или с помощью вкладов различных участников экосистемы.

2. Передача знаний и технологий. Содействие передаче знаний и технологий в рамках экосистемы является ключевой функцией, которая способствует разработке новых продуктов и услуг и улучшению существующих предложений.

3. Создание ценности. Благодаря совместной разработке продуктов и услуг экосистемы могут эффективно реагировать на потребности и требования пользователей, тем самым способствуя удовлетворенности и лояльности клиентов. Экосистемы также способствуют экономическому развитию, способствуя инновациям и предпринимательству и создавая благоприятную среду для соответствующей деятельности.

4. Поддержка предпринимательства. Благодаря потокам капитала, консультациям и предоставлению сети сотрудничества между различными субъектами экосистемы поддерживают предпринимателей на всех этапах их деловых начинаний. Кроме того, экосистемы выполняют ряд других функций, которые являются более конкретными.

МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОСИСТЕМАМИ

Внешние факторы оказывают решающее влияние на проектирование экосистем, определяя рамки, в которых субъекты действуют, используют ресурсы, осуществляют деятельность и взаимодействуют между собой. Важные факторы охватывают инфраструктуру, доступ к рынку, лидерство, финансирование, талант, знания, вспомогательные службы. Законы, политика, стандарты и нормы также могут оказывать долгосрочное влияние на развитие экосистем [17].

Другим важным аспектом управления экосистемами является координация потоков знаний в сети.

Управление экосистемами основано на решениях, принимаемых субъектами в экосистеме, и включает такие аспекты, как права принятия решений субъектами и формальные и неформальные механизмы управления [9]. Механизмы управления экосистемами включают формальные и неформальные сети, политические и экономические рамки, культурную и социальную среду. Эти элементы вместе образуют основу экосистемы и влияют на ее развитие и управление. Особенно в периферийных районах политическая и институциональная поддержка является важным механизмом продвижения экосистем.

Можно провести различие между подходами «сверху вниз» и «снизу вверх» [19]. Подходы «снизу вверх» подчеркивают роль предпринимателей и культурных ценностей. Эта перспектива рассматривает эволюцию экосистемы как ведомую предпринимателями, с культурной идентичностью и неформальной сетью субъектов, формирующих управление и адаптивность системы. В подходе «сверху вниз» правительство и институциональные субъекты играют активную роль в управлении экосистемой, предоставляя ресурсы, финансируя инкубаторы и ускорители, и программы наставничества [19]. Эффективное управление сочетает в себе элементы этих двух подходов, что требует глубокого понимания внутренней динамики и высокой степени гибкости из-за многомасштабных влияний, которым обычно подвергаются экосистемы.

Другая типология основана на измерениях сотрудничества и автономии в цифровых корпоративных экосистемах. Эта перспектива подчеркивает, что управляемость и адаптивность экосистем во многом зависят от взаимодействия и степени независимости вовлеченных субъектов [22]. Многие экосистемы управляются оркестратором, который может иметь разные роли в зависимости от экосистемы [2, с. 148–150]. Оркестратор в экосистеме — это центральный субъект, устанавливающий видение и направление для экосистемы при помощи целевых действий [23]. Ключевые компании или организации, выполняющие центральную роль в сети, могут выступать в качестве оркестраторов и повышать производительность участников экосистемы, управляя развитием и поддержанием экосистемы. Эта оркестровка охватывает сосуществование сотрудничества и конкуренции, интегрируя как совместные, так и конкурентные элементы.

Некоторые исследователи обоснованно указывают на важность географических аспектов, требующих гибкого управления, отвечающего конкретным потребностям и проблемам на разных уровнях. В зависимости от типа и перспективы локальным, региональным,

национальным и глобальным факторам придается различный вес [24, с. 889–900; 25, с. 30].

В деловых и инновационных экосистемах важна связь между глобальным и локальным, даже если деловые экосистемы в основном рассматриваются как глобальные, а инновационные экосистемы — как более национальные. В экосистемах знаний предполагается географическая колокализация (например, кампусы, научные парки и т.д.); в предпринимательской экосистеме географический фокус либо локальный, либо региональный, либо национальный [2, с. 160]. Доступ к определенным ресурсам упоминается в литературе как причина важности географического контекста [2, с. 162]. Однако, особенно в цифровых экосистемах, географические границы становятся менее важными, поскольку экосистемы могут функционировать через такие границы [25].

ПРОЕКТИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ ЭКОСИСТЕМ

На сегодняшний день не установлены единые критерии для измерения успешности экосистем, поскольку проведенные исследования, как правило, основываются на качественных результатах [2, с. 163]. Хотя эти исследования могут служить руководством для проектирования экосистем, сложно говорить, что результаты связаны именно с мерами государственной управленческой политики, так как пока недостаточно разработанных методов для объективной оценки их успеха. Тем не менее отдельные элементы и функции, рассмотренные в данной статье, следует учитывать при проектировании экосистем. К ним относятся местные и надлокальные субъекты и сети; доступные ресурсы (особенно финансовые и человеческие); местная инфраструктура; социально-культурная среда. Именно с перечисленных элементов правительства могут начать, если хотят реализовать развитую и функциональную экосистему. Основное внимание обычно уделяется материальным факторам, хотя культурные факторы не менее важны, но недооценены [7, с. 1050; 7, с. 1–18].

В своей эмпирической работе по предпринимательским экосистемам в 28 европейских странах группа исследователей пришла к выводу, что регионы всегда должны учитывать свои сильные и слабые стороны при проектировании экосистемы. В зависимости от типа экосистемы (бизнес, инновационная, знаниевая или предпринимательская) или выбранной перспективы цели определяются несколько по-разному [26, с. 740–754].

Экосистемные подходы, которые больше фокусируются на центральном субъекте, например бизнес-экосистеме, с большей вероятностью оценивают успех с точки зрения позитивного развития субъекта и роста экосистемы. Если подход более системный, экономические и социальные аспекты также оказываются в центре внимания. В предпринимательских экосистемах успех измеряется не столько позитивным экономическим развитием отдельного субъекта, сколько достижением конкретных эффектов (рост предпринимательства, стартапов) в региональной экономической системе [27, с. 2–22]. В экосистемах знаний передача знаний и сотрудничество различных субъектов для создания инновационной среды имеют большое значение. Поэтому элементы, способствующие перетоку знаний, такие как мейкерспейсы или коворкинг-пространства, считаются факторами успеха [28, с. 75–80]. Из этого следует, что элементы, способствующие успеху экосистем, также будут различаться в зависимости от типа экосистемы. Динамичный характер экосистем требует гибкого управления, способного реагировать на конкретные потребности и проблемы каждой фазы развития [29, с. 180–199]. Первая фаза, фаза возникновения, включает инициирование новых партнерств и разработку концепций для предложений и совместной стратегии создания стоимости. Фазы роста и зрелости, напротив, сосредоточены на управлении сложным сотрудничеством с различными субъектами и направлены на постоянное расширение экосистемы за счет включения новых партнеров.

Хотя в литературе нет единого мнения относительно используемых показателей, можно сделать вывод, что измерение успеха должно охватывать разные уровни — как уровень субъекта, так и уровень системы, с акцентом на одном или другом в зависимости от ориентации экосистемы. Успех экосистем можно измерить по тому, как они генерируют выгоды: экосистемы инноваций и знаний извлекают преимущества из взаимозависимостей внутри экосистемы, в то время как корпоративные и деловые — из структуры и дизайна экосистемы. В деловых и инновационных экосистемах основное внимание уделяется созданию выгод для центрального субъекта, тогда как в корпоративных и знаниевых ищутся выгоды для всех участников экосистемы.

ВЫВОДЫ

Можно утверждать, что последовательная теоретическая основа и прочная эмпирическая база исследования экосистем все еще отсутствуют. Сегодня по-прежнему существует значительная потребность

в исследованиях факторов, влияющих на развитие и успех экосистем: влияние глобализации и цифровизации, роль контекста и культурных ценностей, а также важность доверия и разнообразия заинтересованных сторон для успеха и возникновения предпринимательских экосистем.

В частности, отсутствует ясность относительно того, как различные взаимодействия внутри подсистем, побочные эффекты от соседних экосистем, а также развитие отношений и роль лидеров-предпринимателей влияют на распространение технологий и проектирование экосистем.

Систематизация и анализ литературы по представленной теме исследования позволяют выделить факторы, которые могут способствовать развитию экосистем:

- Разнообразие в экосистеме: сбалансированный и диверсифицированный ландшафт субъектов поддерживает сотрудничество, синергию и общую цель между участниками.
- Широко разветвленные, плотные сети облегчают сотрудничество, обмен и координацию потоков знаний между участниками.
- Гибкие механизмы контроля помогают реагировать на конкретные проблемы и потребности

участников. Особая роль организатора может гарантировать, что услуги поддерживаются и способствуют сотрудничеству между участниками (например, путем интеграции элементов сотрудничества и конкуренции).

- Поддерживающие условия нормативно-правовой базы, которые поощряют инновации и сотрудничество.

- Достаточные ресурсы (материальные, финансовые, человеческие) для поддержания процессов обмена.

- Соответствующий образ мышления или поддерживающая культура, такие как позитивное отношение к предпринимательству, принятие риска и энтузиазм по отношению к инновациям.

- Учет динамики экосистемы: в зависимости от фазы развития экосистемы различные механизмы поддержки могут быть особенно актуальны, например, предоставление финансирования через инкубаторы/акселераторы и наставничество на ранних стадиях развития экосистем.

- Использование цифровых технологий для обеспечения новых форм взаимодействия, производства и распределения.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в рамках первого этапа фундаментальной научно-исследовательской работы на тему: «Формирование и развитие инновационной экосистемы регионов России» по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ в 2025 г. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared as part of the first stage of fundamental research work on the topic: "Formation and development of the innovation ecosystem of the regions of Russia" according to the state assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation in 2025. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Scaringella L., Radziwon A. Innovation entrepreneurial knowledge and business ecosystems: Old wine in new bottles? *Technological Forecasting and Social Change*. 2017;136(7):59–87 DOI: 10.1016/j.techfore.2017.09.023
2. Cobben D., Ooms W., Roijakkers N., Radziwon A. Ecosystem types: A systematic review on boundaries and goals. *Journal of Business Research*. 2022;142(3):138–164. DOI: 10.1016/j.jbusres.2021.12.046
3. Moore J.F. Predators and Prey: A New Ecology of Competition. *Harvard Business Review*. 1993;71(3):75–86. URL: https://www.researchgate.net/publication/13172133_Predators_and_Prey_A_New_Ecology_of_Competition
4. Granstrand O., Holgersson M. Innovation ecosystems: A conceptual review and a new definition. *Technovation*. 2020;90–91. DOI: 10.1016/j.technovation.2019.102098
5. Stam E. Entrepreneurial ecosystems and regional policy: A sympathetic critique. *European Planning Studies*. 2015;23(9):1759–1769. DOI: 10.1080/09654313.2015.1061484
6. Bouncken R.B., Kraus S. Entrepreneurial ecosystems in an interconnected world: Emergence, governance and digitalization. *Review of Managerial Science*. 2022;16(1):1–14. DOI: 10.1007/s11846-021-00444-1

7. Volkmann C., Fichter K., Klofsten M., Audretsch D.B. Sustainable entrepreneurial ecosystems: An emerging field of research. *Small Business Economics*. 2021;56(3):1047–1055. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11187-019-00253-7>
8. Hannigan T.R., Briggs A.R., Valadao R., Seidel M.-D.L., et al. Mapping cultural possibilities in an emerging AI entrepreneurial ecosystem. *Research Policy*, 2021;51(104315):1–18. DOI: 10.1016/j.respol.2021.104315
9. Van der Borgh M., Cloudt M., Romme A.G.L. Value creation by knowledge-based ecosystems: Evidence from a field study. *R&D management*. 2012;42(2):150–169. DOI: 10.1111/j.1467-9310.2011.00673.x
10. Järvi K., Almpantopoulou A., Ritala P. Organization of knowledge ecosystems: Prefigurative and partial forms. *Research Policy*; 2018;47(8):1523–1537. DOI: 10.1016/j.respol.2018.05.007
11. Adner R. Ecosystem as structure: An actionable construct for strategy. *Journal of Management*. 2016;43(1):39–58. DOI: 10.1177/0149206316678451
12. Asmit B., Simatupang T.M., Rudito B., & Novani S. Uncovering the building blocks of rural entrepreneurship: A comprehensive framework for mapping the components of rural entrepreneurial ecosystems. *Heliyon*. 2024;10(1):e24139:1–15. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e24139
13. Bergmann B.J. Jr. The power, process, and potential of mapping an entrepreneurial ecosystem. *Business Horizons*. 2025;68(1):55–56. DOI: 10.1016/j.bushor.2023.12.005
14. Malecki E.J. Entrepreneurship and entrepreneurial ecosystems. *Geography Compass*. 2018;12(3):1–21. DOI: 10.1111/gec3.12359
15. Stephen S., McLaughlin C., Ryan L., Fontalba C.M., et al. Entrepreneurial ecosystems: Multiple domains dimensions and relationships. *Journal of Business Venturing Insights*. 2022;18:1–22. DOI: 10.1016/j.jbvi.2022.e00344
16. Buratti M., Cantner U., Cunningha, J.A., Lehmann E.E., Menter M. The dynamics of entrepreneurial ecosystems: An empirical investigation. *R&D Management*. 2022;53(4):656–674. DOI: 10.1111/radm.12565
17. Robertson J., Pitt, L., Ferreira C. Entrepreneurial ecosystems and the public sector: A bibliographic analysis. *Socio-Economic Planning Sciences*. 2020;72(2):100862. DOI: 10.1016/j.seps.2020.100862
18. Scott S., Hughes M., Ribeiro-Soriano D. Towards a network-based view of effective entrepreneurial ecosystems. *Review of Managerial Science*. 2020;16(1):157–187. DOI: 10.1007/s11846-021-00440-5
19. Cho D.S., Ryan P., Buciuni G. Evolutionary entrepreneurial ecosystems: A research pathway. *Small Business Economics*. 2022;58(4):1865–1883. DOI: 10.1007/s11187-021-00487-4
20. Carst A.E., Hu Y. Complementors as ecosystem actors: A systematic review. *Management Review Quarterly*. 2023;74(1):1–57. DOI: 10.1007/s11301-023-00368-y
21. Johnson E., Hemmatian I., Lanahan L., Joshi A.M. A framework and databases for measuring entrepreneurial ecosystems. *Research Policy*. 2022;51(2):104398. DOI: 10.1016/j.respol.2021.104398
22. Bejjani M., Göcke L., Menter M. Digital entrepreneurial ecosystems: A systematic literature review. *Technological Forecasting and Social Change*. 2023;189(6):122372. DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122372
23. Burström T., Lahti T. et al. A definition, review, and extension of global ecosystems theory. *Journal of Business Research*. 2023;157(2):113605. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.113605
24. Alvedalen J., Boschma R. A critical review of entrepreneurial ecosystems research: Towards a future research agenda. *European Planning Studies*. 2017;25(6):887–903. DOI: 10.1080/09654313.2017.1299694
25. Fischer B., Meissner D., Vonortas N., Guerrero M. Spatial features of entrepreneurial ecosystems. *Journal of Business Research*. 2022;147:27–36. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.04.018
26. Wurth B., Stam E., Spigel B. Toward an entrepreneurial ecosystem research program. *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2021;46(3):729–778. DOI: 10.1177/1042258721998948
27. Cavallo A., Ghezzi A., Balocco R. Entrepreneurial ecosystem research: Present debates and future directions. *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2018;1–24.
28. Autio E., Nambisan S., Thomas L.D.W., Wright M. (o. J.). Digital affordances, spatial affordances, and the genesis of entrepreneurial ecosystems. *Journal of Strategic Entrepreneurship*. 2017;12(1):72–95. DOI: 10.1002/sej.1266
29. Kolagar M., Parida V., Sjödin D. Ecosystem transformation for digital servitization: A systematic review, integrative framework, and future research agenda. *Journal of Business Research*. 2022;146:176–200. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.03.067

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Елена Созрикеевна Карсанова — доктор политических наук, профессор кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Elena S. Karsanova — Dr. Sci. (Polit.), Prof. of the Political Science Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-3000-8009>

eskarsanova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 28.08.2025; принята к публикации 16.09.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 28.08.2025; accepted for publication on 16.09.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Дружба России и Узбекистана и философия Ферганы

М.А. Маматов

Ферганский государственный университет, Фергана, Республика Узбекистан

АННОТАЦИЯ

В статье подчеркивается, что в эпоху глобализации, особенно в этапе формирования ее многополярной стадии, философская мысль любой страны и любого народа не сможет успешно развиваться, если ограничиваться только проблемами своей страны и своего региона. Автор приходит к выводу, что успешное и плодотворное развитие философской мысли Ферганы возможно только в тесном творческом сотрудничестве с учеными других стран, прежде всего, с мыслителями соседних стран, исследований их философии, в том числе трудов философов дореволюционной, советской и нынешней России. Рассматриваются основные способствующие развитию философской и научной мысли формы сотрудничества узбекистанских вузов с вузами России. Статья посвящена также изучению истории и основных проблем современной философской науки Ферганской долины Республики Узбекистан. В ней рассматривается процесс образования философских школ в вузах городов Узбекистана, в котором большую роль играло сотрудничество узбекских философов с российскими вузами, также перечислены некоторые проблемы, исследуемые современной ферганской философской школой. Автором перечислены проблемы новой философии, исследуемые молодыми ферганскими учеными, и описаны предложенные ими решения.

Ключевые слова: философские школы; российские ученые; философия глобализации; экология; экзистенциализм

Для цитирования: Маматов М.А. Дружба России и Узбекистана и философия Ферганы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(5):98-105. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-98-105

ORIGINAL PAPER

Friendship Between Russia and Uzbekistan and the Philosophy of Ferghana

M.A. Mamatov

Ferghana State University, Ferghana, Republic of Uzbekistan

ABSTRACT

The article emphasizes that in the era of globalization, especially at the stage of its multipolar formation, the philosophical thought of any country and any people will not be able to develop successfully if they limit themselves only to the problems of their country and their region. The author comes to the conclusion that the successful and fruitful development of the philosophical thought of Ferghana is possible only in close creative cooperation with scientists from other countries, primarily with thinkers from neighboring countries, research on their philosophy, including the works of philosophers of pre-revolutionary, Soviet and present-day Russia. The main forms of cooperation between Uzbek universities and universities of the Russian Federation contributing to the development of philosophical and scientific thought are considered. The article is also devoted to the study of the history and main problems of modern philosophical science in the Ferghana Valley of the Republic of Uzbekistan. It analyzes the process of education of philosophical schools in universities in the cities of the Ferghana valley, in which the cooperation of Uzbek philosophers with Russian universities played a major role, and also analyzes the main problems studied by the modern Ferghana philosophical school. The author identifies new philosophical problems put forward by talented young Ferghana philosophers, and discusses their original solutions.

Keywords: philosophical schools; Russian scientists; philosophy of globalization; ecology; existentialism

For citation: Mamatov M.A. Friendship between Russia and Uzbekistan and the philosophy of Ferghana. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(5):98-105. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-98-105

ВВЕДЕНИЕ

Изучение *современной философии* в Ферганской долине Узбекистана актуально для понимания логики истории и развития научной и философской мысли стран постсоветского пространства, а также для понимания объективно-исторических факторов динамики современной философии любой страны. Трудности и достижения философии нашего времени демонстрируют объективно-историческую необходимость всеобъемлющего и регулярного общения представителей науки и философии разных стран. В эпоху глобализации именно научные контакты определяют развитие интеллектуального мира современности, рождение новых концепций и отслеживают историческую динамику. Например, крупнейшие естественно-научные и философские центры Узбекистана основаны выдающимися учеными Ферганы в первой половине XX в. Их развитие связано не только с углубленным изучением локальных научных проблем, но и активным сотрудничеством с зарубежными коллегами из Китая, Индии, Казахстана, Киргизии, Российской Федерации и др. стран. В современном Узбекистане придается большое значение расширению географии международного сотрудничества и обмену опытом.

Сегодня Ферганский госуниверситет поддерживает творческие связи с вузами России (РАНХиГС при Президенте РФ, Финансовый университет при Правительстве РФ, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Болгарская исламская академия); Индии — Гуру Гасидас Вишвавидьялая (Центральный университет Гуру Гасидаса, Биласпур); Казахстана (Евразийский Национальный университет им. Л. Н. Гумилёва, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби); Кыргызстана (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Кыргызско-Узбекский международный университет им. Батыралы Сыдыкова); Турции — Университет Анкары им. Хаджи Байрам Вели и др.

Развитию философии в Республике Узбекистан помогают приглашенные российские ученые. Они проводят лекционные и семинарские занятия с обучающимися и мастер-классы с профессорско-преподавательским составом гуманитарных факультетов университетов Ферганы, Ташкента, Самарканда и др. городов.

Однако существует проблема — большинство студентов и преподавателей недостаточно хорошо владеют русским языком, что важно для живого общения с представителями российской науки. Языковой барьер связан с тем, что в 90-е гг. в Республике значительно сократилось количество рус-

скоязычных учебных заведений и количество часов для уроков русского языка в национальных школах. Проблема решается привлечением иностранных ученых, *свободно владеющих* узбекским языком и способных вести занятия и научные дискуссии на *узбекском языке*. Так, например, Т.М. Махаматов, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, с 2017 г. ежегодно читает лекции *на узбекском языке* по экзистенциализму, философии глобализации, цивилизации, философии языка; проводит мастер-классы, участвует в работе круглых столов с профессорско-преподавательским составом, аспирантами, магистрами и студентами в Ташкентском государственном университете востоковедения, Чирчикском государственном педагогическом университете, университете «Альфраганус» и Ферганском государственном университете.

Еще один пример международного сотрудничества — участие узбекистанских философов в работе постоянно действующего на базе факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова международного научно-практического семинара «Актуальные проблемы глобалистики» под руководством известного ученого по философии глобализации доктора философских наук, профессора А.Н. Чумакова. В мероприятии принимают участие известные российские и зарубежные специалисты мирового уровня, что способствует обогащению научных тем по философскому осмыслению актуальных экологических проблем современного Узбекистана.

Расширению международных контактов профессоров Ферганского государственного университета и признанию их успехов способствуют публикации трудов в таких высокорейтинговых российских журналах, как «Век глобализации» [1], «Философия и общество» [2], «Гуманитарные и социальные науки» [3], «Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета» [4, 5] и др.

Великие мыслители Центральной Азии, начиная с эпохи мусульманского Ренессанса, внесли значительный вклад в развитие мировой науки. Их исследования охватывали различные области знаний: от естественных наук и философии до общественных дисциплин. Они не только развивали наследие античных мыслителей, в частности логику Аристотеля, но и обогащали философскую мысль собственными идеями, которые впоследствии оказали влияние на западную научную традицию. Достижения центральноазиатских ученых стали важной частью общемирового интеллектуального наследия [6]. Научное сообщество Республи-

ки Узбекистан прилагает усилия, чтобы выйти из ограниченности 90-х гг. прошлого века и начала XXI в. и вывести интеллектуальную деятельность на новый уровень развития в лучших традициях своих великих предшественников. Сегодняшние философские школы высших учебных заведений «Золотой долины» Узбекистана отражают результаты творческой деятельности ученых республики начиная с 30–70-х гг. XX в. до наших дней. Наряду с всесторонним исследованием научного творчества ученых эпохи мусульманского Ренессанса — Аль-Фараби, Ибн Сины, Аль-Хорезми и др., современные представители философии Республики занимаются изучением проблем современной философии Востока и Запада. Темы глобализации, религии, экологии, предпринимательства, универсальные принципы цивилизации и многие другие в сфере их научно-исследовательских интересов.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ФЕРГАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Первого мая 2025 г. Ферганский государственный университет праздновал 95-летие. Университет учрежден в 1991 г. на базе одного из первых высших учебных заведений УзССР — Ферганского государственного педагогического института, основанного в 1930 г. Первым его директором был назначен профессор А. М. Красноусов (1895–1970). Заведующим учебным отделом — С. Н. Мишин (1881–?). Первое здание института спроектировано известным архитектором Г. М. Сваричевским и построено еще в царское время — в 1902–1903 гг. Ранее в нем располагалась мужская гимназия. В то непростое время важно было обеспечить новый институт молодежь республики высококвалифицированными преподавателями. Приезд группы советских ученых обеспечил институт опытными научно-педагогическими кадрами. У истоков формирования системы высшего образования в Узбекистане стояли такие известные русские ученые, как физик Е. Е. Сиротин (1888–1949), зоолог А. В. Аверинцев (1875–1957), экономист-математик А. В. Ланков (1884–1953) и многие другие.

ВETERАНЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

История университета советского периода привнесла бесценный опыт в жизнь и науку Узбекистана, что невозможно не признавать. Ведь система высшего образования в центральноазиатских респу-

бликах создана и развивалась в эпоху Советского Союза совместными усилиями преподавателей и ученых всех народов СССР. Следовательно, *Фергану философскую* неправильно было бы анализировать без учета сотрудничества с философией соседних стран — бывших советских республик и, прежде всего, без России, что ни в коем случае не исключает важность сотрудничества с учеными дальнего зарубежья.

Одним из первых ветеранов и создателей *современной* ферганской философской школы был получивший философское образование и ученые степени в Советской России доктор философских наук, профессор Турди Шарипович Шарипов (1924–1995). Т. Ш. Шарипов в 1951 г. окончил Ленинградский (ныне Санкт-Петербургский) государственный университет. В 1952–1956 гг. продолжил учебу в аспирантуре философского факультета Ленинградского ордена Ленина и ордена Красного знамени государственного университета имени А. А. Жданова и защитил кандидатскую диссертацию. Докторскую диссертацию на тему «Новое отношение к труду и закономерности его формирования» подготовил и защитил под руководством известного советского профессора, доктора философских наук Александра Петровича Шептулина (1929–1993).

Основные научные исследования Т. Ш. Шарипова посвящены пониманию человека и его отношения к окружающей среде. Его научные взгляды на объективную необходимость социальных факторов и рыночных отношений в формировании человеческих и трудовых отношений нашли свое выражение в ряде философских и социологических исследований, проведенных им в 90-х годах прошлого века. Вклад Шарипова в науку и воспитание молодых кадров признан государством, и он был удостоен звания «Заслуженный работник народного образования Узбекистана».

Т. Ш. Шарипов оставил богатое научное наследие как выдающийся ученый: современную Ферганскую философскую школу, в рамках которой до сих пор ведутся исследования по проблемам гармоничного развития человека, экологии, нравственности и т. д.; научные труды по актуальным проблемам современной философии [7–9], в которых отражены пути совершенствования трудовой активности членов общества исходя из условий коммунистической системы того времени. Им обоснованы философские пути повышения эффективности общественного труда, что явилось определенным вкладом в достижение известных успехов в организации общественного труда своего времени.

¹ Дата смерти неизвестна.

За время своей научно-педагогической деятельности Т.Ш. Шарипов воспитал ряд талантливых учеников: докторов философских наук, профессоров — Ёра Тоирова, Махмуда Абдуллаева; кандидатов наук, доцентов — Х. Пулатова, А. Абдуллаева, Ф. Тургунбаева, К. Рузиматзода и многих др. Большинство из них, продолжая традицию наставника, занимаются исследованием различных сторон философской сущности труда в жизни человека и общества.

Еще один представитель ферганских философов, формировавшийся как ученый под руководством российских наставников — профессор Наманганского государственного технического университета, академик Туранской академии, автор многочисленных научных трудов по философии Махамадихон Исроилович Исмоилов, защитил первую диссертацию под руководством российского профессора Надежды Павловны Депенчук (1920–1992). Тема докторской диссертации М.И. Исмоилова связана с исследованиями объективных и субъективных причин продолжающегося ухудшения экологии Узбекистана. М.И. Исмоиловым разработана концепция поэтапного проведения комплексных мер по преодолению неблагоприятной экологической ситуации в современном Узбекистане. При этом он рекомендует в решении экологических проблем сосредоточить преимущественное внимание на мероприятиях локального уровня и уже на последующем этапе предусмотреть переход к региональному уровню как основательному решению.

Исследования профессора М.И. Исмоилова охватывают широкий круг вопросов взаимоотношений экологического знания и философии глобализации на современном этапе. Они вносят уточнение в понимание предмета, структуры и методов современной экологии, ее взаимоотношений с другими науками, ее роли в управлении состоянием природной среды и обеспечении перехода человечества от неустойчивого к устойчивому развитию, намечают возможные направления путей преодоления кризисной экологической ситуации в современном мире, в частности Узбекистане [10].

Профессор Фарида Хужамкуловна Юлдашева окончила философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова в 1985 г. Ей посчастливилось слушать лекции С.Т. Мелюхина, В.В. Миронова, А.В. Разина, Е.В. Боголюбовой, И.Н. Яблокова, З.М. Оруджева, И.А. Гобозова и др. В 2006 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Роль ценностей ислама в духовном обновлении общества». В ее докторской диссертации «Особенности духовного обновления общества в условиях глобализа-

ции» (2019) исследованы особенности воздействия процессов глобальных изменений на общество на примерах Республики Узбекистан [11]. Ф.Х. Юлдашевой конкретизировано определение глобализации, исследовано ее противоречивое влияние на социально-духовную жизнь общества, раскрыты особенности духовного обновления в условиях глобализации; научно обоснована необходимость духовного обновления в Узбекистане в качестве диалектического процесса сохранения духовной стабильности, противостоящей негативному влиянию глобализации.

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФЕРГАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Современная философская и научная мысль Республики Узбекистан по своему генезису и исследуемым актуальным проблемам очень близка российской. Так, например, проблемы глобалистики, демографии, экологии, философии политики, экзистенциализма и др. находятся в центре внимания как узбекистанских, так и российских ученых.

Сегодня в высших учебных заведениях Ферганской долины ученые нового поколения ведут изыскания, учитывая особенности переориентации ценностей после распада социалистической системы, все больше обращаются к исследованиям проблем социальной философии, в частности раскрытию отличительных черт личности в системе рыночных отношений, в условиях преобладания прагматизма и индивидуализма. Ими исследуются также проблемы общечеловеческих ценностей в жизни общества, анализируется динамика особенностей духовного мира современной личности.

Одной из таких работ является научный нарратив доктора философии, профессора Наманганского государственного педагогического университета Замиловой Риммы Равильевны. Ею по-новому переосмыслена тема героизма, сопрягающаяся с экзистенциализмом, исследовано диалектическое единство индивидуального и общественного. Действительно, героический поступок индивида совершается не на необитаемом острове, не в пустоте, а среди людей, в процессе социальной деятельности. Насколько бы личность ни была гениальна, оригинальна и отважна, ее социальные действия, ее героизм связаны с действительностью, жизнью и судьбой окружающих ее людей.

Опираясь на утверждение Николая Бердяева, что «Человек, — двойственное существо — двоящееся и двусмысленное, имеющее облик царственный

и облик робкий, существо свободное и закованное, сильное и слабое, соединившее в одном величие с ничтожеством, вечное с тленным» [12], Р.Р. Заматова отмечает, что двойственность человеческой природы у одного человека порождает великое, мужественное, героическое, а у второго — ничтожное, трусливое, подлое. Эту двойственность невозможно преодолеть, искоренить из жизни и характера человека. Значит, где героическое, там возможно и предательство, где доброе, там возможно и злое, где мудрость, там и глупость. Наверно, человек никогда не сможет определить, что есть добро, а что есть зло, что мужественно, а что трусливо. Но есть общечеловеческие ценности, императивы, которые применимы к деятельности, поступкам человека. Мотивы и самоактуализирующиеся факторы человеческого «Я» и героизма можно сравнить с познанием философии [13].

Актуальным для современного Узбекистана проблемам социальной философии посвящены исследования профессоров кафедры философии и национальной идеи Ферганского университета И.Б. Сиддикова «Взаимный синтез гносеологических и теологических воззрений средневекового исламского Востока: историко-философский анализ» [14], Б. Ганиева «Социально-философские аспекты предпринимательской деятельности на этапе нового развития» [15], А. Камбарова «Социально-философский анализ трансформации научных и религиозных ценностей в Узбекистане» [16], С.У. Юлдашева «Трансформация общества в Узбекистане: социокультурные технологии и стратегическое программирование» [17] и др.

Для вышеуказанных научных работ характерны новые подходы, соответствующие стремительно происходящим в обществе глобальным изменениям как в материальной, так и духовной жизни социума, а также темы исследовательских работ, которые в советский период были если не запрещенными, то считавшимися якобы не актуальными.

Одна из таких проблем, актуальная и для современной России, — вопрос о роли частной предпринимательской собственности в решении морально-этических проблем, в формировании гражданской ответственности и социальной активности граждан страны. Именно социально-философские аспекты частной предпринимательской деятельности стали темой исследования профессора Б.С. Ганиева. Он считает, что социальная защита работников сферы частного предпринимательства должна осуществляться предпринимателем как определенная социально ориентированная цель. Усиление внимания

к человеческому фактору формирует у работников частных предприятий веру в будущее, способствует повышению производительности труда, качества производимой ими продукции и оказываемых услуг.

Б.С. Ганиевым сделан вывод, что развитие социального предпринимательства в обществе, т.е. оказание адресной помощи людям наряду с эффективной деятельностью предпринимателей, должно вносить свой вклад в совершенствование человеческого капитала в стране. Для дальнейшего укрепления роли предпринимательства в обществе целесообразно расширение его нормативно-правовых основ, включать в законы механизмы правовой защиты этой деятельности. Такая практика повысит социальную ответственность предпринимателей и будет способствовать их интеграции с новыми социальными системами [15].

Философия теологии чрезвычайно актуальна в сегодняшней реальности. Именно этой проблематикой занимается профессор Ферганского университета А. Камбаров. Объект его исследовательской деятельности — соотношение философии и теологии в условиях современности. А. Камбаровым подробно изучается место и роль религии в светском обществе, обобщается опыт работы властей и религии во имя сохранения единства многонационального, поликонфессионального народа Узбекистана [16].

Еще один представитель Ферганского университета профессор С.У. Юлдашев занимается философским анализом социальных последствий влияния в условиях глобализации «массовой культуры Запада» на процесс формирования у молодежи Узбекистана *искаженных* представлений о принципах демократии в республике. Он, в частности, отмечает, что поскольку молодым людям присуща односторонность в понимании социальных проблем, то для преодоления данной негативной социальной психологии и формирования позитивного мировоззрения необходимо диалектически сочетать решение социальных задач в среде молодежи с экономическими задачами. Такой подход, согласно автору, будет способствовать сохранению стабильности в обществе и развитию государства [17].

Доктор философских наук И.А. Асатуллоев, изучив тему о социально-экзистенциальной концепции мыслителя-неомарксиста Эриха Фромма, сформулировал следующее. По мнению автора, мысли Фромма о непоследовательности человека основываются на противоречии между человеком и культурой. Согласно И.А. Асатуллоеву, экзистенциальный мир человека, о чем писал и Фромм, проявляется на основе *дисгармонии* между куль-

турой и экономической реальностью. Социальный экзистенциализм Фромма имеет элементы эклектизма, так как сформировался под влиянием идей различных философских школ и современных философских течений, учений Фрейда и Маркса, реформировав их [18].

Концепция свободы Эриха Фромма, согласно Асатуллоеву, означает не только личную свободу, но также неразрывную связь с социальными структурами общества. Его суждения способствуют определению сложных отношений между внутренним миром людей и социальной средой в современном обществе. Свобода отражает не только политическое или экономическое положение, но и индивидуальное экзистенциальное состояние. Асатуллоев утверждает, что концепция свободы Фромма стимулирует человечество к глубокому размышлению о подлинной правильной «свободной» жизни.

Профессор особо подчеркивает актуальное значение идеи мыслителя-неомарксиста о социальных основах экзистенции человека, что производство должно служить не экономике, а человеку; высшей целью всех социальных реформ должно быть гарантирование счастья человеку и вызволение его из экзистенциальных мук и страданий, благополучию человека служит только рациональное потребление, а не высокий уровень потребления. Именно такая цель является ядром государственной стратегии развития Узбекистана² [22].

Ученый предлагает использовать гуманистические идеи Фромма в формировании гражданского общества Узбекистана, построении «здорового общества», воспитании «души человека». Выводы исследования трудов Фромма можно использовать при разработке современных подходов к препода-

ванию, направленных на формирование и развитие «национальной идеи» у учащихся. И.А. Асатуллоев считает также целесообразным использовать труды американского философа в пропаганде «идеи борьбы с невежеством с помощью просвещения».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ферганская философия, опираясь на мировые достижения, учитывая их недостатки и недоработки, формирует свое оригинальное, но объективное видение сложнейшей современной реальности, и вносит вклад в дальнейшее развитие и национальной, и мировой науки. За годы независимости Узбекистана на базе результатов исследований поколений ученых Республики подготовлены научные труды плеяды новых философов. Сегодняшние узбекистанские философы исследуют, анализируют, обобщают и переосмысливают актуальные процессы и тенденции, происходящие в стране и мире, в общественной жизни и природе Узбекистана и предлагают новые варианты решений проблем с учетом новых тенденций и противоречий объективной действительности и достижений развития современных наук и технологий в условиях глобализации.

Философская мысль «Золотой долины» активно развивается при поддержке коллег-единомышленников из других стран и движется в поиске истины познания сущностных особенностей современного мира в сгустке противоречий процесса глобализации. Как один из множества ручейков ручеек она вливается в реку мировой философии и в то же время сохраняя свою оригинальность и самобытность.

Надеемся, что ряды узбекистанских философов, чьи мысли сформировались в результате тесного научного сотрудничества с российскими философами, будут пополняться и далее. Ученые древности говорили, что дружба — сущность свободного человека и основа истинного философствования.

² Указ Президента Республики Узбекистан от 11.09.2023 № УП-158 «О Стратегии “Узбекистан — 2030”». URL: <https://lex.uz/ru/docs/6600404>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Махаматов Т.М., Сиддиков И.Б. Неоглобализация, суверенитет и субъектность государства. *Век глобализации*. 2024;4(52):110–118. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.09
2. Ганиев Б.С., Махаматов Т.М. Дискурс об объективной и субъективной экзистенции. *Философия и общество*. 2023;3(108):51–67. DOI:10.30884/jfo/2023.03.03
3. Маматов М.А., Махаматов Т.М. Диалектика освоения подрастающим поколением традиционных ценностей в условиях неоглобализации. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2023;23(6):95–104. DOI: 10.37482/2687-1505-V312
4. Маматов М.А. Мой отец — узбек, советский солдат. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):154–158. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-154-158.

5. Махаматов Т.М., Пулатова Д.А., Мухамедов А.А. Диалектика генезиса и структуры экзистенциализма. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):67–75. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-67-75
6. Де Либера Ален. Средневековое мышление. Пер. с франц. Москва: Праксис; 2004.
7. Шарипов Т. Новое отношение к труду и закономерности его формирования. Ташкент: Фан; 1973.
8. Шарипов Т. Некоторые вопросы курса философии. В 2-х кн. Фергана: 1994, 1996.
9. Шарипов Т. История философии. Фергана; 1998.
10. Исмоилов М.И. Историко-методологические основания современной экологии. Монография. Ташкент: Фан; 1996.
11. Юлдашева Ф.Х. Особенности духовного обновления общества в условиях глобализации. Автореф. дисс. докт. филос. наук. Ташкент; 2019. URL: <https://uza.uz/uz/posts/yuldasheva-farida-khuzhamkulovnaning-falsafa-fanlari-doktori-24-12-2019?ysclid=mg7lkprqd950801650>
12. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. Москва: Правда; 1989.
13. Замилова Р.Р. Перманентное влияние героев и героизма. Автореф. дисс. доктора философии. Ташкент; 2017. URL: <https://inlibrary.uz/index.php/autoabstract/article/view/49246?ysclid=mg6xzfvbvi15528973>
14. Сиддигов И.Б. Взаимный синтез гносеологических и теологических воззрений средневекового исламского Востока: историко-философский анализ. Автореф. дисс. доктора филос. наук. Бухара: 2022. URL: <https://buxdu.uz/media/aftoreferat/Avtoreferat-Siddiqov.pdf?ysclid=mg6y5i2fo8915006350>
15. Ганиев Б.С. Социально-философские особенности предпринимательской деятельности на новом этапе развития. Монография. Фергана: CLASSIK; 2020 (На узб.).
16. Камбаров А. Социально-философский анализ трансформации научных и религиозных ценностей в Узбекистане. Автореф. дисс. докт. филос. наук. Андижан; 2023. URL: <https://www.interaktiv.oak.uz/avtoreferat/3a08717f01.file> (На узб.).
17. Юлдашев С.У. Трансформация общества в Узбекистане: социокультурные технологии и стратегическое программирование. Автореф. дисс. доктора филос. наук. Наманган; 2025. URL: <http://unicat.nlb.by/opac/pls/pages.list?qid=49126&siz=20&off=4420> (На узб.).
18. Асатуллоев И.А. Социально-экзистенциальная концепция Эриха Фромма. Автореф. дисс. доктора филос. наук. Бухара; 2025. URL: https://buxdu.uz/media/aftoreferat/%D0%90%D1%81%D0%B0%D1%82%D1%83%D0%BB%D0%BB%D0%BE%D0%B5%D0%B2_%D0%98-%D0%90%D0%92%D0%A2%D0%9E20.08.2025_compressed.pdf?ysclid=mg6yhtvj8986452312 (На узб.).

REFERENCES

1. Makhamatov T. M., Siddikov I. B. Neoglobalization, sovereignty and subjectivity of the state. *The age of globalization*. 2024;4(52):110–118. (In Russ.). DOI: 10.30884/vglob/2024.04.09
2. Ganiev B. S., Makhamatov T. M. The discourse on objective and subjective existence. *Philosophy and society*. 2023;3(108):51–67. (In Russ.). DOI:10.30884/jfio/2023.03.03
3. Mamatov M. A., Makhamatov T. M. Dialectics of the development of traditional values by the younger generation in the context of neoglobalization. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2023;23(6):95–104. (In Russ.). DOI: 10.37482/2687–1505-V312
4. Mamatov M. A. My father is an Uzbek, a Soviet soldier. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):154–158. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-154-158.
5. Makhamatov T. M., Pulatova D. A., Mukhamedov A. A. Dialectics of the genesis and structure of existentialism. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(2):67–75. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-67-75
6. Alain De Libera. Medieval thinking. Translated from French. Moscow: Praxis; 2004. (In Russ.).
7. Sharipov T. A new attitude to work and patterns of its formation, Tashkent: Fan; 1973. (In Russ.).
8. Sharipov T. Some questions of the philosophy course. In 2 books. Ferghana: 1994, 1996. (In Russ.).
9. Sharipov T. History of Philosophy. Fergana; 1998. (In Russ.).
10. Ismoilov M. I. Historical and methodological foundations of modern ecology. The monograph. Tashkent: Fan; 1996. (In Russ.).

11. Yuldasheva F.H. Features of the spiritual renewal of society in the context of globalization. Abstract. diss... Dr. Sci. (Philos.). Tashkent; 2019. URL: <https://uza.uz/uz/posts/yuldasheva-farida-khuzhamkulovnaning-falsafa-fanlari-doktori-24-12-2019?ysclid=mg7lkprqd950801650> (In Russ.).
12. Berdyayev N.A. Philosophy of freedom. The meaning of creativity. Moscow: Pravda; 1989. (In Russ.).
13. Zamilova R.R. The permanent influence of heroes and heroism. Abstract. diss... Dr. Sci. (Philos.). Tashkent; 2017. URL: <https://inlibrary.uz/index.php/autoabstract/article/view/49246?ysclid=mg6xzfxbvi15528973>
14. Siddikov I.B. Mutual synthesis of epistemological and theological views of the medieval Islamic East: historical and philosophical analysis. Abstract. diss... Dr. Sci. (Philos.). Bukhara: 2022. URL: <https://buxdu.uz/media/aftoreferat/Avtoreferat-Siddiqov.pdf?ysclid=mg6y5i2fo8915006350> (In Russ.).
15. Ganiev B.S. Socio-philosophical features of entrepreneurial activity at a new stage of development). The monograph. Fergana: CLASSIK; 2020 (In Uzb.).
16. Kambarov A. Socio-philosophical analysis of the transformation of scientific and religious values in Uzbekistan. Abstract. diss... Dr. Sci. (Philos.). Andijan; 2023. URL: <https://www.interaktiv.oak.uz/avtoreferat/3a08717f01.file> (In Uzb.).
17. Yuldashev S.U. Transformation of society in Uzbekistan: socio-cultural technologies and strategic programming. Abstract. diss... Dr. Sci. (Philos.). Namangan; 2025. URL: <http://unicat.nlb.by/opac/pls/pages.list?qid=49126&siz=20&off=4420> (In Uzb.).
18. Asatulloev I.A. Erich Fromm's socio-existential concept. Abstract. diss... Dr. Sci. (Philos.). Bukhara; 2025. URL: https://buxdu.uz/media/aftoreferat/%D0%90%D1%81%D0%B0%D1%82%D1%83%D0%BB%D0%BB%D0%BE%D0%B5%D0%B2_%D0%98-%D0%90%D0%92%D0%A2%D0%9E20.08.2025_compressed.pdf?ysclid=mg6yhtvjvk8986452312 (In Uzb.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Мамаджан Ахмаджанович Маматов — доктор философских наук, профессор, Ферганский государственный университет, Фергана, Республика Узбекистан

Matajan A. Mamatov — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Ferghana State University, Ferghana, Republic of Uzbekistan
<https://orcid.org/0000-0002-5604-9749>
 mmamadjan@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 21.08.2025; принята к публикации 19.09.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 21.08.2025; accepted for publication on 19.09.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ORIGINAL PAPER

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-106-113

UDC 1(091)+821.134.1(045)

Ten Years Without Manlio Sgalambro

L. Giuliadori

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article commemorates the tenth anniversary of the death of Manlio Sgalambro (1924–2014), one of the most original and radical voices of contemporary Italian thought. Philosopher, poet, aphorist, and lyricist, Sgalambro developed a lucidly pessimistic and anti-conformist worldview that challenged both academic philosophy and social conventions. His collaboration with Franco Battiato gave birth to an extraordinary fusion of philosophical reflection and musical expression, where irony and metaphysical tension coexist. The study highlights Sgalambro's aristocratic conception of thought, his critique of egalitarian mediocrity, and his defense of intellectual freedom and individuality against the mass. It also explores the dialogue between Sgalambro's nihilistic philosophy and Battiato's esoteric vision, showing how their collaboration produced a rare form of cultural syncretism that brought together Nietzschean lucidity, Cioranian pessimism, and Gurdjieffian metaphysics. The author emphasizes the continuing relevance of Sgalambro's ideas as a voice of dissent and lucidity in an age increasingly dominated by superficiality and moral conformism.

Keywords: Manlio Sgalambro; Franco Battiato; Italian philosophy; cultural syncretism; nihilism; aesthetics; esotericism; intellectual freedom

For citation: Giuliadori Lucio. Ten years without Manlio Sgalambro. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(5):106-113. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-106-113

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Десять лет без Манлио Сгаламбро

Л. Джулиодори

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена десятилетию со дня смерти Манлио Сгаламбро (1924–2014) — одной из самых оригинальных и радикальных фигур современной итальянской мысли. Философ, поэт, афорист и автор песенных текстов, Сгаламбро создал предельно ясное, пессимистическое и антиконформистское мировоззрение, бросившее вызов как академической философии, так и социальным нормам. Его сотрудничество с Франко Баттиато привело к уникальному синтезу философской рефлексии и музыкального выражения, где соединяются ирония и метафизическое напряжение. В статье подчеркивается аристократическое понимание философии у Сгаламбро, его критика эгалитарного мещанства и защита интеллектуальной свободы и индивидуальности перед лицом массы. Отдельное внимание уделено диалогу между нигилистической философией Сгаламбро и эзотерическим мировоззрением Баттиато, в результате которого возникла редкая форма культурного синкретизма, объединяющая ницшеанскую ясность, чорановский пессимизм и гюрджиевскую метафизику. Автор акцентирует современную актуальность идей Сгаламбро как голоса несогласия и ясности в эпоху поверхностности и морального конформизма.

Ключевые слова: Манлио Сгаламбро; Франко Баттиато; итальянская философия; культурный синкретизм; нигилизм; эстетика; эзотеризм; интеллектуальная свобода

Для цитирования: Giuliadori Lucio. Ten years without Manlio Sgalambro. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(5):106-113. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-106-113

INTRODUCTION

“An idea does not seem truly credible to me unless it also satisfies my senses” [1, p. 48].

Manlio Sgalambro is indeed (as stated on the back cover of *La piccola verità*): “The only true great ‘phenomenon’ in Italian philosophy in the second half of the 20th century” [2].

Maurizio Cosentino, in *Caro misantropo. Scritti e testimonianze per Manlio Sgalambro*, asserts that the Sicilian thinker was “a man who was able to make philosophy a way of life,”¹ and not only that:

“In doing so, he neither realized any ideal nor paid homage to any transcendent, metaphysical, or religious value. He was simply and profoundly himself, identical to his thought [...].

Sgalambro was a *unicum*. His philosophizing does not require filters or archetypes. This uniqueness of his must be considered and evaluated both within the history of philosophy, with which he engaged, and beyond the same history of philosophy, to which he already belonged, perhaps without realizing it and maybe even without wanting it. It may also be necessary to take into due account the philosophical trends (common sense or mediocrity) that he saw equally spreading and disguising themselves, pompous and self-assured, under the guise of an ‘aligned’ philosophy that leads an instrumental life, serving the species.”²

Indeed, the philosopher himself, in *La morte del sole*, states:

“Philosophers align themselves. It will suffice to have one more idea than another. The rest is craftsmanship. Ugly and shapeless, today’s philosophies lead an instrumental life. They fulfill subordinate tasks; they serve the species” [3, p. 13–14].

And further:

“Between one philosophy and another, there is no real connection; the links that history finds between them are like the chains that bind a prisoner, but his spirit is far away. The transition from one to another, which the historian executes with a snap of the fingers, is nothing but the illusion of movement that he himself projects onto it. It is he who moves, busy and zealous. Every philosophy stands alone.”³

La morte del sole is Sgalambro’s very first book, published in 1982 by the far-sighted Adelphi publishing house. On the book’s dust jacket, we read:

“In this book, a philosopher speaks whose school of thought will remain unknown to us until the very end.

But we immediately perceive his tone: it is a thought that offers us its style even before its concepts.”⁴

PHILOSOPHY AS POETRY AND SENSITIVITY

Calasso immediately recognized the quality of a thinker whose elegant perspective placed him beyond any possible classification.⁵

It is the perspective of one who has absorbed the collapse of philosophical thought and has seen the 20th century vanish silently from his shoulders, bidding farewell through syllogisms of bitterness and ‘pats on the soul’.

Philosophy is teetering on the edge of an abyss, Sgalambro whispers while shouting. And he reprimands us with the most deafening sincerity, that of one who has always been beyond philosophy, while nonetheless plunging fully into it. From the blessed island of the non-academic world, the Sicilian thinker can assert:

“The fragility of a philosophy is inversely proportional to the weight it can bear. Transparent, even spectral, can be those philosophies that take on death or being head-on. Meanwhile, a philosophy that struggles to grasp the creak of a door slowly opening, or the sound of a footstep in the night, makes superhuman efforts. These themes have the structure of a hair; they belong to the world of the small. One must take them in hand and bring them close to the eye to see them, and to the ear to hear them” [4, p. 76].

His attention often shifts to those four-dimensional gaps, as Florensky would call them, through which one can glimpse reality. It is there, precisely there, that reality unfurls in its full macrocosmic entirety.⁶ And it is in

⁴ Ibidem.

⁵ Also, and above all, an academic interpretation from which he remained rigorously distant throughout his life, as the profoundly free man and thinker that he was: “Precisely because of this, because of this elusiveness, Sgalambro’s works, it can be said, did not find the approval of the ‘right-thinking’ culture (culture in the very sense in which he understood it!) nor did they gain access to the academy.” M. Cosentino, op. cit., p. 56.

⁶ The Russian philosopher had a daily and privileged relationship with mystery. He speaks of it in the poignant letters written from the gulag to his children, where he recounts how, during his childhood, he saw wonders and mysteries at every corner of reality: simple pierced stones were, for him, an irresistible invitation to journey: “In them, I intuited the forces of primordial darkness from which every being was born, and what I desired was to penetrate them and settle within. [...] How I felt them respond to my childish thoughts, and how I recognized in those ‘gods’ my mysterious stones.” P. Florenskij, *Ai miei figli*, edited by N. Valentini, Milano: Mondadori; 2003, p. 81. And again, in another letter: “Determining were the searches for those places where the heartbeat of the world was perceived more clearly, where the otherworldly voices of nature spoke more distinctly. [...] My attention, however, was irresistibly fixed on everything that revealed an evident proto-phenomenality. The unusual, the unseen, the strange in terms of forms, colors, smells, and sounds, everything that was very large or very small, that was distant, that violated the closed boundaries of the ordinary, that broke into the already seen, was a magnet — not, I would say, for my mind, as it was something deeper, but for my entire being.” Ivi, p. 207.

¹ M. Cosentino, op. cit. p. 52.

² Ibidem.

³ Ivi, p. 17.

such moments that philosophy becomes poetry, for it no longer requires understanding, explanation, or even being “fitted” into dialectical, theoretical, or analytical frameworks. Sensitivity and the disenchantment of the perceiver take over. Just as in the famous *A Season in Hell*:

“I became accustomed to simple hallucination: I could see, very clearly, a mosque in place of a workshop, a school of drums run by angels, carriages in the streets of the sky, a salon at the bottom of a lake; monsters, mysteries; a vaudeville title evoked terrors before me.

Then I explained my magical sophisms through the hallucination of words!

I ended up finding sacred the disorder of my mind” [5, p. 59].

PARALLELE PERSPECTIVES: GURDJIEFF AND SGALAMBRO

The knowledge unfurling from such noumenal gaps was, in fact, inexpressible — and inexpressibility is a trait common to all traditional philosophies, a hallmark of esotericism itself. On this matter, Gurdjieff notes:

“Pure knowledge can be transmitted; but, being expressed in symbols, it is veiled by them. For those who wish to see it, and know how to look, the veil becomes transparent.”⁷

What, then, is the task of philosophy?

“To illuminate the head of a pin. Not the grand systems, the ambition of the great and perverse 20th-century philosophies that sought to produce a complete *Weltanschauung*. I believe that we must now proceed differently, that we must wander at random.”⁸

Without the horse, in fact, letting go of the reins.

It is interesting to observe how Battiato feels at ease between the philosophy of a masterful, strict, and impeccable coachman (Gurdjieff) and that of a coachman who delights in the complete absence of horses, directions, or *philosophies*.

“What do I care about philosophy? What matters to me is what lies beyond” [6, p. 54].

“Today, philosophizing no longer has the possibility of following a straight, perfect, precise line; otherwise, it becomes geo-metry — and there are no geometric philosophies now. This early part of the 21st century has no philosophies or only purely academic ones. Thus, all that remains is to accentuate whimsy, to emphasize

variation, and to refer back to the Joycean epiphany. I engaged in a sort of small duel with this other type of philosophizing, favoring non-sense, non-meaning. It is as if, suddenly, the horse had broken free, lost its reins — deliberately — and galloped about, seeking to enter and exit here and there... A ‘freed’ thought.”⁹

For Gurdjieff, it was essential that the master made his voice heard by the horse; for him, a horse without reins was equivalent to a man not only asleep but lost in the depths of his dark unawareness. For Sgalambro, however, deliberately losing the reins is desirable.¹⁰ It is likely that the philosopher had Gurdjieff’s metaphor in mind when he uttered these words.¹¹ And why? Because, as noted in the introduction, the goal is not to seek the system or the truth; rather, it is to avoid them in favour of a gain that finds its champion in freedom of expression and contradiction, cultivating attitudes aimed at safeguarding the individual. For the initiate, philosophy is not academic or systematic but chamber music.

AN ARISTOCRATIC PHILOSOPHY: THE INITIATE AND THE MASSES

“A philosophical work must remain an enigma for the masses and be like chamber music for the initiate” [7, p. 106].

The term “initiate” is particularly interesting here, as it fully connects the three great figures in question. Clearly, the philosopher attributes an intellectual meaning to the term but also, *in some way*, an esoteric one: thought is for the few, as Sgalambro reiterates throughout his work — or rather, for the very few, as Nietzsche would say. And these very few must be absolutely safeguarded.

As for everyone else, we refer to *La torre*, where Battiato “cast down the poorly made ones”: salvation is, in fact, for “the well-made ones”, at the expense of the many, of the rest of the masses, who can (and must) make way.

“I used to say that, for Baudelaire to exist, many had to disappear. I believe that, in matters of the spirit, *status belli* is the normal state” [8, p. 54].

⁹ M. Assalto op. cit. He refers again to geometry in *Del delitto*, asserting: “(She had veneration for the spirit. She couldn’t understand, she said, how the laws of geometry were so revered while the laws of the spirit were continuously debated. With the former, I replied, buildings are constructed; with the latter, systems. Few of us know that only the latter are eternal.)” M. Sgalambro, *Del delitto*, Milano: Adelphi; 2009, p. 120.

¹⁰ Of course, even though the same images of the horse and the reins are used, the approach is clearly entirely different. For Gurdjieff, it rests on an essentially psychological plane and pertains to techniques of inner transformation that also include the use of the body. For Sgalambro, the issue relates exclusively to the noetic sphere, and the disorder he longs for is, in reality, an act of mockery directed at all those systematic, moral, or “merely religious” philosophies that, by keeping the horse in check, ultimately lull the mind itself to sleep, stifling the freedom of thought and the freedom to contradict that thought.

¹¹ Or perhaps the Myth of the Winged Chariot by Plato.

⁷ P.D. Ouspensky, *Frammenti di un insegnamento sconosciuto*, op. cit., p. 315. “Realizing the imperfection and weakness of ordinary language, men who possessed objective knowledge sought to express the idea of unity in the form of ‘myths,’ ‘symbols,’ and specific ‘aphorisms,’ which, transmitted without alteration, have passed this idea from one school to another, often from one era to another.” Ivi, p. 310.

⁸ M. Assalto, op. cit.

On this quasi-martial hierarchy, which imprints Sgalambro's *Weltanschauung*, Professor Carlo Sini remarked in an interview:

"Sgalambro is a fine example of non-academic philosophy, as Santayana would have liked — of a nobleman, so to speak, who took tradition and read it aristocratically. This, of course, is another concept for which one gets flayed alive... No, instead, philosophy is aristocratic in the highest sense of the word, meaning it is for great souls [...]. Sgalambro was like that. He certainly started from an ethical vision of life and the world, not from philosophical science. He started from the lived experience of his time, which he read as predominantly pessimistic, predominantly bitter, with good reason. Yet, through philosophy, he drew the conviction that a scale of values needed to be reconstituted. This goes against what we mostly think today — I don't, I agree. It must be said very clearly: philosophy is not for everyone. There is no reason it should be" [9].

THE CRITIQUE OF EQUALITY

Indeed, as Nietzsche already insisted, "those who have no wings must not try to soar above the abysses". The German philosopher is also cited in *De mundo pessimo*, where Sgalambro ruthlessly hammers away at and crushes the concept of equality.

But the sound of footsteps can echo the entirety of the universe.

"To the words, 'Humanity must constantly strive to produce singularly great individuals: this, and no other, is its task,' follows the counterpoint: 'In what way does your life, the life of the individual, achieve the highest value, the deepest meaning? In what way is it less squandered? Certainly, only if you live for the benefit of the rarest and most precious specimens, and not, therefore, for the benefit of the majority — those specimens which, individually, are the least valuable" [10, p. 29; 11].

And again, this time quoting Simmel, he laments the fact that today there are no longer 'remarkable men':

"There is, rather, a blindness to what Simmel, in his *Soziologie*, calls 'importance', and which, through a cumbersome process, he defines as "the lack of a sense of the differences in importance among men". Meanwhile, there abounds a disgusting sense of their 'equality', exalted to the point of absurdity. What we perceive from the outset is, for the most part, a pronounced lack of distinctions" [10, p. 29; 11].

The philosopher continues with words that recall the famous painting *Égalité devant la mort* (Equality before Death, 1848) by William-Adolphe Bouguereau: "A vile notion makes death the great equalizer. The death of anyone, brandished before our eyes like a whip, is the

typical judgment of someone barely possessing a name, and even then, only in the way objects do" [10, p. 29; 11].

A MATTER OF STYLE: ELEGANCE AND PROVOCATION

Beyond Simmel, Nietzsche, Schopenhauer, and Cioran are the thinkers that resonate most through Sgalambro's writings. However, a distinction must be made here. Unlike the first three, the Romanian philosopher — who saw death as 'the only state of perfection accessible to a mortal' — is curiously cited very little, despite his style and cold, lucid visionariness continuously echoing through Sgalambro's invectives. The kinship, on the plane of sensitivity even before the intellect, is often blatantly and magnificently overflowing. This, moreover — yet another reason — places the Sicilian philosopher among the greatest of contemporary philosophical thought, great precisely because they are as much builders of that thought as they are destroyers of it: in a word, untimely.

Sgalambro, whom Antonio Carulli describes as "a disembodied intellect that crushes notions and castigates the world" [11, p. 64], continuously references Hegel, Kant, and Spinoza, systematic philosophers par excellence, despite being anything but systematic himself.¹² Like Nietzsche, he 'avoids systematic thinkers on the road', yet, unlike the German philosopher, he does not 'mistrust' them, given his ongoing and relentless engagement with their work.

In terms of style, elegance, poetry, incisiveness, drastic, lucid, disorienting, and marvelous humor, and visionariness, Sgalambro is certainly closer to Nietzsche, Schopenhauer, and Cioran. Yet it is precisely this that makes him a philosopher beyond any classification, a solitary philosopher in the highest sense of the term, a *unicum*, as previously noted, who feels at ease between Hegel and Nietzsche, between an unyielding atheism — 'God is the completely here' — and the mystical and esoteric impulses of Battiato, between the treatises of Western philosophical speculation and the *divertissement* of Italian television, stages, concerts, pop music, and *Me gustas tú* — albeit "me gusta Baudelaire."¹³

¹² On this "blatant" asystematicity of Sgalambro, I refer once again to the intriguing contribution by Cosentino, who, in his insightful and previously mentioned work *Manlio Sgalambro: Weltanschauung, esprit systématique e storia della filosofia*, offers an original and countercurrent reflection, strongly questioning Sgalambro's allegedly asystematic spirit.

¹³ However, as Cosentino rightly points out: "Attempting or wanting to read, present, and understand Sgalambro through Nietzsche, Cioran, Schopenhauer, Leopardi, or other authors he cited or often referenced is among the most inappropriate things one can do in regard to this autonomous, original, and free philosopher. Those who take this approach, and those who, like some prominent names within the small and modest horizon of contemporary Italian philosophy, wrote

His cold, lucid, and drastic invectives against reality, humanity, and others are nothing more than elegant exercises in misanthropy, in disdain for the overly cherished concepts of good, virtuous, and just.¹⁴

As the keen scholar Donato Novellini states:

“It is worth emphasizing Sgalambro’s absolute originality, compared to his contemporaries and successors, in addressing post-Nietzschean nihilism. Here, as a paradoxical *trait d’union* capable of linking the indolent fatalism of an isolated islander to the beautiful yellow covers (in the same shade as those of Schopenhauer and Cioran) of Adelphi’s *Piccola Biblioteca*, lies the precious ‘devil’s flour’, the philosopher’s bran. The residue of an uninterrupted intellectual grinding: the great style of a whirling blade meticulously shattering concepts, systems, and frameworks. All the work of a sophist, nobly dedicated to a trifle, to the spiral of a cigarette’s smoke. [...]”

Then comes the irrational plunge, a reckless leap from a postcard cliff into the direction of apnea. For if nothing makes sense anymore, it seems pointless to fuss over the depth of the abyss” [12].

It is precisely in this experience of ontological apnea — which again recalls Cioran’s words, ‘every river has the color of drowning’ — that Sgalambro’s sacrilegious treasure chest takes form and shape. It is made of integral defiance, perpetual provocation, and politically incorrect challenges. Among these, his union with music itself — long before his collaboration with Battiato — fits splendidly: ‘Light music is man’s laughter in the face of God, a mockery of that destiny that ensnares everything. [...] “While He [God] crushes us properly, we sing in His face” [12].

And this is because, as Stefano Sacchetti rightly asserts, Sgalambro is:

“Cynical, sarcastic, elusive to externally imposed definitions, his answers were darts aimed at overly confident consciences. He assumed the role of

dismantling false consciousness without its even realizing it. Life itself did not bother him, but the deafening and constant sound of a conformist idealism which, in his view, debased the very act of thinking. Manlio Sgalambro traversed art in various forms and expressed a thought that, like an asteroid, flew over the vitality of those forms only to store it in an eternal now” [13].

The Sicilian philosopher is “a thinker as hard and brilliant as a diamond, who looks truth in the face without deceit or calculation, expecting nothing and having nothing to lose, because everything is already lost” [14, p. 17]. Sgalambro is too free even to be free: “I don’t love free spirits as much as those who are bound, says Anatol’. The ‘free’ man bores him” [6, p. 11].

POP PHILOSOPHY

It is unnecessary to say that, just like Battiato, Sgalambro also offered himself to journalists with the same aristocratic, detached, ruthless, and amused attitude, skewering the poor questioners with his ‘answers’. Bewildered, humiliated, and castigated, they were drowned in a cascade of nihilism, marked by coldness, contradiction, and the destruction of every certainty, every presumed objective value, every good, and any sense of righteousness — least of all social justice.

As Novellini observes:

“How delightful to play with the puppets of TV, isn’t it, Mr. Sgalambro? Provided one knows how to twirl in the playful, the Dionysian, in drunken pirouettes and high falconry. So, it was that the gruff, rough, and misanthropic philosopher became, at the end of the 1990s, a curious media presence; like a ripe pomegranate, stern in its arcane seeds, a situationist by exhausted fatalism, amused in answering the foolish questions of the public, the plebe that he had always detested as an indistinct humanoid mass suffocating individual freedoms. Those same applauding people laughed at his exhibited old age on stage; he, instead, laughed with a sneer at their uniform naivety. The naivety of every audience, after all. Because there was nothing more to say, except for the allegory, the outrage of the yellow Adelphi given to the masses like a brioche, for a cabaret endured on his wrinkled skin; that ancestral tragedy, so intimate to the Sicilian, at the cost of appearing ridiculous, became the elegant mockery of a cynic. [...] Sgalambro’s was the aristocracy of a reactionary moralist, all the wisdom of a skeptic of the heterodox lineage, distilled in pessimism and amusement, the art of the Human, All Too Human, in the absence of men” [12].

This art was crystallized by the philosopher in his debut as a singer with his album *Fun Club* [15] — the club of amusement, where his deeply serious philosophical framework crashed from the heavens onto the earth

in national newspapers to commemorate him immediately after his death, have attempted to say something about his philosophy by reducing and downgrading him to a mere epigone of Leopardi or, for instance, by trying to interpret the meaning of the term *pietas* (to which Sgalambro opposes impiety), have barely known him and, if read, understood him even less. These individuals have sought, or still seek, to meddle with the purity of Sgalambro’s philosophizing by introducing names and titles. In such cases, the need to classify prevails over the desire to understand, and the urge to write the history of philosophy or attempt theorization between history and aesthetics overshadows that of authentic philosophizing.” M. Cosentino, *op. cit.*, p. 52.

¹⁴ “Destroy, create, reconsider. A vortex, a flow of lava hurls and invades the categories of political philosophy commonly considered as the ‘I,’ the ‘Other,’ ‘Society,’ ‘Community.’” S. Sacchetti, *Costruire per distruggere*, Manlio Sgalambro, l’ultimo chierico: ritratto di un anti-intellettuale, February 4, 2019. URL: <https://www.barbadillo.it/80418-cultura-costruire-per-distruggere-manlio-sgalambro-lultimo-chierico-ritratto-di-un-anti-intellettuale/>

of pop, of *Me Gustas Tú* (brilliantly interpreted), of the surreal juxtaposition between encyclopedic gravity, the severity of knowledge, the collapse of the 20th century (all imprinted in his heavy gaze, all transparent in his beautifully wrinkled, wise face — more sapiential than merely learned), and the lightness of that pop music that is a slap to God, the *completely this*, as he splendidly defines it in *Del pensare breve*, mocking the theologians of the *wholly other*.¹⁵

CONTRADDICTION AND FREEDOM

Yet, through the tank of his work, Sgalambro does not mock merely one category of society but society itself, with disdain at its root:

“Society holds your hand. It forces you to have relationships. It keeps relationships ready like traps in which you will surely fall (friendship, love...). It sustains itself, in short, and squeezes the blood out of you, only to toss you aside, an empty shell. Throw it away first” [10, p. 154].

His is an invitation to ruthlessness, to cruelty toward the external world of goodness and justice, wrapped in its viral conformist moralism. It is an invitation to become a *cursed philosopher*¹⁶:

“When Socrates drank hemlock, and Bruno and Vanini burned at the stake, philosophy was doing well. Yes, I think we can affirm this. Truth stood at its edges, brushed by poisons and flames, and the philosopher drew singular courage from it, perhaps his very virtue. In any case, it showed that philosophy was not only believed in by philosophers — the laughable situation today. Philosophers must become dangerous again, then. Exiled, on the run, outlawed, persecuted? That would be their best destiny, at least for the discipline. Whereas today, the very ‘criminal’ essence of philosophy is not even a memory” [10, p. 99].

What erupts and overflows here is a disruptive intellectual freedom, an absolute rarity in today’s world, where beliefs and values — especially moral ones — are imposed by a singular, dogmatic, and politically dismal “correctness.” This correctness operates within its two or three pitiful ethical boundaries, constantly driving its stakes into society’s flesh, piercing it.

Yet it is by transcending that pierced society that one pierces it in return — and this is precisely what Master Sgalambro teaches us. However, transcending it does not mean fleeing from it; on the contrary, it means

confronting it from the heights of an elitism alien to it and, by virtue of that elitism, mocking its intentions openly, in the manner of the Futurists, through constant derision of its value system. And it is with the razor-sharp sword of contradiction that the warrior Sgalambro achieves his salvation — the most important one, the only one that matters.

There is no such thing as a “good” thought, nor a “unified” thought (what a dreadful name!), as contemporary inquisitors would have us believe from the heights of their ideological pens. Instead, there is and always will be the freedom to think, of which syncretism is merely a framework.

“I do not care to whom a thought belongs, only about its truth or, if preferred, its conformity with my own. In such cases, I appropriate it as if it were mine. However much I search within my being, I find no moral idea; I deduce that it is a reflective idea and requires at least one other to exist” [1, p. 18].

THE OTHER AS THE HERD’S PERSPECTIVE

But it is precisely the “other” that Sgalambro despises and rejects in its ontological presupposition: the other as a representative of the herd.

“My conception of the other, whoever they may be, is that of an obstacle to my lucidity. (I am someone who has no neighbour). In some respects, I feel like a god; therefore, their mere presence humiliates me. Through the other, I see myself as they do: this outrages me. [...] I have not yet reached the point of distinguishing a human being from a thing. [...] (I confirm that the best relationships are with strangers. They run smoothly and amuse. Even when they die, they bring us no pain. ‘Oh, they’re dead,’ one thinks, and moves on.)” [15, p. 24; 5].

Unamuno seems to echo this when he says: “If my neighbour were another me, why should I love them? One self is enough for me, if it is not already too much” [16, p. 106].

In essence, the other is a limitation to freedom:

“I believe that anyone who thinks must so thoroughly forget the idea of an interlocutor that they can sincerely exclude having one. What Descartes thought necessary to do preliminarily — disregard every opinion and received knowledge — I believe must be done with every interlocutor. I assume, that is, that I have none; that philosophizing, I mean, has none. This, if held as true and believed to the extent that one has absolute indifference toward every possible being, generates in the philosopher such ‘freedom’ that they can genuinely claim to have neither limits nor conditions. Indeed, I believe that the limits to knowledge arise from the existence of the other or rather, from taking them into account” [1, p. 16].

¹⁵ “To the theologians of the Wholly Other: God is the Wholly This.” M. Sgalambro, *Del pensare breve*, Adelphi, Milan, 1991, p. 124.

¹⁶ A cursed philosopher, “inspired by a saturnine and hopeless philosophy that scorns men and things, seeking only ‘a perfect thought, shining like a diamond, that follows its laws of cutting.’ Indeed, as Sgalambro says, it is always the worst philosophies that claim to improve the world.” R. Damiani, *op. cit.*, p. 18.

The “other,” as a base, despicable, dangerous being — an obstacle and limitation to the philosopher’s freedom — is carefully “manufactured” in a specific institution: the school.

“Of course, this assumes that the school’s true task is to educate and teach, that is, what it appears to do. Instead, producing mediocre and malformed individuals — which is what it actually does — is exactly what it must do. Individuals capable of keeping the system running. Strong consciences, outstanding individuals, ‘geniuses’ (who could overturn everything with just *Plutarch’s Lives*) would indeed jeopardize the common sense of life and pose a direct threat to self-preservation. The school must therefore lower intelligence and teach, as it does, how to stick together. [...] By its very nature, it must create a sense of aversion toward what it teaches at the very moment it teaches it. [...] The destruction of every concept of truth is instead its mission; boredom with beauty is what it must absolutely instill, lest the dangers this could bring for entire generations arise. A strong sense of beauty and truth would derail those unfortunate enough to be captivated by them” [10, p. 107–108].

CRITIQUE OF SOCIETY AND POLITICS

Sgalambro’s critique of society is, of course, also a critique of politics:

“Today, only politics truly confronts the disappointing picture of life, stoking hopes that even the most squalid religions would be ashamed of. The agitation of a society is most evident during the frenzy of electing its political representatives. At that moment, the madness of illusion reaches its peak” [4, p. 113].

And again, in *L’illusion comique*: “For politics, that 120-kilo pig and I would be the same” [17, p. 9].

But it is in the brilliant and “most incorrect” *Dell’indifferenza in materia di società* that the philosopher unleashes his most violent attacks and expresses his utter disdain for the carcass of politics and society:

“Man is dangerous because he exists. From a metaphysical, that is, ontological, point of view, I am an outlaw. [...] To be honest, I consider myself outside humanity” [8, p. 67].

Cioran’s echo remains steady and ever-present: “The spermatozoon, the bandit in its purest form.”

Sgalambro’s frontal attack on the world is relentless, hammering away and causing accidents, fires, and metaphysical massacres at every turn:

“Social injustice has always seemed to me a successful injustice. I derive my notion of justice from this consideration: the world must not exist. That it has no other root seems evident to me. The world must not

exist: in this, I see the principle of ethics and all true justice. [...] Evil seems perfect to me — or what is called such (in agreement with Leibniz, I would connect social evil, along with physical evil, to metaphysical evil) — it seems it should not be tampered with. [...] No, justice does not interest me at all. To a naturally metaphysical soul, the appeal of justice seems ridiculous and vain” [4, p. 56].

SGALAMBRO’S HELL

Sgalambro is a cursed philosopher, and while Rimbaud stayed in hell for only a season, he wishes to remain there eternally because “truths must be constantly changed”:

“What does it matter to believe in God,’ I whispered to her, ‘believe in Saint Thomas... (Saint Thomas, the most skilled mechanic...)”

I introduced her to a passion for hell. There is no better exercise for entering the spirituality of the strong. I made her experience hell through these words of Gregory the Great: “The soul feels the fire simply because it sees it; and it burns because it watches itself burn” (*Dialogues*, IV, 29, 417). She told me she felt the flames licking her, felt herself burning, already enveloped by them... But, contrary to the common theologians’ deceit, she wished to remain there. It seemed we had discovered together a startling theological truth: the soul that goes to hell wishes to stay there.

She now seemed prepared for these reversals and increasingly participated, drawn to them. ‘Truths must be constantly changed,’ she dared to say.”¹⁷

As Nietzsche said, “In paradise, all the interesting people are missing,” and for cursed masters like Sgalambro, up there or down below, they will undoubtedly

¹⁷ M. Sgalambro, *Del delitto*, op. cit., p. 139. Charles Baudelaire, of whom Sgalambro was a great admirer — he even references him in his reinterpretation of the song *Me gustas tú* (from his album *Fun Club*) — would gladly go to hell for just a moment of beauty and hatred, under the banner of the triumph of contradiction: “The first figure I saw in the street was a glazier, and his piercing, discordant cry reached me through the filthy and heavy Parisian atmosphere. For that matter, it would be impossible for me to say why I was seized by a sudden and despotic hatred for that poor man. [...] At last, he appeared: I set about curiously examining all his glass panes and said to him, ‘What! You don’t have any colored glass? Pink, red, blue glass! Magnetic glass! Paradise glass! You are indecent! You dare to wander through a poor neighborhood without even carrying glass that makes life appear beautiful!’ And I briskly pushed him toward the stairs, where he stumbled, protesting. I approached the balcony and grabbed a small flower vase. When the man reappeared, exiting through the door below, I let my war machine drop perpendicularly onto the rear edge of his basket. Struck by the blow, he fell, crushing beneath his back the miserable wealth of his trade — a crash as resounding as a crystal castle shattered by lightning. Drunk with my madness, I furiously yelled at him: ‘Life in beauty! Life in beauty!’ These neurotic amusements are not without risks, and one may pay dearly for them. But what does the eternity of damnation matter to someone who has found in a single second the infinity of pleasure?” C. Baudelaire, *Lo spleen di Parigi*, edited by G. Montesano, Milano: Mondadori; 1992, p. 31.

have built another, more fitting dimension — a higher dwelling for free, aristocratic, elitist, and thoroughly politically incorrect spirits, lucid analyzers of worlds and powerful creators of universes.

“I would sweep away the concepts of good and evil, which from my point of view are of no help in finding oneself.

The form of hermitism I have in mind is that of one who isolates not to save the soul but to scatter it to the wind. Thus, various forms of hermitic life are born. I seek a trace of isolation that allows me to answer the mysterious questions dwelling within me. For the men of the future, I occasionally dream of a kind of dehumanism” [18, p. 29].

REFERENCES

1. Sgalambro M. Dialogo teologico, Milano: Adelphi; 1993.
2. Trovato P., Carulli A., Necchi P., Cornejo M.P. La piccola verità, Quattro saggi su Manlio Sgalambro, Sesto San Giovanni: Mimesis; 2019.
3. Sgalambro M. La morte del sole, Milano: Adelphi; 1996.
4. Sgalambro M. La conoscenza del peggio, Milano: Adelphi; 2007.
5. Rimbaud A. Una stagione all’inferno, a cura di G.A. Bertozzi, Roma: Newton; 1995.
6. Sgalambro M. Anatol, Milano: Adelphi; 1990.
7. Sgalambro M. Del pensare breve, Milano: Adelphi; 1991.
8. Sgalambro M. Dell’indifferenza in materia di società, Milano: Adelphi; 1994.
9. Sini C. Manlio Sgalambro. Una filosofia aristocratica. Retrieved September. 2004. URL: <https://www.raicultura.it/filosofia/articoli/2020/06/Carlo-Sini-Manlio-Sgalambro—d62fd905–53e6–476d-b98b-2735e05778c8.html>
10. Sgalambro M. De mundo pessimo, Milano: Adelphi; 2004.
11. Carulli A. L’enigma della commissione. 2017. URL: <https://www.alessiocantarella.it/2017-04-19-l-enigma-della-commissione/>
12. Novellini D. Manlio Sgalambro, dell’Umano al tempo dell’assenza degli uomini. 2018. URL: <https://www.barbadillo.it/76365-artefatti-manlio-sgalambro-dellumano-al-tempo-dellassenza-degli-uomini/>
13. Sacchetti S. Costruire per distruggere, Manlio Sgalambro, l’ultimo chierico: ritratto di un anti-intellettuale. 2019. URL: <https://www.barbadillo.it/80418-cultura-costruire-per-distruggere-manlio-sgalambro-lultimo-chierico-ritratto-di-un-anti-intellettuale/>
14. Damiani R. È la morte del sole, in Caro Misanthropo. Scritti e testimonianze per Manlio Sgalambro, a cura di Antonio Carulli e Francesco Iannello, Napoli: La scuola di Pitagora; 2015. p. 17.
15. Sgalambro M. Fun club. Sony; 2001.
16. De Unamuno M., Commento alla vita di Don Chisciotte, tr. it. di c. Candida, Milano: Tea; 1988.
17. Sgalambro M. L’illusion comique, Catania: Le farfalle; 2013.
18. Sgalambro M. Variazioni e capricci morali, Bompiani, Milano 2013.

ABOUT THE AUTHOR / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Lucio Giuliodori — Cand. Sci. (Philosophical), Assoc. Prof., Faculty of Foreign Languages, Institute of Agrarian Technology, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation
Лусио Джулиодори — кандидат философских наук, факультет иностранных языков, аграрно-технологический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация
<https://orcid.org/0000-0003-0780-5664>
luciojuliodori@gmail.com

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The article was received 22.03.2025; accepted for publication 15.09.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Статья поступила 22.03.2025; принята к публикации 15.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Политическая культура молодых граждан РФ через призму участия в электоральных процессах

Д.А. Ежов, М.А. Гусаченко, С.В. Савельев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию политической культуры молодых россиян через призму их участия в ротационных кампаниях. Затрагиваются понятия «политическая культура», «электоральные процессы», «гражданская ответственность», «коллективное мнение». Актуальность данной исследовательской тематики находит свое выражение в высокой степени важности изучения ценностно-категориального аппарата лиц возрастной категории, только получающей избирательный голос и входящей в статус единицы электората, т.е. гражданина, способного изъявлять собственную политическую волю для ретранслирования индивидуальных запросов и осуществления влияния на политический и социально-экономический курс страны. Объектная сфера представляется в изучении феномена политической культуры молодых граждан Российской Федерации, предметная — рассмотрении акта участия в мероприятиях политического толка как компонента детерминации политической культуры. Поставленная цель заявляется в выявлении особенностей политической культуры россиян конкретной социальной категории в плоскости их участия в электоральных процессах и акцентуации факторов, оказывающих давление на уровень политической активности и отношение к выборным циклам. Среди задач авторы выделили обзор и последующий анализ концептуальных дефиниций, связанных с электоральными процессами, а также политической культурой, установление взаимосвязей и предикторов отношения к культуре участия (таких, как доверие к институтам власти, роль цифровых технологий, а также историко-культурные особенности российской политической социализации) и проведение социологического опроса для обобщения электоральных тенденций в среде молодых граждан. Методологическим ядром работы является политико-культурный подход, используемый метод — опрос в форме анкетирования. На основе опроса, проведенного среди студентов и старшекурсников Москвы (выборка: 131 респондент), были выявлены определенные тенденции в отношении молодежи к выборам, происходящим на разных уровнях. Результаты показывают, что, несмотря на высокий уровень декларируемой готовности участвовать в выборах, сохраняется значительный процент культуры неучастия, связанный с низкой информированностью о политических событиях внутри страны, наличии кандидатур, механизмах работы государственного аппарата и недоверием к политическим партиям. Результаты исследования можно использовать для повышения гражданской активности. Собранные данные и разработанные рекомендации помогут политикам и общественным организациям привлекать больше людей к участию в политической жизни.

Ключевые слова: политическая культура; молодежь; электоральные процессы; гражданская активность; политическая социализация; политические партии; президентские выборы; региональные выборы

Для цитирования: Ежов Д.А., Гусаченко М.А., Савельев С.В. Политическая культура молодых граждан РФ через призму участия в электоральных процессах. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(5):114-122. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-114-122

The Political Culture of Young Citizens of the Russian Federation Through the Lens of Participation in Electoral Processes

D.A. Ezhov, M.A. Gusachenko, S.V. Savelyev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the political culture of young Russians through the prism of their participation in rotational campaigns, during which the concepts of “political culture”, “electoral processes”, “civic responsibility”, “collective opinion” are touched upon. The relevance of this research topic is reflected in the high degree of importance

of studying the value-categorical apparatus of people of the age category who only receive an electoral vote and enter the status of a unit of the electorate, that is, a citizen who is able to express his own political will to relay individual requests and influence the political and socio-economic course of the country. The object is represented in the study of the phenomenon of political culture of young citizens of the Russian Federation, the subject area is the consideration of the act of participation in political events as a component of the determination of political culture. The goal is to identify the features of the political culture of Russians in a particular social category in terms of their participation in electoral processes and to emphasize the factors that exert pressure on the level of political activity and attitudes towards election cycles. Among the tasks, the authors highlighted a review and subsequent analysis of conceptual definitions related to electoral processes, as well as political culture, the establishment of relationships and predictors of attitudes towards a culture of participation (such as trust in government institutions, the role of digital technologies, as well as historical and cultural features of Russian political socialization) and conducting a sociological survey to summarize electoral trends among young citizens. The methodological core of the work is a political and cultural approach, the method used is a survey in the form of a questionnaire. Based on a survey conducted among students and high school students in Moscow (sample: 131 respondents), certain trends have been identified in the attitude of young people towards elections taking place at different levels. The results show that, despite the high level of declared willingness to participate in elections, a significant percentage of the culture of non-participation remains, associated with low awareness of political events within the country, the availability of candidates, the mechanisms of the state apparatus and distrust of political parties. The practical significance is interpreted through the possibility of using the data collected during the research and the recommendations formulated by various political and social actors in order to attract more citizens to participate in political events.

Keywords: political culture; youth; electoral processes; civic engagement; political socialization; political parties; presidential elections; regional elections

For citation: Ezhov D.A., Gusachenko M.A., Savelyev S.V. The political culture of young citizens of the Russian Federation through the lens of participation in electoral processes. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(5):114-122. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-114-122

ВВЕДЕНИЕ

В современных реалиях актуальность изучения политической культуры представителей молодого поколения обусловлена необходимостью осознания ценностно-категориального аппарата и установок граждан, которые дают представление об их отношении к публичным лицам власти, государству и политико-общественным тенденциям.

Исследование данной проблематики отражает основные аспекты гражданского общества, указывая на динамику его формирования, уязвимости и преимущества в конкретной изучаемой стране. В глобализированном мире подходы к политической культуре рассматривают этот вопрос с разных позиций, адаптируясь под определенный тип социума.

В связи с этим представляется актуальным изучение национальной специфики и типологии политических культур, эволюционных особенностей и факторов, оказывающих существенное влияние на коллективную и индивидуальную перцепцию вопросов участия в принятии государственно важных решений.

Объект исследования — политическая культура молодых граждан Российской Федерации. Предмет исследования — участие молодежи в электоральных процессах как фактор формирования политической культуры. Цель работы — выявление особенностей политической культуры молодых россиян в контексте их участия в электоральных процессах.

Методологическая основа исследования базируется на политико-культурном подходе. Основной метод — проведение опроса в форме анкетирования. В качестве эмпирической базы исследования была использована выборка из 131 респондента, сформированная на основе определенных критериев отбора.

Выдвигаемая гипотеза заключается в предположении о том, что молодые граждане России проявляют большую заинтересованность в участии в персонифицированных выборах (таких как выборы президента или губернатора), чем во внесении вклада в результат ротационных процессов коллективных органов государственной власти — Государственной думы Федерального собрания РФ, региональных законодательных и исполнительных органов государственной власти.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПОДХОДЫ И ТИПОЛОГИЯ

В научном сообществе ведутся дискуссии о характере политической культуры гражданского населения Российской Федерации. С одной стороны, регулярность и прозрачность электорального процесса закреплены Конституцией РФ, с другой — можно проследить тенденции культуры неучастия, особенно на местном уровне.

Особое значение для авторов работы имеет отношение молодых россиян к гражданской от-

ветственности, которое находит свое отражение в реализации активного избирательного права. Рассматривая тему коллективного мнения о политических процессах, нельзя игнорировать важность эволюционного фактора и развития традиционных предпочтений. Формирование политической культуры естественным путем требует десятилетий, в то время как искусственно сконструированная культура требует меньше времени, но больше ресурсов иного рода (финансовых, информационных и других).

К проблематике политической культуры обращались Г. Алмонд [1], С. Верба [1], М. Вебер [2], И. Гердер [3] и др. В современной отечественной науке эта проблема находит отражение в трудах А.Б. Шатилова [4], О.Н. Фомина [5], А.В. Дуки [6] и др.

А.Б. Шатилов [4] выделяет два структурных компонента политической культуры: политическое сознание и политическое поведение. Именно в онтологической части политического сознания отражаются политические, этические и социально-экономические константы, влияющие на массовое поведение граждан. При этом ценностные ориентации, как отмечает автор, адаптируются к конъюнктурным изменениям, не затрагивая глубинных основ массового сознания.

О.Н. Фомин [5] проводит разграничение между политической культурой и политическим знанием. Первое представляет собой исторически усвоенные и адаптированные концепты, лежащие в основе политической деятельности, а второе носит исключительно рациональный характер рефлексии о политической жизни общества, которая может быть принята массами по истечении определенного времени.

По мнению А.В. Дуки [6], изучение выбранного объекта исследования предполагает двусторонний подход. Первый направлен на учет психологических особенностей личности и рассмотрение политических процессов через призму индивидуального восприятия. Второй рассматривает комплексные политические системы в коллективном измерении с использованием политико-социологического подхода.

Рассматривая политическую культуру с позиции Г. Алмонда и С. Вербы [1], мы можем определить три структурных компонента — ориентации когнитивные, аффективные и оценочные. Первые символизируют символический арсенал — знания о политической системе, вторые — чувства относительно нее, третьи — оценочные суждения, тезисы, сформулированные на основе имеющих-

ся представлений и эмоций. Согласно И. Гердеру, политическая культура неотделима от принятых норм взаимодействия с политической сферой, представляя многосистемный феномен — ценностные ориентиры, убеждения, символику, функциональными задачами которых является регулирование политического поведения всех представителей социума и структурирование политического опыта [7]. Переходя к вопросу о политической культуре молодых граждан Российской Федерации, необходимо обратиться к типологии политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы.

Используя классификацию Алмонда и Вербы, политическая культура дифференцируется на три вида: патриархальную, подданическую и культуру участия. Специфика патриархальной выражается в максимальной минимизации степени ожиданий от политических представителей. Отсутствие ожиданий гармонично дополняется фактором незнания различного рода информации о собственной политической системе, что также обуславливается чувством персонального отчуждения: индивид не имеет представления о себе как о субъекте политического процесса. Данный тип политической культуры встречается в социумах с низкой степенью политической специализации, — следовательно, в тех обществах, где политическая деятельность зачастую ведется непрофессиональными акторами. Одним из ключевых факторов является дифференциация эмоционального, нормативного и когнитивного восприятия: эмоциональная составляющая вопроса политической partisипации, нормативно-правовая база и индивидуальная рефлексия существующей системы представляют совокупность критериев оценки особенностей политической культуры. Стоит отметить, что в странах с патриархальной политической культурой осознание каких-либо характеристик государственного устройства встречается значительно чаще развитого законодательства, стимулирующего граждан к конвенциональному акционизму, и сформированных эмоциональных парадигм в вопросе отношения к правительству.

Говоря о негативных последствиях вышеописанной политической культуры, мы можем отметить, что подобные условия существенно ограничивают процесс интернализации норм, регулирующих категориальный аппарат и действенные акты, направленные на взаимодействие с политическим режимом. Что же касается подданической политической культуры, ее характерными особенностями представляются информированность граждан о существующих политических процессах, наличие

мнения, легитимизирующего или же делегитимизирующего политических субъектов, а также та или иная степень гражданской активности, выраженная в принятии и исполнении политических решений. Иными словами, гражданин владеет знаниями о политической элите, имеет когнитивно-эмоциональные тенденции к ее оцениванию (в форме поддержки или суждений критического характера), но не способен оказывать влияние на саму процедуру принятия политических решений, отстаивать свои интересы и выставлять требования к органам власти. Более того, данный культурный тип может встречаться в государствах с развитой демократической институционализированной базой, выражаясь в нормативных и эмоциональных подданических устремлениях местного населения и административного аппарата.

Проводя демаркацию между административными и политическими процессами, авторы иллюстрируют третий тип политической культуры — участническую, уникальность которой демонстрируется в отсутствии индифферентности индивидуумов как по отношению к административным, так и политическим структурам. Ориентация граждан на восходящую и нисходящую политическую деятельность находит репрезентацию в активной роли преобладающего большинства, способного выразить свои интересы перед входом в «черный ящик» Д. Истона — направить запрос в политическую систему с возможностью публичной передачи обратной связи по достижении или недостижении желаемых целей.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ АКТИВНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В свою очередь, включение молодежи в политическую жизнь является сложным и многогранным процессом, базирующемся на множестве различных причин и факторов. Политическая социализация российской молодежи происходила в условиях постсоветской политической реальности под влиянием традиционных институтов и новых факторов, в первую очередь сети Интернет [8]. Глобальная сеть является значимым инструментом, формирующим взгляды и убеждения молодежи, а также предоставляет новые возможности для участия в политических процессах и обсуждения актуальных вопросов, затрагивающих жизнь общества. За последние 30 лет технологии сильно изменили жизнь людей. Появление интернета, социальных

сетей и смартфонов трансформировало поведение и привычный уклад. Кроме типичных факторов влияния на политическую культуру, таких как история, экономика и образование, к ним добавились новые технологии, активно внедряемые в повседневную практику. Все вышеперечисленное повлияло и на процесс участия в политической жизни граждан. Появились возможности подписывать онлайн-петиции, голосовать на выборах через интернет и коммуницировать со своими политическими единомышленниками в социальных сетях. Новые технологии упростили возможность участия в политической жизни, однако они вызывают недоверие, как и политические институты, у ряда социальных групп. Взаимодействие различных аспектов жизни молодежи и политической системы создает уникальную ситуацию, учитывающую интересы и перспективы нового поколения, активно вовлеченного в политические изменения и социальные инициативы. На период появления новых технологий также наложилось сложные политические и экономические процессы, которые происходили в России за последние 35 лет: крушение СССР, политический кризис 1993 г., экономические проблемы 1990-х и многое другое. Данные факторы сформировали представление молодежи и их родителей о политической реальности, отношение к выборам, политической власти и социальным институтам.

Важным проявлением политической культуры является политическая идентичность, однако можно утверждать, что диалог о доминирующей политической идентичности России продолжается с 1991 г. в консенсусной и конфронтационной формах [9]. Одной из отличительных черт российской политической культуры можно выделить ориентацию на государство, которая выступает важным социальным институтом — носителем вдохновляющих духовных смыслов [10]. Причинами данного процесса можно назвать не только историю российского государства, которое играло существенную роль, но и в кризисах и потрясениях, происходивших в 1990-е гг. Однако выделение государства как важного политического актора, который определяет политическую жизнь страны, не всегда означает положительное отношение к нему и его институтам.

В целях анализа политической культуры российской молодежи через призму электорального участия нами был проведен опрос. Респонденты отбирались на основе критерия принадлежности к категории студентов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и старшеклассников Лицея Финансового университета. Опрос проводил-

ся в форме онлайн-анкетирования и содержал 50 вопросов, касающихся отношения у респондентов к выборам разных уровней, парламентским партиям и их лидерам, ключевым политическим институтам, политическим идеологиям и лозунгам, а также узнаваемости лидеров парламентских партий, глав региона и депутатов местного самоуправления.

Итоговую выборочную совокупность составил 131 человек. По результатам опроса установлено, что с точки зрения приверженности той или иной идеологии 28,4% относят себя к либералам, 26,8% — к социал-демократам, 19,2% называют себя консерваторами, 8,4% считают для себя наиболее близкой идеологией феминизм, 7,6% — национализм. При этом коммунизм симпатичен 2,3% опрошенных (рис. 1).

61,1% респондентов считают, что «нужно ходить на выборы»; 22,1% думают, что «скорее нужно»; по 6,1% предполагают, что «не нужно» и «скорее не нужно»; при этом ответ «не знаю» выбрали 4,6% (рис. 2).

При этом на вопрос «Пойдете ли Вы на выборы в 2026 году?» 48,9% ответили, что точно пойдут; 20,6% скорее всего пойдут; 8,4% скорее не пойдут; 9,2% точно не пойдут; не знают 13% опрошенных (рис. 3).

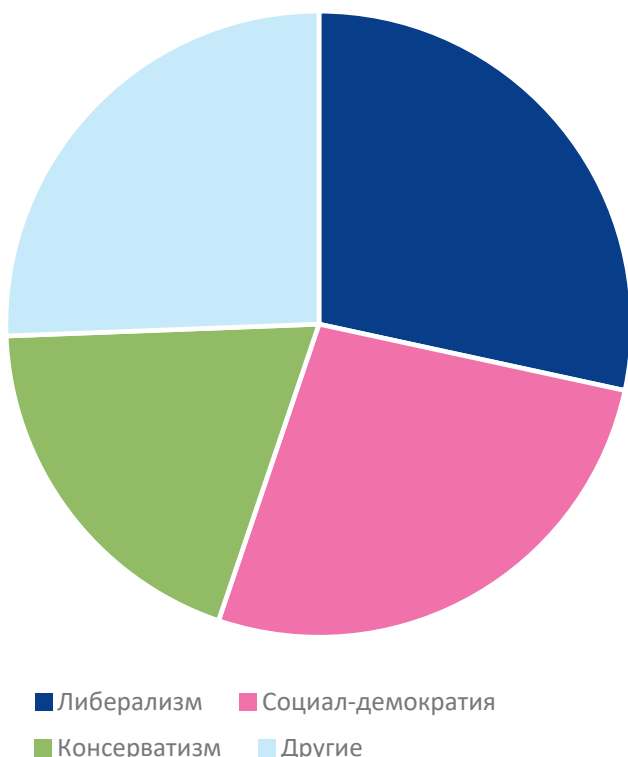
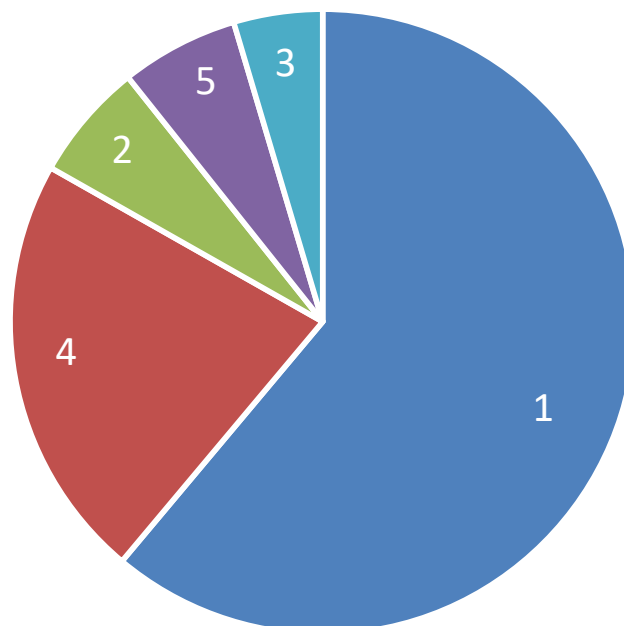

Рис. 1 / Fig. 1. Политическая самоидентификация современной молодежи / Political self-identification of modern youth

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

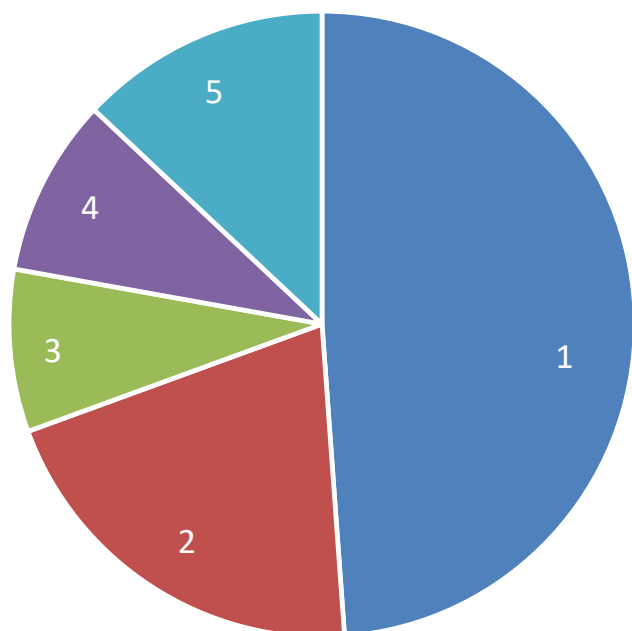
- Нужно ходить на выборы (1)
- Скорее не нужно ходить на выборы (2)
- Не знаю (3)
- Скорее нужно ходить на выборы (4)
- Не нужно ходить на выборы (5)

Рис. 2 / Fig. 2. Отношение молодежи к электоральной активности / The attitude of young people to electoral activity

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Результаты опроса выявили высокую поддержку участия в выборах всех уровней (больше 70%), однако уровень уверенности в их необходимости варьируется. Для президентских выборов он составляет 64,9%, для муниципальных — 45% (разрыв 19,9 п.п.), при этом разница в общем одобрении участия между этими уровнями — лишь 10,7 п.п. Наибольшая доля респондентов, считающих голосование обязательным, зафиксирована для президентских выборов (83,2%), наименьшая — для выборов в Госдуму и муниципальные органы (72,5%).

Неопределенность в необходимости участия выше для местных и парламентских выборов: 13,7% и 11,5% соответственно против 3,1% для президентских (разница в 3,7–4,4 раза). Эта динамика коррелирует с уровнем доверия к институтам власти: президенту доверяют втрое больше, чем парламенту. Узнаваемость депутатов также низка: лишь 26,7% опрошенных знают что-то о действу-

■ Точно пойду (1) ■ Скорее всего пойду (2)
 ■ Скорее всего не пойду (3) ■ Точно не пойду (4)
 ■ Не знаю (5)

Рис. 3 / Fig. 3. Распределение ответов на вопрос: «Пойдете ли Вы на выборы в 2026 году?» / Distribution of answers to the question: "Will you run for election in 2026?"

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

ющем депутате Госдумы от своего округа, а 58% не осведомлены о нем вовсе. Для муниципальных депутатов показатель узнаваемости — 32,8%, при этом 42,7% не знают их совсем.

Результаты опроса показывают, что молодые избиратели чаще готовы участвовать в президентских выборах, чем в муниципальных или выборах в Государственную думу, хотя уровень поддержки участия остается высоким для всех типов голосования. При этом доля респондентов, лично готовых прийти на выборы в 2026 г., ниже, чем общий процент одобрения электоральной активности. Соответствующие данные обобщены в таблице.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, хотелось бы отметить тенденцию возрастающей динамики участия молодых граждан в электоральных процессах. При этом сохраняется высокий уровень игнорирования института выборов из-за незнания собственных представителей народного волеизъявления и исполнительных органов власти или недоверия к политическим институтам.

Сформулированная гипотеза была подтверждена эмпирическим путем. В ходе исследования пред-

ставители молодого поколения открыто заявили о повышенном внимании к выборам персонального характера, особенно президентского уровня. Позитивные изменения могут быть обусловлены коллективным курсом партийных единиц и их представителей в лице публичных деятелей, а также сотрудничеством с общественными инфлюенсерами в информационном пространстве.

Полагаем, что для повышения заинтересованности задач политическими технологами и лиц из сферы просвещения является распространение концепции важности индивидуального голоса и возможности изменений на каждом из трех уровней государственного устройства (местном, региональном и федеральном).

Учитывая результаты проведенного опроса, представляется практически значимым формирование перечня предложений для трансформации и преобразования общественного мнения:

1. Повышение интереса молодых граждан к участию в конвенциональных формах принятия политических решений через медиапространство — создание тенденций партисипаторной культуры посредством массового одобрения (обратная связь в интернете имеет свойство оперативного распространения и не ресурсозатратной передачи среди пользователей).

2. Привлечение специалистов в сфере политологии и цифровых политических технологий для ретрансляции основных принципов честности и прозрачности российских выборов доступными для массового понимания лингвистическими конструкциями.

3. Пропаганда взаимозависимости между процессом выборов и потенциальными рисками/преференциями для территориальной единицы. Довольно важной представляется задача по объяснению гражданам причинно-следственных связей на макро- и микроуровнях в пределах одного государства.

4. Нивелирование чувства предсказуемости итогов выборов путем афиширования электоральной ротации, проделанной работы и качественной обратной связи со стороны всех участвующих в процессе партийных представителей. Часть «внутренней кухни» политических мероприятий нуждается в публичной демонстрации для доказательной аргументационной базы в пользу финансовых, временных, энергетических, кадровых и иных затрат всеми официально признанными и действующими политическими формированиями на территории РФ.

Отношение российской молодежи к выборам разных уровней (%) /
The attitude of Russian youth towards elections at different levels (%)

Вопрос / Question	Да, нужно / Yes, it is necessary	Скорее нужно / Rather it is necessary	Не знаю / I do not know	Скорее не нужно / Rather it is not necessary	Нет, не нужно / No, it is not necessary	Считают нужным («Да, нужно» и «Скорее нужно») / They consider it necessary ("Yes, it is necessary" and "Rather it is necessary")	Считают не нужным (Нет, не нужно» и «Скорее не нужно») / They consider it unnecessary ("No, it is not necessary" and "Rather it is not necessary")
Считаете ли Вы нужным ходить на выборы?	61,1	22,1	4,6	6,1	6,1	83,2	12,2
Считаете ли Вы нужным ходить на выборы на должность президента Российской Федерации?	64,9	18,3	3,1	4,6	9,2	83,2	13,8
Считаете ли Вы нужным ходить на парламентские выборы в Государственную думу?	48,1	24,4	11,5	8,4	7,6	72,5	16
Считаете ли Вы нужным ходить на выборы главы региона?	48,1	29,8	7,6%	6,1	8,4	77,9	14,5
Считаете ли Вы нужным ходить на муниципальные выборы?	45	27,5	13,7	8,4	5,3	72,5	13,7

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

5. Корректировка критериев имиджевой работы с кандидатами. Недоверие к общей массе политических акторов, а не частным случаям, выражается в последующем абсентеизме из-за апатии и коллективной фрустрации. При наличии открытых для коммуникации представителей населения, способных поддержать инициативы молодых россиян

и идти на сотрудничество в проектах, формирование эмоциональных связей между протекторатом и электоратом способно увеличить численность политически активных граждан.

6. Устранение унификации программных предложений. Аналитические способности молодых граждан вкупе с оппозиционными веяниями

на информационном пространстве за счет компаративного подхода позволяют выявить клишированные сходства, раздражающие восприятие отсутствием оригинальной парадигмы и искренности в идеологических догматах.

Сущность вышеизложенного сводится к необходимости выработки стратегических и тактических

мер, направленных на эффективное взаимодействие с молодыми представителями гражданского населения путем осознания их политического «языка» — ценностных установок, принятых через процесс интериоризации и получивших признание как рационального, так и эмоционального характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алмонд Г.А. Верба С. Гражданская культура (подход к изучению политической культуры) (I). *Полития*. 2010;2(57):122–144. URL: <https://www.elibrary.ru/tbephx>
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Москва: АСТ; 2025. 352 с.
3. Гердер И. Идеи к философии истории человечества. Москва: Центр гуманитарных инициатив; 2025. 760 с.
4. Шатилов А.Б. Статика и динамика политической культуры России в XX–XXI веках (к вопросу о ДНК России). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):6–11. DOI: 10.26794/2226–7867–2022–12–6–6–11
5. Фомин О.Н. Политическая культура как фактор политического процесса. *Власть*. 2012;(3):86–89. URL: <https://www.elibrary.ru/uecwgz>
6. Дука А.В. Политическая культура — поиски теоретических оснований. *Политическая экспертиза: Политекс*. 2006;2(1):7–30. URL: <https://www.elibrary.ru/kpgyut>
7. Денисов В.В. Политическая культура: теория и практика. *Философия и общество*. 2006;(1):19–30. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/253278/?ysclid=mfw78reysm369445880>
8. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):63–71. DOI: 10.26794/2226–7867–2021–11–2–63–71
9. Расторгуйев С.В. Современные исследования политической идентичности российской молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):89–96. DOI: 10.26794/2226–7867–2022–12–4–89–96
10. Сергеев В.М. Исторические истоки русской политической культуры. *Полис. Политические исследования*. 2012;(4):8–22. URL: <https://www.elibrary.ru/ozlzbx>

REFERENCES

1. Almond G.A. Verba S. Civil culture (an approach to the study of political culture) (I). *Polity*. 2010;2(57):122–144. URL: <https://www.elibrary.ru/tbephx> (In Russ.).
2. Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism. Moscow: AST; 2025. 352 p. (In Russ.).
3. Herder I. Ideas for the philosophy of human history. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives; 2025. 760 p. (In Russ.).
4. Shatilov A.B. The statics and dynamics of Russia's political culture in the XX–XXI centuries (on the issue of Russia's DNA). *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):6–11. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2022–12–6–6–11
5. Fomin O.N. Political culture as a factor of the political process. *Power*. 2012;(3):86–89. URL: <https://www.elibrary.ru/uecwgz> (In Russ.).
6. Duka A.V. Political culture — the search for theoretical foundations. *Political expertise: Politex*. 2006;2(1):7–30. URL: <https://www.elibrary.ru/kpgyut> (In Russ.).
7. Denisov V.V. Political culture: Theory and practice. *Philosophy and society*. 2006;(1):19–30. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/253278/?ysclid=mfw78reysm369445880> (In Russ.).
8. Evgenieva T.V. Selezneva A.V. Antonov D.E. Political culture of Russian student youth: Value, figurative, symbolic and behavioral aspects. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):63–71. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2021–11–2–63–71
9. Rastorguev S.V. Modern studies of the political identity of Russian youth. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):89–96. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2022–12–4–89–96

10. Sergeev V.M. Historical origins of Russian political culture. *The policy. Political research*. 2012;(4):8–22.
URL: <https://www.elibrary.ru/ozlzbxb> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Дмитрий Александрович Ежов — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Dmitriy A. Ezhov — Cand. Sci. (Political), Assoc. Prof., Department of Political Sciences, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-7103-836X>

daezhov@fa.ru

Мария Андреевна Гусаченко — студентка 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Maria A. Gusachenko — 4th-year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0001-7554-397X>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

mariavejner@gmail.com

Савельев Сергей Владиславович — студент 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Sergey V. Savelyev — 4th-year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0007-4755-1159>

Sergeysav2003@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Д.А. Ежов — постановка проблемы, руководство исследованием.

М.А. Гусаченко — подготовка теоретического обзора и интерпретация эмпирических данных.

С.В. Савельев — сбор и обобщение результатов эмпирического исследования, визуализация результатов.

Authors' contributions:

D.A. Ezhov — problem statement, research supervision.

M.A. Gusachenko — theoretical review and interpretation of empirical data.

S.V. Savelyev — collection and generalization of the results of empirical research, visualization of the results.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.08.2025; принята к публикации 15.09.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.08.2025; accepted for publication on 15.09.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-123-132

УДК 94(47).043:323.1(711.1)«18»(045)

Государственная национальная политика в деятельности Российско-Американской компании

Н.С. Сергиенко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается государственная национальная политика Российской империи в контексте деятельности Российско-Американской компании в XIX в. с особым акцентом на практику управления и культурно-духовное развитие Русской Америки. На основе анализа основных положений Устава компании, в которых нашли отражение приоритеты государства по поддержанию и распространению русских культурных и духовных ценностей на новых территориях, сделан вывод о значительных усилиях Российско-Американской компании в построении гармоничных национальных взаимоотношений разных народов. Особое внимание уделяется механизмам взаимодействия с коренным населением, вопросам их защиты, культурной интеграции, а также духовно-нравственного воспитания. Раскрываются аспекты государственной политики по отношению к детям-креолам — потомкам смешанных браков между служащими компании и представителями коренных народов. Подчеркивается роль образования, поддержки семей креолов и распространения православной миссионерской деятельности в формировании уникальной социальной среды Русской Америки. На основе архивных документов и свидетельств современников приводятся примеры практической реализации государственной политики: организация школ, поддержка семей креолов, проведение вакцинации, обеспечение социальной защиты и материальной поддержки. Освещается деятельность миссионеров, в частности, Иннокентия Вениаминова, чьи просветительские и педагогические инициативы способствовали интеграции коренных народов и креолов в российскую культурную и духовную традицию. В статье выделены особенности регулирования правового статуса коренного населения, участвующего в деятельности Российско-Американской компании, механизмы защиты их интересов, а также основные направления реализации российской политики, направленной на создание устойчивой и гармоничной системы межэтнических отношений в условиях многонационального общества Русской Америки.

Ключевые слова: Российско-Американская компания; переселение; трудовые ресурсы; социальное обеспечение; образование; коренные народы; духовно-нравственные ценности; традиции; миссионерство

Для цитирования: Сергиенко Н.С. Государственная национальная политика в деятельности Российско-Американской компании. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(5):123-132. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-123-132

ORIGINAL PAPER

State National Policy in the Activities of the Russian-American Company

N.S. Sergienko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to the consideration of the state national policy of the Russian Empire in the context of the activities of a Russian-American company in the 19th century, with a special focus on management practices and the cultural and spiritual development of Russian America. Based on the analysis of the main provisions of the company's Charter, which reflect the priorities of the state for the maintenance and dissemination of Russian cultural and spiritual values in the new territories, it is concluded that the Russian-American Company has made significant efforts to build harmonious national relations between different peoples. Special attention is paid to the mechanisms of interaction with the indigenous population, issues of their protection, cultural integration, as well as spiritual and moral education. Aspects of the state policy towards Creole children, descendants of mixed marriages between company employees and representatives of indigenous peoples, are revealed. The role of education, support for Creole families, and the spread of Orthodox missionary activity in shaping the unique social environment of Russian America is emphasized. Based on archival

documents and contemporary testimonies, examples of practical implementation of state policy are given: organization of schools, support for Creole families, vaccination, social protection and financial support. The article highlights the activities of missionaries, in particular, Innokenty Veniaminov, whose educational and pedagogical initiatives contributed to the integration of indigenous peoples and Creoles into the Russian cultural and spiritual tradition. The article highlights the specifics of regulating the legal status of the indigenous population involved in the activities of a Russian-American company, the mechanisms for protecting their interests, as well as the main directions of implementing Russian policy aimed at creating a stable and harmonious system of interethnic relations in a multinational society of Russian America.

Keywords: Russian-American company; resettlement; labor resources; social security; education; indigenous peoples; spiritual and moral values; traditions; missionary work

For citation: Sergienko N.S. State national policy in the activities of the Russian-American Company. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(5):123-132. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-123-132

ВВЕДЕНИЕ

Российско-американская компания (РАК), основанная в 1799 г., была одной из первых государственных коммерческих структур Российской империи, осуществлявших колонизацию, хозяйственную деятельность и административное управление в заморских территориях. Компания играла важную роль в продвижении и реализации государственной национальной политики России в Америке и прилегающих регионах Тихоокеанского бассейна. РАК получила исключительное право на ведение торговли и хозяйственной деятельности на Аляске, Курильских островах и прилегающих территориях, что укрепляло экономические позиции Российской империи в регионе, создавая основу для ее колониальных притязаний. Компания занималась добычей мехов, рыбы и других природных богатств с дальнейшей их реализацией, что составляло ресурсную базу в укреплении экономики империи и ее влияния в международной торговле. Поскольку РАК выполняла функции государственного управления на колониальных территориях в отсутствии развитой сети государственных органов, именно компания занималась организацией судопроизводства, сбором налогов, обеспечением порядка и связью с коренными народами. Важным направлением политики РАК была поддержка православной миссии. Компания поддерживала миссионеров, таких как Святитель Иннокентий Вениаминов и Герман Аляскинский, которые способствовали христианизации коренных народов, уважая их традиции и обычаи. Миссионерская деятельность укрепляла культурные связи между Россией и местными народами.

К заслугам компании относится помощь в организации школ для детей коренного населения с возможностью изучения русского языка, православия и основ европейской культуры. Такая помощь способствовала трансляции российских ценностей и укреплению связей с местными народами. При этом РАК стремилась строить отношения с местными народами на основе взаимовыгодного сотруд-

ничества. В отличие от колониальной политики западных стран, Российская национальная политика предусматривала уважение к культуре и обычаям коренных жителей, многие из которых становились партнерами компании, участвуя в торговле, добыче и даже управлении на местном уровне.

Значительную роль РАК играла в посреднических отношениях между Российской империей и другими государствами, присутствовавшими в регионе (США, Великобритания, Испания). Компания стремилась поддерживать мирные отношения, одновременно защищая имперские интересы. Посредством регламентации деятельности РАК Российская империя проводила национальную политику укрепления своих позиций в Северной Америке и Тихоокеанском регионе, создавая альтернативу влиянию других государств. Российско-Американская компания продвигала интересы России на международной арене, выступая экономическим и дипломатическим инструментом государственной национальной политики.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ОТ ЭКОНОМИКИ ДО КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

История и управление Российско-Американской компании рассмотрены в контексте организации РАК: ее экономические модели, особенности управления и роль компании в укреплении позиций Российской империи на Дальнем Востоке и в Русской Америке [1–5]. Вопросы взаимодействия РАК с коренными народами, миссионерской деятельности и социальной интеграции местного населения, описание мер по защите прав коренных жителей рассмотрены как примеры их культурной адаптации [6–9]. Описание школ для детей-креолов и коренного населения, открытых при поддержке компании, нашло отражение в описании роли РАК в социально-культурном развитии [10, 11]. Основные направления экономической деятельности

РАК, включая добычу и экспорт пушнины, организацию торговых маршрутов и взаимодействие с иностранными торговыми партнерами, раскрыты в исторических исследованиях деятельности компаний Российской Империи [12, 13]. В современных публикациях представлен широкий спектр материалов, позволяющих глубже понять роль и значение Российско-Американской компании в истории России и Русской Америки, однако в рамках достижения национальных целей духовно-нравственного развития следует рассмотреть государственную политику Российской Империи по отношению к коренным народам и вклад граждан, создававших и формирующих ныне положительный образ России в мировом пространстве.

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ЗАЩИТА КОРЕННЫХ НАРОДОВ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ: АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ УСТАВА

Устав РАК, неоднократно пересматривавшийся в течение XIX в., включал положения, отражающие государственную национальную политику Российской империи. Русско-Американская компания стала важным проводником государственной национальной политики Российской империи в отдаленных заморских территориях. Она сочетала экономические, административные, культурные и дипломатические функции, способствуя укреплению российской идентичности и влияния в северной части Тихоокеанского региона. Деятельность РАК пример того, как частно-государственное партнерство может эффективно реализовывать имперские задачи, интегрируя новые территории и народы в единое политическое и культурное пространство Российской империи. Основные аспекты государственной национальной политики, нашедшие отражение в деятельности и содержании Устава Российско-Американской компании, представлены в таблице.

Устав Российско-Американской компании служил инструментом проведения государственной политики Российской империи, нацеленной на укрепление ее позиций в Северной Америке. Национальные интересы проявлялись в стремлении обеспечить экономическое освоение новых территорий, поддерживать культурное и религиозное влияние России, а также защищать права коренных народов. Тем не менее реализация этих задач сталкивалась с существенными трудностями: ограниченными ресурсами компании, суровыми природными условиями и международным давлением.

РАК выполняла не только экономическую, но и важную политическую функцию для Российской империи в освоении североамериканских земель. Устав РАК, неоднократно изменявшийся на протяжении XIX в., содержал положения, отражающие приоритеты государственной политики в вопросах взаимодействия с коренными народами, освоения новых территорий и противодействия иностранному влиянию.

Особое значение имела глава, регламентирующая нормы и правила управления оседлыми инородцами (представителями коренных народов), проживавшими в российских колониях, таких как Аляска, Курильские и Алеутские острова. В данной главе рассматривались их права и обязанности, вопросы организации управления, гарантии религиозной свободы и соблюдения социальных норм. В ней определялся правовой статус оседлых инородцев, основы управления и социальной организации, экономические права и обязанности, религиозные и нравственные нормы, меры социальной защиты и трудовые права, а также порядок разрешения споров и апелляций и вопросы этики.

По Уставу оседлые инородцы признаются подданными Российской империи и приравниваются в правах ко всем российским гражданам (§ 247, 250). Они формируют особое сословие в колониях и обязаны подчиняться общим государственным законам (§ 249, 259). Инородцы управляются своими племенными старейшинами и тоенами (местными руководителями), назначенными колониальными властями из числа наиболее уважаемых лиц (§ 252, 254). Старейшины и тоены несут ответственность за поддержание порядка, разбор споров, помощь населению и выполнение государственных предписаний (§ 253, 255). Должность тоена не является наследственной, а его выбор и назначение осуществляются колониальными властями (§ 256). Инородцам разрешается заниматься рыболовством и охотой для пропитания своих семей (§ 258, § 260). Их имущество, добыча и средства к существованию защищены законом и являются их личной собственностью (§ 263). Они обязаны сотрудничать с российскими компаниями, включая работу в промысловых службах (§ 264, 268). Инородцам предоставляется свобода вероисповедания, включая проведение богослужений по их традиционным обрядам (§ 271). Обращение инородцев в христианскую веру должно осуществляться исключительно убеждением, без какого-либо принуждения (§ 273, 274). Компании обязаны способствовать внедрению христианских и общественно полезных норм,

Основные аспекты государственной национальной политики в рамках деятельности Российско-Американской компании / The main aspects of the state national policy in the framework of the activities of the Russian-American Company

Направление / Direction	Особенность / Feature	Содержание / Content	Пункты Устава РАК / Paragraphs of the Charter of the RAC
1. Экономическая экспансия и освоение новых территорий	Задачи компании	РАК учреждена как инструмент государственной политики, направленной на экономическое освоение и укрепление позиций Российской империи на североамериканском континенте	Глава 1 (§ 1, 6, 11), Глава 2 (§ 24, 30), Главы 5–7
	Монополия	Устав предоставил РАК монопольные права на промысел, торговлю и управление в российских владениях в Америке, что позволило компании сосредоточить усилия на максимизации экономической выгоды	Глава 1 (§ 4, 5, 16), Глава 7 (§ 166, 167)
	Поддержка центра	Государство предоставляло компании финансовую и административную поддержку, включая защиту ее интересов на международной арене	Глава 1 (§ 4, 5, 15, 17–19, 21, 23), Глава 3
2. Политика колонизации	Переселение населения	В соответствии с государственной политикой, РАК должна была привлекать русских переселенцев для заселения новых территорий	Глава 7, Глава 8 (§ 227, 229–230)
	Укрепление границ	Компания выполняла задачи, связанные с защитой владений, включая строительство фортов и обеспечение обороны	Глава 7 (§ 157, 158, 162)
3. Отношение к коренным народам	Патернализм	Устав подчеркивал необходимость гуманного обращения с коренными народами Аляски. Компания должна была способствовать их «просвещению» и «цивилизации», что соответствовало общим тенденциям колониальной политики Российской империи	Глава 7 (§ 162, 178, 212), Глава 8 (§ 235–240, 244, 247, 249, 250, 252–259, 277–282, 284)
	Христианизация и миссионерская деятельность	Важной частью государственной политики было распространение православия среди коренных народов. При поддержке РАК на территории Аляски создавались миссии, а деятельность миссионеров активно финансировалась	Глава 8 (§ 248, 261, 262, 271–275)
	Труд и защита	Коренные народы активно привлекались к работе в рамках компании, однако Устав предполагал их защиту от эксплуатации. На практике это выполнялось с переменным успехом.	Глава 7 (§ 156, 162, 212), Глава 8 (§ 245, 246, 251, 260, 264, 267, 269, 283)

Окончание таблицы / Table (continued)

Направление / Direction	Особенность / Feature	Содержание / Content	Пункты Устава РАК / Paragraphs of the Charter of the RAC
4. Взаимоотношения с иностранными державами	Международное соперничество	Российская империя стремилась укрепить свои позиции на североамериканском континенте в условиях конкуренции с Великобританией и США. Устав предусматривал меры для защиты российских территориальных интересов	Глава 1 (§ 2–7), Глава 7 (§ 162)
	Регламентация торговли	Для минимизации влияния иностранных держав Устав ограничивал торговые контакты с иностранными торговцами. Основной акцент делался на развитии внутренней торговли между российскими поселениями и колониями	Глава 1 (§ 4–7, 16, 18), Глава 7 (§ 160)
5. Социальная политика	Образование	Российское правительство поощряло деятельность компании по развитию образования на колониальных территориях. Были открыты школы для обучения как русских переселенцев, так и коренных народов	Глава 7 (§ 175), Глава 8 (§ 241–243)
	Социальная поддержка	Компания обеспечивала социальные нужды своих сотрудников, включая медицинское обслуживание, жилье и продовольствие	Глава 1 (§ 7–10, 13), Глава 5 (§ 87), Глава 7 (§ 162, 168), Глава 8 (§ 228)
	Политика заселения и демографического баланса / Переселение русских	Государство обязало компанию содействовать переселению русских подданных на новые территории и созданию условий для жизни переселенцев (жилье, продукты, медицинская помощь)	Глава 8 (§ 222, 227, 228)
6. Этические нормы	Духовно- нравственные ценности	Правила поведения представителей компании, принципы благочестия, нравственности, чести и достоинства, борьба с коррупционными проявлениями	Глава 7 (§ 163–165, 174, 220), Глава 8 (§ 226, 261, 262, 286)
7. Контроль со стороны государства	Государственная отчетность	Российско-Американская компания была обязана регулярно отчитываться перед государственными органами о своей деятельности	Глава 1 (§ 14), Глава 2 (§ 25, 27–33), Глава 5: (§ 101, 109–120), Глава 7 (§ 181, 182, 215, 217)
	Назначение руководства	Высшее руководство компании назначалось с одобрения императора, что подчеркивало статус РАК как полуофициального государственного органа	Главы 5–7

Источник / Source: составлено автором на основе [13, с. 11–63] / Compiled by the author based on [13, p. 11–63].

поддерживать трудолюбие и бережливость (§ 261). Колониальные власти обеспечивают инородцев необходимой землей для хозяйственных нужд и не взимают с них налогов (§ 251, 260). Компаниям запрещено использовать труд женщин без их согласия и без соответствующей оплаты (§ 269). Мужчины трудоспособного возраста обязаны работать на компанию в пределах установленных сроков и правил (§ 266, 267). Кроме того, споры между инородцами решаются местными старейшинами и тоенами, а при необходимости передаются на рассмотрение колониальных начальников (§ 276, 277). Инородцы имеют право подавать апелляции на решения местных властей вплоть до главного правителя колоний или российских судебных органов (§ 278, § 279). Помимо требований к нравственному поведению представителей РАК в Уставе было закреплено положение о том, что Компания и власти должны показывать примеры добропорядочного поведения, поддерживать уважение к традициям и улучшение быта (§ 262). Религиозные и социальные правила направлены на сохранение гармонии между традиционным образом жизни и христианскими ценностями.

Таким образом, текст Устава позволяет сделать вывод о том, что в документе отражено стремление российских властей к интеграции оседлых инородцев в административную, социальную и религиозную структуры империи, сохраняя их традиционные права и культурную автономию.

Отдельная глава Устава Российско-Американской компании демонстрирует ряд этических и духовно-нравственных норм, направленных на уважительное и гуманное отношение к коренным народам, проживающим на «территории Русской» (§ 281 и 283). РАК запрещалось применять силу для распространения своей власти на территории, населенные независимыми коренными народами. Всякое взаимодействие с ними должно было происходить добровольно и с уважением к их суверенитету. Так, Компания могла открывать фактории, форты или редуты только при условии, что это не наносит вреда коренным жителям, сохраняет их доброжелательность и исключает подозрения в нарушении их независимости. Эта норма демонстрирует стремление компании избегать колониальной агрессии и строить отношения на основе доверия.

В § 283 и 284 содержался запрет насилия и эксплуатации. Компаниям было запрещено насильно требовать с коренных народов дань, ясак или иные приношения. Также запрещалось принуждать их к переселению, за исключением добровольного

желания. В случае переселения коренные жители получали статус оседлых народов с соответствующими правами и привилегиями. Эти положения подчеркивают важность гуманного подхода, направленного на предотвращение эксплуатации и угнетения коренных народов.

Кроме того, запрещалось насильственное привлечение представителей коренных народов, кроме случаев добровольного сотрудничества по существу обычаям. Содействующие по доброй воле лица должны были содержаться «пристойно», а руководство компании обязано было обеспечивать их защиту от любого рода обид (§ 283). Такой запрет говорит о стремлении компании соблюдать базовые принципы справедливости и уважения прав личности.

Согласно § 285 Устава РАК с целью уважения культурных и экономических традиций сношения с независимыми народами ограничивались обменом товаров (европейских изделий на мягкую рухлядь или иные местные товары) на условиях обоюдного согласия. Исключались из обмена крепкие напитки и огнестрельные снаряды с тем, чтобы избежать их негативного влияния на коренное население. Такая мера одновременно позволяет говорить о проявлении заботы со стороны компании о жителях колоний и о предотвращении вредного воздействия европейской торговли на традиционный уклад жизни коренных народов. Забота, на наш взгляд, заключается и в ограниченном употреблении алкоголя согласно § 286. Хотя крепкие напитки запрещались для торговли с коренными народами, их ограниченное употребление допускалось в рамках угощений, но только в «малой мере», что указывает на попытку минимизировать культурные и социальные последствия от распространения алкоголя среди коренных народов.

Бесспорно, что в жизни при стремлении Российско-Американской компании следовать указанным принципам исторические примеры составляли и спорные моменты.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ: ОПЫТ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ

Важным направлением духовно-нравственной работы РАК можно выделить поддержку детей-креолов (детей, рожденных от смешанных браков между русскими и коренными народами). Компания стремилась интегрировать креолов в свое общество, обеспечивая им образование, защиту

и равные права, что соответствовало духовно-нравственным ценностям, закрепленным в Уставе. В Уставе РАК зафиксированы меры поддержки детей-креолов: образование, равные права для креолов, поддержка сирот и детей сотрудников.

В параграфах 236–246 Устава было сказано, что «Компания обязана содействовать обучению детей смешанных браков основам грамотности, христианскому вероучению и практическим навыкам, способным сделать их полезными членами общества», «Дети, рожденные от браков между служащими компании и коренными жителями, имеют равные права в доступе к образованию, трудоустройству и защите, предоставляемой компанией», «Компания принимает на себя заботу о детях, оставшихся без родителей, предоставляя им кров, воспитание и обучение.» [13, с. 55–56].

Реализуя положения Устава, Компания стремилась давать детям-креолов образование, которое сочетало православное воспитание, русскую культуру и практические навыки. Так, в Ново-Архангельске (Ситке) и на других территориях Русской Америки открывались школы, где креолы обучались грамоте, арифметике, основам Закона Божьего и ремеслам. Особенно выделяется миссионерская деятельность Иннокентия Вениаминова, который активно вел образовательную деятельность для детей-креолов. Миссионеры разрабатывали учебные материалы, адаптированные для их культурного фона. В 1840-е гг. креольские дети обучались не только традиционным предметам, но и сельскому хозяйству, ремеслам и навигации, чтобы помочь им интегрироваться в жизнь компании. А для детей сотрудников-креолов предоставлялись льготы в обучении, и они имели равный доступ к рабочим местам в компании. В 1835 г. было задокументировано, что около 50 детей-креолов получили финансовую помощь для продолжения обучения в школах при компании.

Вопросы интеграции креолов в систему управления, закрепленные в Уставе Компании, реализовывались на практике через обучение подростков-креолов управленческим навыкам и включение их в административную деятельность. Полученные знания позволяли креолам в дальнейшем становиться помощниками служащих или занимать должности в местных органах управления. Известны случаи, когда в 1820-х гг. креолы из Ново-Архангельска активно участвовали в торговых и административных операциях компании, а некоторые впоследствии занимали руководящие посты.

Компания поощряла заключение законных браков между своими служащими и представителями коренного населения, рассматривая это как способ укрепления связей с местными жителями и повышения статуса креолов. Дети, рожденные в таких браках, признавались полноправными членами общества и имели те же права, что и дети русских переселенцев. Креолам оказывалась поддержка в создании семей, что способствовало социальной стабильности.

В 1840-х гг. креолы принимали активное участие в жизни общины, создавали семьи и передавали своим детям как русские, так и коренные традиции. Особое внимание вопросам образования креольских детей уделял Иннокентий Вениаминов, который занимался переводом Евангелия и подготовкой учебных пособий для алеутов, что способствовало интеграции креолов в православную и русскую культуру. Школы в Ситке стали культурными центрами для креольских детей, где они получали не только знания о русской культуре, но и практические навыки, необходимые для работы в компании.

Еще в 1830-х г. компания организовала вакцинацию креольских детей от оспы, что спасло многих из них во время эпидемий, особенно опасных для коренного населения. В отчетах РАК зафиксированы случаи оказания материальной помощи креольским семьям для приобретения одежды, продовольствия и лекарств.

Таким образом, Российско-Американская компания через положения Устава и практическую деятельность стремилась поддерживать креолов, интегрировать их в русское общество и воспитывать в духе православной морали. Ключевыми направлениями этой политики стали образование, защита прав и социальная поддержка. Эти усилия способствовали формированию уникальной культуры Русской Америки, где переплетение русских и коренных традиций привело к возникновению креольской идентичности и укреплению духовно-нравственных ценностей.

Устав Российско-Американской компании определял не только экономические и административные основы, но и содержал важные духовно-нравственные положения, направленные на укрепление православной веры, защиту коренных народов, просвещение и поддержание моральных принципов сотрудников. Эти принципы активно реализовывались на практике и оказали значительное влияние на формирование облика Русской Америки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Доброжелательное отношение народов бывшей Русской Америки (в частности алеутов, эскимосов, тлинкитов) к современным россиянам объясняется комплексом исторических, культурных и социальных факторов, сложившихся в период российской колонизации и дальнейшего взаимодействия. Среди ключевых причин можно выделить, прежде всего, историческое наследие российского присутствия. Российская империя в XVIII–XIX вв. установила контакты с народами Аляски и Курильских островов в рамках деятельности Российско-Американской компании. В отличие от многих других колониальных держав, российская политика нередко предусматривала уважение к местным обычаям и культуре. В официальных документах подчеркивалось стремление избегать насильственного обращения в христианство, а также сохранять права коренных народов на землю и ресурсы. Такой подход способствовал формированию позитивного образа россиян как стремящихся к диалогу и взаимопониманию, а не к насильственной ассимиляции или уничтожению местного населения.

Важным аспектом было и культурное взаимодействие между представителями компании и коренными народами. Множество русских обычаев и традиций вошло в повседневную жизнь местных жителей — от православной веры и кулинарии до отдельных языковых элементов. Культурные связи укреплялись не только через торговлю и обмен, но и через обучение, межкультурные браки, что еще больше сближало русских и коренные народы.

Российская власть также уделяла внимание защите интересов местных народов. В колониальный период действовали меры, ограничивавшие чрезмерное налогообложение и принудительный труд,

что выгодно отличало российский подход от более жесткой практики других держав. После передачи Аляски США в 1867 г. отношения коренных народов с новыми властями часто были напряженными, и Россия в их памяти оставалась более справедливым и уважительным партнером.

В наши дни сохраняются культурные и духовные связи между потомками народов Русской Америки и жителями России. Православная церковь продолжает играть значимую роль в их идентичности, а память о русских миссионерах — Святом Германе Аляскинском и святителе Иннокентии — поддерживается с благодарностью за их вклад в защиту и просвещение коренных народов. Современная Россия также поддерживает культурные контакты, участвует в мероприятиях по сохранению общего исторического наследия.

Особый образ «добротного русского человека» складывается благодаря отсутствию колониальной жестокости: российская политика воспринималась как менее агрессивная по сравнению с европейскими державами и США. Россияне чаще стремились к торговле и взаимовыгодным отношениям, что способствовало формированию долгосрочно позитивной памяти о российском присутствии.

Таким образом, деятельность Российско-Американской компании и государственная политика России заложили основу для уважительного отношения к российскому прошлому и поддержания добрых связей между народами бывшей Русской Америки и жителями Российской Федерации. На современном этапе государственная политика акцентирует признание совместного исторического вклада, поддержку инициатив по сохранению культурного наследия и традиций открытого и уважительного диалога.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гринев А. В. Роль государства в образовании Российско-Американской компании. Русское открытие Америки. В сб. к 70-летию академика Н. Н. Болховитинова. Москва: Академия наук СССР, Институт всеобщей истории; 2002:437–450. URL: <https://www.elibrary.ru/sgtawt>
2. Ермолаев А. Н. Российско-американская компания и ее роль в освоении Дальнего Востока. ЭКО. 2017;3(513):169–189. URL: <https://www.elibrary.ru/ygjrkh>
3. Петренко О. А. К вопросу о причинах создания Российско-Американской компании. Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2022;1 (39):17–20. URL: <https://www.elibrary.ru/fdmrxb>
4. Петров А. Ю. Финансово-хозяйственная деятельность Российско-Американской компании (1841–1867). Управление собственностью: теория и практика. 2005;2:47–63. URL: <https://www.elibrary.ru/qfeuqh>
5. Прокофьев С. Е., Балынин И. В., Сергиенко Н. С., Знаменский Д. Ю. Этапы развития государственного финансового контроля в Российской империи. Вопросы истории. 2021;10(2):14–22. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi51
6. Галкина Е. В. «Апостол Русской Америки»: Святитель Иннокентий (И. Е. Вениаминов) и его миссионерская деятельность. История: факты и символы. 2016;4(9):53–58. URL: <https://www.elibrary.ru/xdfksp>

7. Гринев А. В. Туземцы Аляски, русские промышленники и Российско-Американская компания: система экономических взаимоотношений. *Этнографическое обозрение*. 2000;3:74–88. URL: <https://www.elibrary.ru/wooqbr>
8. Ермолаев А. Н. Вклад Российско-Американской компании в социально-экономическое развитие Сибири. *Российская история*. 2015;4:112–122. URL: <https://www.elibrary.ru/uiioheb>
9. Зорин А. В. Российско-Американская компания и тлинкиты стахин-куан. *Американистика: Актуальные подходы и современные исследования*. 2022;32–52. DOI: 10.24412/cl-35952-2022-32-52
10. Капалин Г. М. Преподобный Герман Аляскинский и правители российско-американской компании. *Христианское чтение*. 2021;4:296–304. DOI: 10.47132/1814–5574_2021_4_296
11. Петров А. Ю. Историко-культурное наследие России в контексте борьбы за колонии на севере Тихого океана. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2022;3(848):54–60. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_54
12. Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. I. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Веймара; 1861. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003507298/
13. Тихменев П. И. Историческое обозрение Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. II. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Веймара; 1863. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003507298/

REFERENCES

1. Grinev A. V. The role of the state in the formation of a Russian-American company. The Russian discovery of America. In the collection dedicated to the 70th anniversary of Academician N. N. Bolkhovitinov. Moscow: USSR Academy of Sciences, Institute of Universal History; 2002:437–450. URL: <https://www.elibrary.ru/sgtawt> (In Russ.).
2. Ermolaev A. N. The Russian-American company and its role in the development of the Far East. *ECO*. 2017;3(513):169–189. URL: <https://www.elibrary.ru/ygjrxx> (In Russ.).
3. Petrenko O. A. On the question of the reasons for the creation of a Russian-American company. *Bulletin of KRAUNTS. Humanities*. 2022;1 (39):17–20. URL: <https://www.elibrary.ru/fdmrxb> (In Russ.).
4. Petrov A. Y. Financial and economic activity of the Russian-American company (1841–1867). *Property management: theory and practice*. 2005;2:47–63. URL: <https://www.elibrary.ru/qfeuqh> (In Russ.).
5. Prokofiev S. E., Balynin I. V., Sergienko N. S., Znamensky D. Y. Stages of development of state financial control in the Russian Empire. *Questions of history*. 2021;10(2):14–22. (In Russ.). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi51
6. Galkina E. V. “The Apostle of Russian America”: St. Innocent (I. E. Veniaminov) and his missionary activity. *History: facts and symbols*. 2016;4(9):53–58. URL: <https://www.elibrary.ru/xdfksp> (In Russ.).
7. Grinev A. V. The natives of Alaska, Russian industrialists and a Russian-American company: A system of economic relations. *Ethnographic review*. 2000;3:74–88. URL: <https://www.elibrary.ru/wooqbr> (In Russ.).
8. Ermolaev A. N. Contribution of the Russian-American company to the socio-economic development of Siberia. *Russian history*. 2015;4:112–122. URL: <https://www.elibrary.ru/uiioheb> (In Russ.).
9. Zorin A. V. The Russian-American company and the Stakhin-kuan tlingits. *American Studies: Current approaches and modern research*. 2022;32–52. (In Russ.). DOI: 10.24412/cl-35952-2022-32-52
10. Kapalin G. M. Reverend Herman of Alaska and the rulers of the Russian-American company. *Christian reading*. 2021;4:296–304. (In Russ.). DOI: 10.47132/1814–5574_2021_4_296
11. Petrov A. Y. Historical and cultural heritage of Russia in the context of the struggle for colonies in the North Pacific Ocean. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*. 2022;3 (848):54–60. (In Russ.). DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_54
12. Tikhmenev P. A. Historical review of the formation of the Russian-American company and its actions up to the present time. Part I. St. Petersburg: Printing House of Eduard Weimar; 1861. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003507298/ (In Russ.).
13. Tikhmenev P. I. Historical review of the Russian-American company and its actions up to the present time. Part II. St. Petersburg: Printing house of Eduard Weimar; 1863. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003507298/ (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Наталья Сергеевна Сергиенко — кандидат экономических наук, заместитель заведующего кафедрой Минтруда России «Современная социальная политика», доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Natalia S. Sergienko — Cand. Sci. (Econ.), Deputy Head of the Department of Modern Social Policy of the Ministry of Labor of the Russian Federation, Assoc. Prof. of the Department of State and Municipal Administration, Faculty of Higher School of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-9042-8454>

ns Sergienko@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 09.07.2025; принята к публикации 23.09.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 09.07.2025; accepted for publication on 23.09.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-133-138

УДК 101.1:316+323.28:1.004(045)

Терроризм как социально-философская проблема

П.С. Селезнев^а, З.Е. Абдурагимов^б^а Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;^б Федерация служебно-прикладной подготовки силовых структур «К-9» и специалистов органов безопасности «Кремль-9», Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Терроризм в современном мире представляет собой не только криминальное явление, но и многогранную социально-философскую проблему, затрагивающую основы общественного устройства, этические принципы и экзистенциальные аспекты человеческого существования. В условиях глобализации, стремительного развития технологий и информационной революции терроризм эволюционирует, принимая новые формы, такие как кибертерроризм, проникающий в цифровую инфраструктуру общества, усиливая его деструктивный потенциал. Этот феномен выходит за рамки традиционных представлений о насилии, требуя глубокого философского анализа природы зла, свободы воли, границ морали и роли общества в создании условий, порождающих радикализм. Терроризм выступает зеркалом общественных противоречий, где страх, идеология и экзистенциальный кризис переплетаются, формируя вызовы, которые невозможно преодолеть без философской рефлексии. Цель исследования — раскрыть терроризм как социально-философскую проблему, проанализировать его социальные, идеологические и технологические корни, оценить последствия для общественной ткани и предложить пути противодействия, основанные на этических и философских принципах. Методы исследования опираются на анализ научной литературы, включая работы российских авторов. Применен междисциплинарный подход, сочетающий социально-философский анализ, этическую рефлексию и изучение современных форм терроризма, таких как кибертерроризм, в контексте глобальных и локальных процессов, включая геополитические конфликты. Результаты исследования раскрывают терроризм как проявление экзистенциального кризиса и социального отчуждения, разрушающее социальный договор через страх и идеологию. Кибертерроризм подчеркивает новые вызовы, связанные с цифровизацией, усиливая геополитическую напряженность. Последствия терроризма включают культуру страха, этический релятивизм и эрозию доверия в обществе. Противодействие требует превентивной этики, образования и международного сотрудничества. Сделан вывод о том, что терроризм как социально-философская проблема выявляет хрупкость человеческого бытия и общественных ценностей, подчеркивая необходимость переосмысления гуманизма, свободы и этической ответственности в условиях глобальных вызовов. Интеграция философских идей в социальную практику, включая профилактику радикализма через образование, межкультурный диалог и устранение социальных неравенств, способна устранить почву для насилия.

Ключевые слова: терроризм; кибертерроризм; социальная философия; идеология; страх; этика; глобализация; отчуждение

Для цитирования: Селезнев П.С., Абдурагимов З.Е. Терроризм как социально-философская проблема. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(5):133-138. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-133-138

ORIGINAL PAPER

Terrorism as a Socio-Philosophical Problem

P.S. Seleznev^a, Z.E. Abduragimov^b^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;^b Federation of Service and Applied Training for Law Enforcement Agencies “K-9” and Security Specialists “Kremlin-9”, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Terrorism in the modern world is not only a criminal phenomenon, but also a multifaceted socio-philosophical problem that affects the foundations of social structure, ethical principles and existential aspects of human existence. In the context of globalization, the rapid development of technology and the information revolution, terrorism is evolving, taking on new forms, such as cyberterrorism, which penetrates the digital infrastructure of society, enhancing its destructive

potential. This phenomenon goes beyond the traditional concepts of violence, requiring a deep philosophical analysis of the nature of evil, free will, the boundaries of morality and the role of society in creating conditions that give rise to radicalism. Terrorism acts as a mirror of social contradictions, where fear, ideology and existential crisis are intertwined, forming challenges that cannot be overcome without philosophical reflection. The aim of the study is to reveal terrorism as a socio-philosophical problem, analyze its social, ideological and technological roots, assess the consequences for the social fabric and propose ways to counteract it based on ethical and philosophical principles. The research methods are based on the analysis of scientific literature, including the works by Russian authors. An interdisciplinary approach combining socio-philosophical analysis, ethical reflection and the study of modern forms of terrorism, such as cyberterrorism, in the context of global and local processes, including geopolitical conflicts, was applied. The results of the study reveal terrorism as a manifestation of existential crisis and social exclusion that destroys the social contract through fear and ideology. Cyberterrorism highlights the new challenges associated with digitalization, increasing geopolitical tensions. The consequences of terrorism include a culture of fear, ethical relativism, and the erosion of trust in society. Countering requires preventive ethics, education, and international cooperation. It is concluded that terrorism as a socio-philosophical problem reveals the fragility of human existence and social values, emphasizing the need to rethink humanism, freedom and ethical responsibility in the face of global challenges. The integration of philosophical ideas into social practice, including the prevention of radicalism through education, cross-cultural dialogue and the elimination of social inequalities, can eliminate the ground for violence.

Keywords: terrorism; cyberterrorism; social philosophy; ideology; fear; ethics; globalization; alienation

For citation: Seleznev P.S., Abduragimov Z.E. Terrorism as a socio-philosophical problem. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(5):133-138. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-133-138

ВВЕДЕНИЕ

Терроризм в современном мире представляет собой не только криминальное явление, но и сложную социально-философскую проблему, затрагивающую основы общественного устройства, этические принципы и экзистенциальные вопросы человеческого бытия. В условиях глобализации, стремительного технологического прогресса и информационной революции терроризм трансформируется, принимая новые формы, такие как кибертерроризм, усиливающий его деструктивный потенциал, проникая в цифровую инфраструктуру общества [1]. Этот феномен выходит за рамки традиционных представлений о насилии, требуя глубокого философского анализа: что делает насилие «террористическим», как оно влияет на социальную реальность и почему становится инструментом манипуляции коллективным сознанием? Терроризм как социально-философская проблема заставляет переосмыслить природу зла, свободу воли, границы морали и роль общества в создании условий, порождающих насилие. Он выступает зеркалом общественных противоречий, где страх, идеология и экзистенциальный кризис переплетаются, формируя новую реальность, требующую не только практических, но и философских решений [2].

СУЩНОСТЬ ТЕРРОРИЗМА

Социально-философская сущность терроризма заключается в его способности разрушать основы социального договора, обеспечивающего стабильность и доверие между индивидами, обще-

ством и государством¹. Терроризм — не просто серия насильственных актов, а целенаправленная стратегия, использующая страх как инструмент коммуникации и воздействия на общественное сознание [3]. В философском контексте терроризм можно рассматривать как проявление экзистенциального кризиса, когда индивиды или группы, отвергая существующие социальные нормы, прибегают к радикальным методам для утверждения альтернативной реальности. Социальные корни этого феномена уходят в глубокие общественные проблемы: экономическое неравенство, культурные конфликты, религиозный радикализм, политическая маргинализация и глобальные диспропорции, порождающие чувство отчуждения и несправедливости [4]. Эти факторы создают почву для радикальных идеологий, оправдывающих насилие как средство достижения целей — политических, религиозных или националистических. Философский анализ подчеркивает, что терроризм усиливает дихотомию «мы — они», превращая жертв в символы системного зла, а агрессоров — в самопровозглашенных борцов за справедливость². Таким образом, терроризм становится не только инструментом физического разрушения [5], но и средством деконструкции моральных и этических основ общества, что делает его уникальной социально-философской проблемой.

¹ Национальный антитеррористический комитет. URL: <http://nac.gov.ru/>

² URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/382849661.pdf>

ИДЕОЛОГИЯ ТЕРРОРИЗМА

Идеологическая основа терроризма играет центральную роль в его понимании с философской точки зрения. Радикальные идеологии, будь то религиозные, националистические или политические, формируют мировоззрение, оправдывающее насилие как необходимое средство для достижения трансцендентных или социальных целей [3]. Эти идеологии часто апеллируют к идеям мученичества, жертвы или высшей справедливости, создавая культ героизма, привлекающий новых последователей. В религиозном терроризме, например, насилие освящается духовными нарративами, обещающими божественное вознаграждение, что делает его особенно привлекательным для тех, кто ищет смысл в условиях экзистенциального вакуума [6]. Социальные последствия таких идеологий разрушительны: терроризм разрушает доверие внутри общества, усиливает ксенофобию и способствует культурному релятивизму, где моральные нормы становятся относительными, а толерантность воспринимается как уязвимость. Философская дилемма здесь заключается в том, как сохранить гуманистические ценности в условиях, когда насилие становится инструментом коммуникации, а страх — универсальным языком, формирующим общественное сознание. Более того, идеология терроризма часто использует манипулятивные нарративы, эксплуатирующие социальные травмы, такие как колониальное прошлое или экономическая депривация, чтобы оправдать насилие как форму сопротивления [7]. Это делает терроризм не просто актом агрессии, но и социальным конструктом, требующим философского анализа для понимания его корней и механизмов.

ФОРМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ТЕРРОРИЗМА

Современные формы терроризма, особенно кибертерроризм, добавляют новую глубину к этой проблеме, поднимая вопросы о границах человеческой идентичности, технологической уязвимости и этической ответственности в цифровую эпоху. Кибертерроризм, использующий цифровые технологии для пропаганды, дезинформации, атак на критическую инфраструктуру и психологического воздействия, радикально меняет традиционное понимание терроризма [1]. В отличие от физического насилия, кибертерроризм действует в виртуальном пространстве, но его последствия — экономические, психологические и социальные — вполне реальны. Философски кибертерроризм ставит вопрос о том,

где проходит грань между человеком и машиной, способной сеять хаос, и как общество может защитить свою идентичность в условиях цифровизации. Современные технологии стали причиной социальных трансформаций, позволивших одиночным субъектам осуществлять действия, которые раньше требовали слаженной работы целых групп.

Философский аспект здесь заключается в утрате контроля над технологической реальностью: если технологии становятся инструментами насилия, то как человечество может сохранить этическую ответственность за их использование? Более того, кибертерроризм поднимает вопросы о природе виртуального пространства как новой арены конфликта, где границы между реальным и воображаемым стираются, а анонимность усиливает безнаказанность [1]. Это делает кибертерроризм не только технической, но и философской проблемой, требующей переосмысления понятий свободы, безопасности и идентичности.

Последствия терроризма для социальной ткани общества носят многоуровневый и долговременный характер. Помимо очевидного физического и экономического ущерба, терроризм порождает культуру страха, трансформирующую коллективное сознание, делая общество более восприимчивым к радикальным идеям и поляризации [4]. Страх, вызываемый террористическими актами, разрушает социальную солидарность, усиливает недоверие к «чужим» и провоцирует рост ксенофобии и национализма. Философы отмечают, что терроризм способствует этическому релятивизму, где границы между добром и злом размываются, а борьба с терроризмом может привести к ограничению гражданских свобод и усилению авторитарных тенденций [5]. Например, усиление мер безопасности после крупных терактов часто приводит к ужесточению контроля над гражданами, что вызывает философские вопросы о балансе между свободой и безопасностью. В России, где законодательство о противодействии терроризму подчеркивает принцип «никаких переговоров с террористами» [8], эта дилемма особенно актуальна: как сохранить демократические ценности, не жертвуя эффективностью борьбы с угрозой? Более того, терроризм оказывает долгосрочное воздействие на экономическое развитие, усиливая социальное неравенство и маргинализацию, что, в свою очередь, создает новые предпосылки для радикализации. Философский анализ этих последствий подчеркивает, что терроризм — это не только внешняя угроза, но и симптом внутренних социальных патологий,

таких как отчуждение, несправедливость и утрата коллективных ценностей.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ

Противодействие терроризму с социально-философской точки зрения требует комплексного подхода, выходящего за рамки репрессивных мер и ориентированного на устранение коренных причин этого феномена. Профилактика радикализма через образование³, межкультурный диалог и устранение социальных неравенств является ключевым элементом. Философы подчеркивают необходимость международного сотрудничества, основанного на общих этических принципах, признающих терроризм глобальной угрозой, требующей коллективного ответа [9]. В этом контексте важна концепция превентивной этики, предполагающая устранение социальных и экономических причин терроризма до того, как они перерастут в насилие. Например, программы по дерадикализации молодежи, успешно применяемые в ряде стран, показывают, что *воспитание критического мышления и развитие толерантности могут снизить привлекательность радикальных идеологий* [10]. Философская рефлексия здесь направлена на поиск

³ Авакьян М.В. Методические рекомендации по профилактике распространения идеологии терроризма и экстремизма: учебное электронное издание. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта; 2023. URL: https://krufarhiv.ru/docs/2023_12_14/metodicheskie-rekomendatsii-po-profilaktike-rasprostraneniya-ideologii-terrorizma-i-ekstremizma.pdf?ysclid=mg7wpynghz351536019

нового общественного консенсуса, где гуманизм, солидарность и ответственность станут основой для преодоления отчуждения. В России, например, акцент на превентивных мерах, таких как мониторинг радикальных сообществ и образовательные инициативы, отражает попытку интегрировать философские принципы в практическую политику [8]. Однако истинное *разрешение проблемы требует не только локальных усилий, но и глобального переосмысления социальных структур, чтобы устранить почву для насилия.*

ВЫВОДЫ

В заключение, терроризм как социально-философская проблема — один из наиболее сложных вызовов современности, требующих не только практических мер, но и глубокого переосмысления общественных ценностей. Он выявляет хрупкость человеческого бытия, заставляя задуматься о природе зла, свободе воли, этической ответственности и роли технологий в формировании социальной реальности. Только через интеграцию философских идей в социальную практику — от образования и диалога до международного сотрудничества — можно построить мир, где терроризм утратит свою идеологическую и социальную основу. Философское осмысление терроризма позволяет не только понять его природу, но и найти пути к созданию общества, основанного на гуманизме, справедливости и солидарности.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований ФИ-27 «Обеспечение экономического роста в условиях глобальных геоклиматических и когнитивных (духовно-нравственных) сдвигов», выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации в 2025 г. Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of FI-27 research “Ensuring economic growth in the context of global geoclimatic and cognitive (spiritual and moral) shifts”, carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation in 2025. Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пахомов В.М. Феномен кибертерроризма как глобальная проблема XXI века. *Молодой ученый*. 2024;19(518):194–195. URL: <https://elibrary.ru/eyofdl>
2. Барышников С.Г. Теоретико-методологические основания общей теории террористической деятельности: социально-философский анализ. Москва: Палеотип; 2011.
3. Соколов И.Л. Подходы к проблеме философского осмысления терроризма. *Россия и современный мир*. 2021;2(111):155–168. DOI: 10.31249/rsm/2021.02.10

4. Пинчук А.Ю. Кибертерроризм как актуальная проблема современного мирового порядка. *Теории и проблемы политических исследований*. 2018;7(5A):88–95. URL: <https://www.elibrary.ru/vuttqz>
5. Чеботарев В.В., Рубанцова Т.А. Современный терроризм как феномен отчуждения: объективные и субъективные условия формирования. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2019;8(1A):104–113. DOI: 10.25799/AR.2019.41.1.010
6. Тарасов В.В. Философский взгляд на риск терроризма в глобальном современном обществе. *Исторические и социально-педагогические идеи*. 2015;7(3):144–147. DOI: 10.17748/2075–9908.2015.7.3.144–1475.
7. Седых Н.С. Социальные последствия терроризма в контексте глобализационных процессов современности. Автореф. дисс... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону; 2006. URL: <https://www.elibrary.ru/nkejgr>
8. Тютрина А.П. Терроризм: понятие и противодействие. *Молодой ученый*. 2021;10(352):125–127. URL: <https://elibrary.ru/erikgr>
9. Мажуга С.Н. Современная геостратегия Российской Федерации в условиях становления нового мирового порядка: сб. трудов конференции. Кубинка, 2024. Москва: ИД «УМЦ»; 2024. 488 с. URL: <https://www.elibrary.ru/pkqmts>
10. Журавлев О.Г. О проблеме борьбы с терроризмом. *Молодой ученый*. 2020;S49–1(339.1):9–10. URL: <https://elibrary.ru/vstfrc>

REFERENCES

1. Pakhomov V.M. The phenomenon of cyberterrorism as a global problem of the 21st century. *Young scientist*. 2024;19(518):194–195. URL: <https://elibrary.ru/eyofdl> (In Russ.).
2. Baryshnikov S.G. Theoretical and methodological foundations of the general theory of terrorist activity: a socio-philosophical analysis. Moscow: Paleotype; 2011. (In Russ.).
3. Sokolov I.L. Approaches to the problem of philosophical understanding of terrorism. *Russia and the modern world*. 2021;2(111):155–168. (In Russ.). DOI: 10.31249/rsm/2021.02.10
4. Pinchuk A. Y. Cyberterrorism as an urgent problem of the modern world order. *Theories and problems of political research*. 2018;7(5A):88–95. URL: <https://www.elibrary.ru/vuttqz> (In Russ.).
5. Chebotarev V.V., Rubantsova T.A. Modern terrorism as a phenomenon of alienation: Objective and subjective conditions of formation. *Context and reflection: philosophy of the world and man*. 2019;8(1A):104–113. (In Russ.). DOI: 10.25799/AR.2019.41.1.010
6. Tarasov V.V. A philosophical view on the risk of terrorism in a global modern society. *Historical and socio-pedagogical ideas*. 2015;7(3):144–147. (In Russ.). DOI: 10.17748/2075–9908.2015.7.3.144–147.
7. Sedykh N.S. Social consequences of terrorism in the context of modern globalization processes. Abstract. diss... Cand. Sci. (Philos.). Rostov-on-Don; 2006. URL: <https://www.elibrary.ru/nkejgr> (In Russ.).
8. Tyutrina A.P. Terrorism: the concept and counteraction. *Young scientist*. 2021;10(352):125–127. URL: <https://elibrary.ru/erikgr> (In Russ.).
9. Mazhuga S.N. Modern geostrategy of the Russian Federation in the context of the formation of a new world order: Proceedings of the conference. Kubinka, 2024. Moscow: Publishing house “UMTS”; 2024. 488 p. URL: <https://www.elibrary.ru/pkqmts> (In Russ.).
10. Zhuravlev O.G. On the problem of combating terrorism. *Young scientist*. 2020;S49–1(339.1):9–10. URL: <https://elibrary.ru/vstfrc> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Павел Сергеевич Селезнев — доктор политических наук, доцент, декан факультета международных экономических отношений, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Pavel S. Seleznev — Dr. Sci. (Politology), Assoc. Prof., Dean of the Faculty of International Economic Relations, Prof. of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
 pseleznev@fa.ru

Заур Елишадович Абдурагимов — председатель Федерации служебно-прикладной подготовки силовых структур «К-9» и специалистов органов безопасности «Кремль-9», Москва, Российская Федерация
Zaur E. Abduragimov — Chairman of Federation of Service and Applied Training for Law Enforcement Agencies “K-9” and Security Specialists “Kremlin-9”, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0000-5304-4240>
abduragim.zaur@dmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 26.09.2025; принята к публикации 01.10.2025.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article received on 26.09.2025; accepted for publication on 01.10.2025.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-139-146

УДК 372.8:378.147(045)

Использование проектной методики при обучении английскому языку в вузе

О.И. Максимова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой обзор научных публикаций, посвященных исследованию проектной деятельности в контексте педагогической практики. Актуальность исследования обусловлена растущей потребностью в детальном анализе и систематизации накопленного опыта применения проектного метода в процессе обучения иностранным языкам, что особенно важно в условиях цифровизации образования и глобализации. В работе представлен углубленный экскурс формирования методологии проектного обучения начиная с ее зарождения и заканчивая современными тенденциями развития. Детально рассматривается сущность проектной деятельности, ее теоретические основы и практическое применение в образовательном процессе. Особое внимание уделяется анализу преимуществ групповой работы и проектной методики в сравнении с традиционными подходами к обучению. Автор проводит всесторонний анализ особенностей проектного обучения, выявляет ключевые условия успешной интеграции проектного метода в образовательный процесс, систематизирует этапы подготовки к его внедрению. В статье представлена классификация типологии проектных методов, а также подробно раскрывается трансформационная роль преподавателя в условиях проектного обучения. На основе анализа практического опыта использования метода проектов в образовательной среде демонстрируется его значимость и актуальность в современных условиях. Исследование подкрепляется конкретными примерами успешной реализации проектных технологий на занятиях по иностранному языку. В заключении работы формулируются выводы о существенном педагогическом потенциале проектной деятельности, ее высокой эффективности и перспективности в контексте модернизации образовательного процесса. Доказывается целесообразность интеграции проектного метода с традиционными подходами к обучению для достижения оптимальных образовательных результатов.

Ключевые слова: проектная деятельность; метод проектов; обучение иностранным языкам; самостоятельная деятельность; организация процесса познания; практико-ориентированная деятельность; коммуникативно-профессиональная направленность

Для цитирования: Максимова О.И. Использование проектной методики при обучении английскому языку в вузе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(5):139-146. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-139-146

ORIGINAL PAPER

Use of Project Methodology in Teaching English at the Higher Education Institution

O.I. Maksimova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article is a review of scientific publications devoted to the study of project activity in the context of pedagogical practice. The relevance of the research is determined by the growing need for a detailed analysis and systematization of the accumulated experience of applying the project method in the process of teaching foreign languages, which is especially important in the conditions of digitalization of education and globalization. The paper presents an in-depth excursus of the formation of the methodology of project-based learning, starting from its inception and ending with modern development trends. The essence of project activity, its theoretical foundations and practical implementation in the educational process are discussed in detail. Special attention is paid to analyzing the advantages of group work and project methodology in comparison with traditional approaches to teaching. The author provides a comprehensive analysis of the features of project-based learning, identifies the key factors of successful integration of the project method into the educational process, systematizes the stages of preparation for its implementation. The article presents the classification

of the typology of project methods and details the transformational role of the teacher in the context of project-based learning. Based on the analysis of practical experience of using the project method in the educational environment, its significance and relevance in modern conditions are demonstrated. The study is supported by practical examples of successful implementation of project technologies in foreign language classes. The paper makes conclusions about the significant pedagogical potential of project activity, its high efficiency and prospects in the context of modernization of the educational process. The expediency of integration of the project method with traditional approaches to teaching to achieve optimal educational results is proved.

Keywords: project activity; project method; teaching foreign languages; independent activity; organization of the learning process; practice-oriented activity; communicative and professional orientation

For citation: Maksimova O.I. Use of project methodology in teaching English at the higher education institution. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(5):139-146. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-139-146

ВВЕДЕНИЕ

Внедрение новых педагогических технологий в преподавании в высшей школе может значительно повысить эффективность образовательной системы в целом. Одним из таких направлений развития образования является использование проектной деятельности студентов.

Исследователи отмечают, что метод проектов способствует «развитию самостоятельности, критичности и системности мышления, творческой активности и познавательного интереса, развитию коммуникативных способностей, стремлению активно приобретать знания из различных источников, стимулированию личностного саморазвития и профессионального самовоспитания» [1, с. 139].

Использование проектного метода предоставляет широкие возможности. Оно позволяет:

- включать студентов в реальную практико-ориентированную деятельность, направленную на поиск определенной информации, ее организацию и презентацию с использованием иностранного языка;
- индивидуализировать и дифференцировать процесс обучения и воспитания, одновременно обеспечивая социализацию и саморазвитие студентов в различных средах: языковой, культурной, социальной и т.д.;
- предоставлять каждому студенту «пространство» для самостоятельного нравственного выбора содержания и способов деятельности;
- осуществлять воспроизводство собственной субъектности каждой личности, что, в нашем понимании, означает развитие интеллектуальных, учебных, трудовых, эстетических умений и навыков;
- развивать эмоциональную сферу студента благодаря возможности использовать свои склонности и способности работать в сотрудничестве с членами группы, создавая ощущение успеха, что повышает мотивацию обучения иностранному языку и способствует процессу культурной идентификации личности;

- стимулировать развитие рефлексии и умений планировать работу;

- осознавать свою социальную значимость для других членов группы, так как от выполнения определенных заданий каждого участника проекта зависит результат общей работы [1, с. 139].

В случае обучения иностранным языкам «образовательные проектные задания опираются на общие закономерности когнитивной деятельности обучающихся. В процессе реализации проекта возникают условия, способствующие развитию коммуникативной, лингво- и социокультурной компетенций. При этом когнитивная деятельность обучающегося в проекте, помимо всего прочего, должна быть направлена на овладение иноязычной культурой и отличаться специфическими особенностями, такими как:

- использование иностранного языка в ситуациях, максимально приближенных к условиям реального общения;
- отбор языкового материала;
- реализация связей между иностранным языком и собственным миром обучающегося и др.» [2, с. 41].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. История формирования метода проекта

Образовательные проекты как один из методов обучения стали использоваться в США во второй половине XIX в. В основе проектной технологии лежали идеи гуманистического направления в образовании. Основные принципы этой технологии были разработаны американскими педагогами Дж. Дьюи и У. Килпатриком.

Суть метода проектов состояла в стимулировании интереса учащихся к определенным проблемам, предполагающим владение некоторой суммой знаний, и через проектную деятельность, предусматривающую одну или целый ряд проблем, показывающих практическое применение полученных знаний. Ученики самостоятельно или совместными усилиями в группе должны были ее разрешить,

применив необходимый опыт из разных областей науки, и получить реально ощутимый результат. Роль преподавателя сводилась к оказанию им помощи в исполнении запланированного. Системообразующей дидактической единицей учебного процесса становилась взятая из реальной жизни и лично значимая для учащихся проблема.

В России практика проектного обучения стала внедряться в преподавание С. Т. Шацким в начале XX в. Позже такая образовательная политика не вописалась в единое образовательное пространство СССР, поэтому постановлением ЦК ВКП(б) «О педагогических извращениях в системе Наркомпроса» в 1936 г. метод проектов был осужден, в стране ввели единый учебный план, был осуществлен переход на предметное преподавание основ наук, пятибалльную систему оценки знаний.

В новейшей отечественной истории проектная методика, или метод проектов, стала снова внедряться в преподавание с конца 90-х гг., когда смена общественно-экономической формации привела к изменению взгляда на сущность человека и его роль в обществе. Но смена образовательной парадигмы не повлияла на изменение целей образования и воспитания с сохранением традиционных для прежней системы социализации личности учащегося. В этих условиях проектная методика оказалась адекватным времени механизмом социализации, который давал молодым людям возможность творческой и личностной самореализации [3, с. 62].

2. Суть проектной деятельности

Метод проектов — это совокупность приемов, операций овладения определенной областью практического или теоретического знания, способ организации процесса познания. Поэтому, если говорится о методе проектов, то имеется в виду способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы (технологии), которая должна завершиться вполне реальным практическим результатом. В основу метода положена идея, составляющая суть понятия «проект». Метод проектов ориентирован на самостоятельную деятельность студентов — индивидуальную, групповую, парную, которую студенты выполняют в течение определенного отрезка времени. При этом стержнем проектирования является связь замысла с воплощением, а не просто самостоятельное достижение результата [3, с. 63].

Суть этой деятельности заключается в «предоставлении обучающимся возможности самостоятельного приобретения знаний в процессе решения практических задач (проблем) преимущественно

с коммуникативно-профессиональной направленностью, которые требуют интеграции сведений из различных предметных областей с обязательной презентацией результатов проведенной деятельности. Для достижения этой цели предполагается применение определенной совокупности: учебно-познавательных, исследовательских, поисковых приемов и проблемных методов, творческих в своей основе, где студенты могут самостоятельно или в группах искать необходимую им информацию» [4, с. 92].

Собственно, «материализованным продуктом проектирования является учебный проект, который определяется как самостоятельно принимаемое учащимися решение проблемы. В проекте наряду с научной (познавательной) стороной решения всегда присутствует эмоционально-ценностная (личностная) и творческая стороны. Именно эмоционально-ценностный и творческий компоненты содержания определяют, насколько значим для учащихся проект и насколько самостоятельно он выполнен»¹. То есть сущность и роль метода проекта заключается в «развитии познавательных интересов, практических умений и формировании личностных качеств» [5, с. 59].

3. Преимущества групповой работы

Одна из главных задач при использовании проектного метода — обеспечение единства действий участников. Эта общность может быть обеспечена при условии наличия единого замысла и командного типа работы студентов группы.

Когда работа со студентами проводится в группе, все участники группы объединены общими целями и задачами совершенствования и обогащения социальных навыков и умений. Групповая форма работы позволяет участникам:

- приобрести навыки более искреннего, глубокого, свободного общения;
- преодолевать трудности речевого общения;
- развивать формы словесного говорения, которые будут функционировать в реальной жизни;
- развивать ценностные ориентиры (коммуникабельность, предприимчивость, самостоятельность, организационную и управленческую компетентность, конвенциональность, законность).

При этом иностранный язык является не только предметом обучения, но и способом адаптации и социализации студентов в вузе, так как на за-

¹ Загрекова Л.В., Николина В.В. Теория и технология обучения: учеб. пособие для студентов вузов. Москва: Высшая школа; 2004. 156 с.

нятиях происходит моделирование социального взаимодействия в малой группе в ходе учебного процесса [3, с. 64].

4. Особенности проектного обучения

Наиболее существенными особенностями проектного обучения являются его диалогичность, проблемность, интерактивность, контекстность. Эти особенности являются также основными характеристиками коммуникативного подхода при обучении иностранным языкам, при котором роль преподавателя сводится к минимуму, а совместная работа студентов в группе над проектом выходит на первый план.

Диалогичность позволяет учащимся в процессе выполнения проекта вступать в диалог как с собственным «Я», так и с другими. Именно в диалоге осуществляется «свободное самооткровение личности» [6, с. 403].

Проблемность возникает при разрешении проблемной ситуации, которая обуславливает начало активной мыслительной деятельности, проявление самостоятельности у учащихся, поскольку они обнаруживают противоречие между известным им содержанием и невозможностью объяснить новые факты и явления. Решение проблемы нередко приводит к оригинальным, нестандартным способам деятельности и результату.

Интегративность проектной технологии «означает оптимальный синтез сложившихся концепций усвоения знаний и теорий обучения» [7, с. 39].

Контекстность в проектной деятельности позволяет создавать проекты, приближенные к естественной жизнедеятельности студентов, осознавать место изучаемой ими науки в общей системе человеческого бытия [3, с. 65].

5. Методика работы

с использованием проектного метода обучения

Первым шагом к разработке проекта должно являться формирование группы/групп. Желательно, чтобы это происходило с учетом психологической совместимости и разной степени владения иностранным языком. Далее происходит распределение ролей. Каждый студент получает самостоятельный участок работы в проекте.

«В процессе выполнения проекта студенты приходят к выводу, что от успеха каждого зависит успех всего проекта, поэтому каждый участник активно включается в поиск новой информации, иначе это можно назвать «добывание знаний». А это большой стимул к активному усвоению знаний. Овладевая культурой выполнения проектных заданий, студент

приучается творчески мыслить, самостоятельно планировать свои действия, прогнозируя возможные варианты решения стоящих перед ним задач, реализовывать усвоение им средств и способов работы. Работая над проектом, студент учится работать в «команде», ответственно относиться к выполнению своего задания, оценивать результаты своего труда и труда своих товарищей. Он также выступает и как социальное лицо, соотносящее свои личные интересы с общественными, и как творческое лицо, способное предложить новые решения отдельных жизненных проблем» [8, с. 140].

6. Условия подготовки

к использованию метода проектов

Следует помнить, что, для того чтобы выполнить все задания проекта, студенты должны владеть определенными интеллектуальными, творческими и коммуникативными умениями. К ним можно отнести умение работать с текстом (выделять главную мысль, вести поиск нужной информации), анализировать информацию, делать обобщения и выводы, работать с различными справочными материалами. К творческим умениям можно отнести умение генерировать идеи (для этого требуются знания из различных областей).

Для эффективного использования метода проектов требуется значительная подготовка, осуществлять которую необходимо в целостной системе обучения в вузе. «Такая подготовительная работа должна проводиться постоянно, систематически и параллельно с работой над проектом. Если преподаватель решил при изучении какого-то раздела или вопроса использовать метод проектов, он должен все тщательно продумать, разработать, просчитать: четко определить учебные задачи, продумать, какую помощь можно оказать студентам, не предлагая готовых решений. На всех этапах учебного занятия преподаватель должен инициировать самостоятельную поисковую, творческую деятельность студентов, направлять на определение проблемы, составляющей основу данного проекта, и поиск путей ее решения» [9, с. 123].

Организуя работу над проектом, важно соблюсти следующие условия:

- студентов необходимо ориентировать на сопоставление и сравнение событий, фактов из истории и жизни людей разных национальностей и разных стран, подходов к решению тех или иных проблем и т.д.;
- проблема, предлагаемая студентам, формулируется так, чтобы ориентировать студентов на

привлечение, по возможности, аутентичных источников информации;

- оформление проекта должно быть разнообразным;
- тематика должна быть близка и интересна студентам;
- желательно, чтобы проект был связан с будущей профессией студентов;
- студенты должны быть сориентированы на привлечение фактов из смежных областей знаний.

Каждый выбранный проект предполагает выработку своей стратегии и тактики выполнения, организации деятельности студентов, оценивания результатов работы [1, с. 141].

7. Этапы подготовки к использованию метода проектов

Вне зависимости от того, в каком качестве проект организуется, в структуре его проведения должны быть соблюдены следующие этапы:

1. Создание ситуаций, которые дают возможность выявить проблемы по конкретной тематике: изучение словарного состава, грамматических структур, активация материала в лексических и грамматических упражнениях.
2. Поиск и обоснование возможных путей решения проблемы.
3. Определение способов верификации путей решения проблемы, преимущества и недостатки каждого из них.
4. Распределение задач, ролей: формирование творческих групп.
5. Работа над поиском фактов, аргументов, подтверждающих или опровергающих гипотезу, поиск и подбор материала в различных источниках, использование аутентичного материала (не менее одного) для большей достоверности данных.
6. Защита проектов с оппонированием со стороны всех присутствующих.
7. Прогнозирование новых проблем [10, с. 216].

8. Типология проектной деятельности

Типология проектной деятельности по форме, способу, методу ее внедрения в процесс формирования иноязычной компетенции многоаспектна. Это связано с тем, что данный метод обучения воссоздает самостоятельную когнитивную деятельность человека и позволяет решать как образовательные, так и коммуникативные задачи. Наиболее распространены следующие виды проектов:

- внеаудиторная работа (конкурсы, круглые столы, исследовательская игра и др.);

- аудиторная работа:

- интеграция в качестве дополнительного ресурса в основной курс (индивидуальные, деловая игра, парные, групповые творческие исследовательские задания, кейс-метод и др.);
- альтернативный способ организации основного курса (весь необходимый языковой материал изучается в рамках реализации конкретного проекта) [10, с. 216].

9. Роль преподавателя

Как уже отмечалось, метод проектов — это «целенаправленная, в целом самостоятельная деятельность студентов, осуществляемая под гибким руководством преподавателя, направленная на решение социально значимой прагматической проблемы и на получение конкретного результата» [1, с. 139].

Между участниками проекта, преподавателем и обучающимися, формируется педагогическое взаимодействие, которое достигается путем:

- признания обучающегося центральной действующей фигурой образовательного процесса;
- реализации дифференцированного подхода как к уровню сложности материала, который необходимо подготовить в зависимости от уровня студентов, так и к способности его усвоения;
- подготовки преподавателя к созданию адекватной образовательной среды [10, с. 216].

При применении проектного метода преподавателю отводится роль тьютора, наставника, эксперта, дополнительного источника информации. Преподаватель направляет и координирует обучающихся, поддерживает вариативный ход урока, помогает в поисках альтернативных источников адекватной информации, поощряет в обучающихся стремление к лидерству, сотрудничеству, взаимодействию, созданию и размещению собственной информации как результата их самостоятельной познавательной деятельности.

Он стремится укреплять атмосферу любознательности, брейнсторминга, проблемности, открытых вопросов, не отделяя знание от процесса поиска, развивает навыки осуществления публичных выступлений, адекватной коммуникации с партнерами по дискуссии в условиях вербального и невербального общения, формулирует задания в коммуникативно-деятельностном, функциональном ключе, подключает инновационные формы оценки, стимулирует ясное и логичное изложение обучающимися достигнутых результатов, постоянно вводит элементы прагматики, концентрирует внимание учащихся на функциональности их активности для будущей

профессионально-ориентированной деятельности, карьеры, жизни [10, с. 216].

Проектная деятельность является способом организации образовательного пространства студентов. В этих условиях преподаватель выполняет только функции управления и коррекции их деятельности. Они сами ставят перед собой задачи, планируют и решают, осуществляют контроль своих действий и оценку своего результата, сами определяют свою индивидуальную образовательную траекторию [3, с. 63].

10. Из опыта использования проектного метода работы на занятии

Хотя некоторые исследователи считают, что заблаговременная подготовка обучающихся к использованию метода проектов не является необходимой, автор статьи полагает, что предварительная работа обязательна. Крайне важно на подготовительном этапе помочь студентам развить их творческие и коммуникативные навыки, расширить кругозор, привить стремление к познанию, анализу, сравнению и сопоставлению. Без этой работы проектная деятельность едва ли окажется полноценной и успешной.

Доказательством этому служит пример работы автора со студентами второго курса, обучающимися по направлению «Политология», профиль «Мировая политика». Уровень владения английским языком у обучающихся в группе достаточно высок (В 2–С 1), но главным в данном случае является тот факт, что с самого начала обучения в вузе будущие политологи неоднократно принимали участие в различных внеаудиторных мероприятиях. Это были, например, конкурс «Традиции политического манипулирования», состоявшийся в рамках Недели иностранного языка на факультете социальных наук и массовых коммуникаций, и обсуждение фильма *Forrest Gump*, проводимое в интерактивном клубе *Finglish*, созданном на базе кафедры английского языка и профессиональной коммуникации. И хотя эти мероприятия нельзя считать полноценным примером собственно проектного метода, его элементы, безусловно, использовались. Они помогли мотивировать студентов, сплотить и увлечь группу, создать атмосферу доверия и взаимного уважения к чужому мнению, вызвать интерес к совместной деятельности.

Поэтому, когда в 2024 г. завершились президентские выборы в США и представилась возможность повторить и отработать на занятии в рамках темы «Elections» такие лексические единицы, как *constituency*, *swing state*, *rust belt* и др., в качестве домашнего задания студентам была предложена

подготовка сообщений в рамках темы «Elections in the USA: how electoral college works». Тематику сообщений и их последовательность обучающимся надлежало разработать самим.

Итогом этого задания стал детальный анализ прошедших выборов. Практически все сообщения сопровождалось статистической информацией, представленной на слайдах, каждое выступление вызвало неподдельный интерес одноклассников, оживленную дискуссию с вопросами, комментариями и оппонированием с мест. Помимо ключевой темы «Коллегия выборщиков» студенты рассмотрели такие аспекты выборов, как политические и психологические портреты основных кандидатов и кандидатов третьих партий, взгляд и реакцию демократической партии на победу республиканцев, распределение мест в Конгрессе, результаты голосования в колеблющихся штатах и штатах промышленного Среднего Запада, влияние результатов выборов на международные отношения.

Последнее выступление, подводящее итоги обсуждения, было сделано двумя студентами, которые обобщили и систематизировали всю прозвучавшую информацию, отметив сложность, неоднозначность и во многом запутанность избирательной системы США, и сделали предположение о ее использовании в будущем, рассмотрев возможные сценарии развития событий. Таким образом, совместная работа студентов явила собой успешный проект по тематике, им близкой и интересной, связанной с их будущей профессией, с привлечением аутентичных источников информации, с распределением ролей и самостоятельным участком работы каждого участника. Сообщения всех 13 студентов группы с последующим обсуждением и заключением заняли 2 академических часа.

Разительным контрастом этого занятия стал семинар в другой группе второкурсников, обучающихся на этом же направлении: сообщения студентов носили формальный характер, «для галочки», были разрознены, не сопровождалось визуальным материалом, не вызывали отклика и интереса одноклассников. Причину такой ситуации автор видит в том, что за время обучения у этой группы не было опыта участия в мероприятиях, которые могли бы служить базой для подготовки обучающихся к использованию метода проектов.

ВЫВОДЫ

Перспективность использования технологии проектирования профессионально-личностного пространства на уроках иностранного языка объясняется тем,

что она связывает процесс овладения определенным предметным знанием с реальным использованием этого знания. Причем комплексный, интегративный характер проектной работы позволяет студенту выстраивать единую картину овладения профессией, собирая для этого свои знания, полученные при изучении различных предметов по своей специальности. Это означает, что осваиваемые в учебном процессе знания, умения и навыки перестают быть разрозненными, они интегрируются через овладение иностранным языком. При этом существенно то, что ориентация на создание своего проекта как личностного образовательного продукта делает процесс овладения предметным знанием личностно значимым для студента, личностно мотивированным [3, с. 64].

Результативность использования метода проектов в процессе формирования иноязычной компетенции была протестирована в ходе эксперимента. Были выделены две группы студентов: экспериментальная

и контрольная. В экспериментальной группе на занятиях по иностранному языку активно использовался метод проектов. В контрольной группе акцент был сделан на традиционные методы обучения. В ходе исследования выяснилось, что показатели сформированности иноязычной компетенции у студентов, которые были привлечены к проектной деятельности, в среднем оказались на 25–30% выше, чем у студентов контрольной группы [10, с. 216].

Таким образом, применение метода проектной деятельности на занятиях по иностранному языку имеет огромный педагогический потенциал и может успешно применяться наравне с традиционными методами обучения. Проектная деятельность может стать для студентов «центром, который удерживает вокруг себя разные виды деятельности (учебную, трудовую, игровую), формирует интерес к интеллектуальному развитию и социальной активности» [3, с. 65].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коньшева А.В. Проектная методика в контексте социально-значимого взаимодействия преподавателя и студентов на занятиях по иностранному языку. В сб.: Пути, тенденции и направления развития социальной сферы. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова; 2009:139–141. URL: <https://www.elibrary.ru/icjmg>
2. Калашникова Н.А. Компетентностный подход в подготовке магистров. В сб.: Языковые и профессиональные компетенции преподавателей и студентов в экономическом вузе. Москва: 2016:39–44. URL: <https://www.elibrary.ru/wddhaj>
3. Муталалова А.Х. Проектная деятельность как способ социализации студентов на занятиях по иностранному языку в вузе. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016;12(4):62–65. URL: <https://www.elibrary.ru/xecdst>
4. Калашникова Н.А. Формирование и развитие профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции студентов направления «Реклама и связи с общественностью» в процессе проектной деятельности. В сб.: Гуманитарное образование в экономическом вузе. Москва: 2015:90–97. URL: <https://www.elibrary.ru/ypfrjj>
5. Марченко А.А. Метод проектов как творческое стимулирование деятельности младшего школьника. *Педагогика и психология образования*. 2018;4:59–65. URL: <https://www.elibrary.ru/ytnvfj>
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство; 1979. 423 с. URL: <https://www.elibrary.ru/vqmufp>
7. Матяш Н.В. Проектный метод обучения в системе технологического образования. *Педагогика*. 2000;4:38–43. URL: <https://www.elibrary.ru/zaphkp>
8. Метод проектов. Серия «Современные технологии университетского образования»; выпуск 2. Белорусский государственный университет. Центр проблем развития образования. Республиканский институт высшей школы БГУ. Минск: РИВШ БГУ; 2003. 240 с. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/11590/1/metod_of_projects.pdf
9. Коньшева А.В. Теория и методика организации самостоятельной работы по иностранному языку студентов технических специальностей (на материале английского языка). Монография. Новополоцк: ПГУ; 2006. 292 с. URL: <https://www.elibrary.ru/ysyorn>
10. Година Д.Х., Кардович И.К., Коробова Е.В., Ярославская И.И. Методологические аспекты метода проектов при обучении иностранному языку в экономическом вузе. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2019;25(1):215–218. URL: <https://www.elibrary.ru/rlvqiq>

REFERENCES

1. Konysheva A. V. Project methodology in the context of socially significant interaction between teachers and students in foreign language classes. In the collection: Ways, trends and directions of social sphere development. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2009:139–141. URL: <https://www.elibrary.ru/icjmjg> (In Russ.).
2. Kalashnikova N. A. Competence-based approach in the preparation of masters. In the collection: Language and professional competencies of teachers and students at the University of Economics. Moscow: 2016:39–44. URL: <https://www.elibrary.ru/wddhaj> (In Russ.).
3. Mutalapova A. H. Project activity as a way of socialization of students in foreign language classes at the university. *Actual problems of the humanities and natural sciences*. 2016;12(4):62–65. URL: <https://www.elibrary.ru/xecdst> (In Russ.).
4. Kalashnikova N. A. Formation and development of professionally oriented foreign language communicative competence of students in the field of “Advertising and public relations” in the process of project activity. In collection: Humanitarian education at the University of Economics. Moscow: 2015:90–97. URL: <https://www.elibrary.ru/ypfrjj> (In Russ.).
5. Marchenko A. A. The project method as a creative stimulation of the activity of a younger student. *Pedagogy and psychology of education*. 2018;4:59–65. URL: <https://www.elibrary.ru/ytnvfj>
6. Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Iskusstvo; 1979. 423 p. URL: <https://www.elibrary.ru/vqmufp> (In Russ.).
7. Matyash N. V. The project method of teaching in the system of technological education. *Pedagogy*. 2000;4:38–43. URL: <https://www.elibrary.ru/zaphkp> (In Russ.).
8. The project method. Series “Modern technologies of university education”; issue 2. Belarusian State University. The Center for Educational Development Problems. Republican Institute of Higher Education of BSU. Minsk: RIVSH BSU; 2003. 240 p. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/11590/1/metod_of_projects.pdf (In Russ.).
9. Konysheva A. V. Theory and methodology of organizing independent work in a foreign language for students of technical specialties (based on the material of the English language). Monograph. Novopolotsk: PSU; 2006. 292 p. URL: <https://www.elibrary.ru/ysyorn> (In Russ.).
10. Godina D. H., Kardovich I. K., Korobova E. V., Yaroslavskaya I. I. Methodological aspects of the project method in teaching a foreign language at an economic university. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2019;25(1):215–218. URL: <https://www.elibrary.ru/rlviqq> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ольга Игоревна Максимова — старший преподаватель кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Olga I. Maksimova — Senior Lecturer, Department of English Language for Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-7096-4724>

imaksimova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 08.08.2025; принята к публикации 09.09.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 08.08.2025; accepted for publication 09.09.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-147-154
УДК 94(47).083:316.346.2-053.2(045)

Социальные девиации в супружеских союзах династии Романовых: анализ причин и последствий неравнородных браков

Л.А. Грицай

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется феномен неравнородных (morganatic) браков в династии Романовых, рассматриваемый как форма социальной девиации, которая, несмотря на свое юридическое признание, противоречила устоявшимся династическим традициям Российской империи. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью влияния morganatic браков на внутрдинастические отношения, политическую стабильность монархии и восприятие императорской семьи в обществе, особенно в контексте кризисных явлений конца XIX — начала XX в. В научной литературе данная проблема преимущественно рассматривалась либо в биографическом ключе, либо с точки зрения правовых аспектов, в то время как комплексный анализ социальных последствий таких союзов оставался вне поля зрения исследователей. Целью статьи является выявление исторических причин возникновения института неравнородного брака в России, определение его значения в династической политике дома Романовых и анализ социальных последствий таких союзов для внутрдинастических отношений и общественного восприятия императорской семьи. Методологическая основа исследования включает историко-генеалогический анализ брачных союзов членов императорского дома, сравнительно-правовой метод, позволяющий оценить эволюцию законодательства о неравнородных браках, а также социокультурный подход, который позволяет выявить изменения в восприятии подобных союзов российским обществом. Источниковая база включает законодательные акты Российской империи, дневниковые записи, переписку представителей династии, а также воспоминания современников. Результаты исследования показывают, что в Российской империи институт династического брака был установлен в эпоху Петра I и являлся важным инструментом внешнеполитической стратегии, тогда как неравнородные (morganatic) союзы, появившиеся в XIX в., первоначально воспринимались как исключение, но к концу столетия приобрели массовый характер. Анализируя динамику этих процессов, автор приходит к выводу, что рост числа неравнородных браков в конце XIX — начале XX в. свидетельствует о разложении традиционной модели династического брака, что, в свою очередь, отразило глубокий идеологический и социальный кризис внутри императорской семьи. Выводы исследования позволяют уточнить природу кризисных явлений в Российской империи в преддверии революционных потрясений, дополняя существующие концепции внутрполитического и идеологического упадка. Данные, полученные в ходе анализа, подтверждают гипотезу о том, что неравнородные браки стали маркером изменений в социальной идентичности Романовых, что снижало их легитимность в глазах общества.

Ключевые слова: российская императорская фамилия; Дом Романовых; неравнородные браки; династические браки; социальная стратификация; социальные девиации в брачных союзах

Для цитирования: Грицай Л.А. Социальные девиации в супружеских союзах династии Романовых: анализ причин и последствий неравнородных браков. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(5):147-154. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-147-154

ORIGINAL PAPER

Social Deviations in the Marriage Unions of the Romanov Dynasty: Analysis the Causes and Consequences of Unequal Marriages

L.A. Gritsai

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation

ABSTRACT

The article examines the phenomenon of unequal (morganatic) marriages in the Romanov dynasty, considered as a form of social deviation, which, despite its legal recognition, contradicted the established dynastic traditions of the Russian Empire. The relevance of the work is due to the insufficient study of the influence of morganatic marriages on intra-dynastic relations, the political stability of the monarchy and the perception of the imperial family in society, especially in the context of the crisis phenomena of the late 19th — early 20th century. In the scientific literature, this problem was mainly considered either

© Грицай Л.А., 2025

in a biographical way or from the point of view of legal aspects, while a comprehensive analysis of the social consequences of such unions remained outside the field of view of researchers. The purpose of the article is to identify the historical causes of the institution of unequal marriage in Russia, to determine its significance in the dynastic politics of the House of Romanov and to analyze the social consequences of such unions for intra-dynastic relations and public perception of the imperial family. The methodological basis of the research includes a historical and genealogical analysis of marriage unions of members of the imperial house, a comparative legal method that allows assessing the evolution of legislation on unequal marriages, as well as a socio-cultural approach that allows identifying changes in the perception of such unions by Russian society. The source base includes legislative acts of the Russian Empire, diary entries, correspondence of representatives of the dynasty, as well as memoirs of contemporaries. The results of the study show that in the Russian Empire, the institution of dynastic marriage was established in the era of Peter the Great and was an important tool of foreign policy strategy, while unequal (morganatic) unions that appeared in the 19th century were initially perceived as an exception, but by the end of the century they had become widespread. Analyzing the dynamics of these processes, the author comes to the conclusion that the increase in the number of unequal marriages in the late 19th and early 20th centuries indicates the disintegration of the traditional model of dynastic marriage, which, in turn, reflected a deep ideological and social crisis within the imperial family. The conclusions of the study make it possible to clarify the nature of crisis phenomena in the Russian Empire on the eve of revolutionary upheavals, complementing the existing concepts of domestic political and ideological decline. The data obtained during the analysis confirm the hypothesis that unequal marriages became a marker of changes in the social identity of the Romanovs, which reduced their legitimacy in the eyes of society.

Keywords: Russian imperial family; House of Romanov; unequal marriages; dynastic marriages; social stratification; social deviations in marital unions

For citation: Gritsai L.A. Social deviations in the marriage unions of the Romanov dynasty: Analysis the causes and consequences of unequal marriages. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(5):147-154. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-147-154

ВВЕДЕНИЕ

В конце XIX — начале XX в. члены российской императорской фамилии все чаще стремились заключать не равнородные (династические) браки, как того от них требовали законодательные предписания, а неравнородные (morganatic). То есть они ставили свои личные интересы выше интересов династии и империи, тем самым отказываясь от своего долга служения стране и семье. Поэтому, изучая историю этих неравнородных союзов, мы можем установить отказ некоторых членов императорской фамилии от идеологических рамок существования династии. Фактически речь идет о возникшем внутри императорского дома антагонизме личностных потребностей и общественного долга, возникших на фоне социальных трансформаций.

Как отмечает А. С. Соколов, «в рамках сословной стратификации российского общества и наличия определенных социальных барьеров одним из наиболее востребованных элементов социогенеалогического бытования любого привилегированного рода являлись матримониальные связи» [1, с. 25]. Именно они выполняли функции индикатора престижа рода и обеспечивали Романовым особое положение над всеми сословиями, в том числе и над дворянством. Закреплялось это обстоятельство с помощью браков с представителями королевских домов Европы. Данная система сложилась в XVIII в. и совпала с периодом активного сближения России с европейскими государствами, в таком случае каждый брак с представителями европейских монархий рассматривался в России как шаг к укреплению особого статуса императорского

дома. Первым таким династическим браком принято считать союз старшего сына Петра I Алексея и дочери немецкого герцога Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбюттельской, заключенный 13 октября 1711 г. С этого брака началась история активного вхождения Романовых в европейскую семью монархов [2, с. 108].

Однако Петр I, несмотря на данный династический союз, 19 февраля 1712 г. заключил брак с женщиной низкого происхождения Мартой Скавронской, бывшей пленницей, ставшей в православии Екатериной Алексеевной.

Новые представления о браках особ императорской крови внедрялись в сознание людей того времени. Интересен тот факт, что хотя в XVIII в. не было формальных ограничений для неравнородных браков, предполагаемые союзы монархов и подданных скрывались ради блага государства.

Из мемуаров современников известен случай тайного венчания племянницы Петра Великого (дочери его брата и соправителя Ивана V) Прасковьи с генералом И. И. Дмитриевым-Мамоновым. Предположительно, в этом браке был рожден сын Иван, умерший, вероятнее всего, в 1730 или 1731 годах. Однако даже после смерти предполагаемых супругов о браке объявлено не было [3, с. 43]. Также в мемуарах нашли свое отражение слухи о возможном тайном венчании императрицы Елизаветы Петровны с А. Г. Разумовским [4, с. 94] и тайном венчании Екатерины II с Г. А. Потемкиным [5, с. 107–123]. При этом никаких официальных документов на этот счет не сохранилось.

Как справедливо замечает Д. С. Барташов, уже в начале XIX в. в русской династической практике

и законодательстве был закреплён принцип равноправности браков императоров и членов их семей. В тот момент были урегулированы юридические вопросы в области браков представителей правящей династии [6, с. 64]. При Павле I в 1797 г. появился акт «Учреждение об Императорской фамилии», в котором законодательно были закреплены требования относительно вступления в брак Романовых: это должен был быть равнородный союз, получивший одобрение императора. Данное требование подчеркивало подчиненность всех членов династии воле правящего монарха. В основе династического права лежала австрийская примогенитура [7, с. 232].

Первым официальным неравнородным браком, бросившим вызов действующему законодательству, стал союз разведенного брата императора Александра I Константина с польской графиней Ж. Грудзинской. Сложность данной ситуации заключалась еще и в том, что не имевший сыновей Александр должен был передать престол брату, но Константин категорически отказывался царствовать. Данное обстоятельство вынудило Александра манифестом от 20 марта 1820 г. разграничить равнородные и неравнородные браки и права детей в этих браках [8, с. 129]. Именно в 1820 г. в законодательстве Российской империи и возник феномен «неравнородного брака» — супружеского союза члена императорской фамилии с неравнородным (т.е. не принадлежащим к царствующему дому) лицом. В целом же брак Константина Павловича вызвал большой общественный резонанс в России и позже привел к череде подобных союзов в императорской семье [9, с. 305]. Фактически, речь шла о первой социальной девиации в брачных союзах представителя императорской семьи.

КРИЗИС МОНАРХИЧЕСКОЙ СЕМЬИ: ОТ ТРАДИЦИЙ К ЛИЧНЫМ ВЫБОРАМ

Следует вспомнить, что Российская империя в XIX в. держалась на идеологическом фундаменте (идеи «православия, самодержавия и народности»). Фигуры императора и членов его семьи являлись стержнем этой конструкции. Человек любого сословия должен был выполнять свое предназначение: крестьяне — трудиться на земле, лица духовного звания — молиться Богу, а государи — служить Отечеству, укрепляя его мощь. При этом члены династии не были вольны в выборе профессии (все они должны нести государственно-управленческую или военную службу) и в выборе супругов.

Однако этот устоявшийся порядок после морганатического союза Константина Павловича стал разрушаться, часть членов императорской семьи

отказывались подчиняться заведенному кругу жизни. Свой протест они выражали в отказе от официальных жен и в желании узаконить свои внебрачные отношения. Среди четверых сыновей императора Николая I попытались это сделать трое: Александр, Николай и Константин. Удалось заключить желаемый неравнородный брак только императору Александру. Также в такой тайный брак вступила его родная сестра Мария Николаевна.

Но если Мария Николаевна прибегла к давнему и проверенному способу тайного венчания, состоявшегося в домово́й церкви ее подруги в 1853 г., и ее брак до определенного времени оставался скрытым, то обстоятельства личной жизни ее братьев оказались в публичной плоскости.

Воспитанные В.А. Жуковским в «культе сердца», сыновья Николая I Александр, Николай и Константин открыто жили на две семьи, стремясь узаконить своих внебрачных детей. Константину Николаевичу, официально женатому на немецкой принцессе Александре Саксен-Альтенбургской, но сожительствующему с актрисой Анной Кузнецовой, приписывают фразу: «В Петербурге у меня казенная жена, а здесь — законная» [9, с. 307]. Его брат Николай, женатый на немецкой герцогине Александре Вильгельмине, также создал «вторую семью» с балериной Екатериной Числовой. Но все попытки братьев добиться разводов с официальными супругами и жениться на своих возлюбленных успеха не имели, так как правил развода монарших особ в законодательстве Российской империи не существовало.

Подлинную революцию в этом вопросе произвел император Александр II, долгое время сожительствующий с княжной Екатериной Долгорукой и имевший от нее детей. Через 40 дней после смерти своей жены, не дождавшись окончания траура, в 1880 г. он обвенчался с Долгорукой, получившей титул «светлейшей княгини Юрьевской» [10, с. 259–261].

Поступок императора создал опасный прецедент. В семье самого Александра II начался конфликт между его детьми от первого брака и новой женой. В итоге для спасения чести династии дети приняли совместное решение покориться воле отца, но это не снижало градуса общего напряжения, продолжавшегося вплоть до убийства царя в марте 1881 г. [11, с. 143].

ЭВОЛЮЦИЯ БРАЧНЫХ СОЮЗОВ В ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬЕ: ОТ ПОСЛАБЛЕНИЙ К ЗАПРЕТАМ

Нельзя не отметить, что во второй половине XIX в. после событий Крымской войны, отмены крепостного права и серии либеральных реформ в россий-

ском обществе наблюдалась отчетливая потребность в переменах социальной жизни. Прежние сословные границы стали казаться некоторым членам общества искусственными, они были готовы отказаться от них. Естественно, подобные желания еще в большей степени проявились среди младших членов императорской фамилии, которые в угоду личным интересам отказывались от требований матримониального законодательства.

Среди них герцоги Лейхтенбергские (дети не желавшей уехать из России дочери Николая I Марии). Все они были членами российской императорской фамилии, об этом позаботился Николай I, специальным указом даровавший своим внукам титулы князей Романовских с их наименованием Императорскими Высочествами [12, с. 192].

Брак своего сына Евгения Лейхтенбергского и правнучки М.И. Кутузова Дарьи Опочининой организовала сама Мария Николаевна, испросив на это разрешение брата-императора. Тот, по воспоминаниям современников, ответил сестре следующее: «Лейхтенберги не великие князья, поэтому упадок их рода не затрагивает интересов России» [13, с. 112]. Дарье Опочининой и ее потомкам был дан титул графини Богарне. После ее смерти в родах через некоторое время Евгений Лейхтенбергский женился на младшей сестре генерала М.Д. Скобелева Зинаиде, получившей тот же титул. Однако брак другого герцога Лейхтенбергского, Николая, не разрешали 14 лет. Но это было связано с тем, что избранницей его сердца стала женщина с сомнительной репутацией. Надежда Анненкова помимо связи с герцогом имела мужа и двух влиятельных любовников: престарелого князя А.М. Горчакова и поэта Ф.И. Тютчева. В итоге вместе с Николаем они уехали за границу, где смогли обвенчаться только в 1878 г. Еще через год император даровал Анненковой титул графини Богарне.

Такие же морганатические браки было позволено было заключать принцам Ольденбургским (потомкам дочери Павла I Екатерины, которые жили и воспитывались в России). Так, Константин Ольденбургский в 1882 г. женился на разведенной грузинской княгине Агриппине Дадияни, получившей титул графини Зарнекау. Его брат Николай Ольденбургский, пожертвовав военной карьерой, заключил брак с дочерью молдаванского генерала Марией Булацель.

Герцог Георг Мекленбург-Стрелицкий (сын племянницы Николая I Екатерины Михайловны) женился на фрейлине матери Наталье Вонлярской, получившей титул графини Карловой.

Особенностью таких неравнородных браков стало положение родившихся в них детей. Они могли пре-

тендовать на определенное денежное содержание, но никаких прав на престол не имели и членами императорской фамилии не считались. Титулы даровались им особыми распоряжениями императоров [14]. При этом еще более сложным было положение отпрысков членов императорской семьи, рожденных вне брака. Они не имели права не только на наследство и отчество отца, но и даже на дворянство [15, с. 342].

В ближайшем окружении императора число неравнородных браков росло. Так, в такой брак против воли родителей вступил сын Александра II великий князь Алексей. Избранницей его сердца стала дочь В.А. Жуковского и фрейлина его матери Александра. По мемуарам современников, этот брак, заключенный либо в 1868 г. в Женеве, либо в 1870 г. в Италии, был аннулирован императором Александром II. Александра Жуковская была отправлена за границу, где родила сына, позже при содействии российских императора и императрицы ее выдали замуж за одного из баронов. самого великого князя Алексея родители отправили на два года в кругосветное путешествие, взяв с него обещание с Жуковской встреч не искать [16, с. 53]. Обстоятельства произошедшего нашли свое отражение в личном дневнике великого князя. Случившееся нравственно сломило его. Он больше никогда не создавал семьи, отличался необузданным поведением, которое часто выходило за рамки социальных норм [17].

Заметим, что часть великих князей, понимая, что не могут жениться по своему желанию, вовсе отказывались от брака. Так, помимо Алексея Александровича, поступили Дмитрий Константинович, Сергей Михайлович, Николай Михайлович и Николай Николаевич (последний женился в позднем возрасте на бывшей жене своего брата).

По всей видимости, большая императорская семья нуждалась в отдельном законодательном акте, позволяющем свободно заключать неравнородные браки, разрешая вступившим в них членам фамилии переходить в дворянское сословие с отказом от великокняжеского содержания, но с сохранением минимальных имущественных прав. Такое решение бы удовлетворило многих и не увеличивало конфликты внутри рода.

Однако произошло не послабление, а ужесточение в данной сфере. Александр III в 1889 г. принял решение выделить отдельным примечанием статью 188 «Основных законов империи», согласно которой членам Императорского Дома неравнородный брак запрещался и не считался законным даже при условии церковного венчания [18, с. 113]. Также Александр III запретил вступившим в такие союзы родственникам проживать в России.

Но даже это не смогло повлиять на поведение членов императорской фамилии. В 1891 г. двоюродный брат царя — великий князь Михаил Михайлович женился на старшей дочери принца Николая Нассауского Софии, доводившейся внучкой А.С. Пушкину со стороны матери, графини Натальи. Михаил Михайлович был показательно лишен титулов и содержания.

НЕРАВНЫЕ БРАКИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ

В XIX в. Романовы вступали в мезальянсы с представителями аристократических родов, однако уже в начале XX в. избранницами членов императорского дома стали девушки из простой среды.

Безусловно, всех поразил своими многочисленными неравнородными браками великий князь Николай Константинович, венчавшийся 3 раза. Его первая жена, дочь оренбургского полицмейстера Надежда Дрейер, родила ему двух сыновей (через 21 год после венчания она получила от императора титул княгини Искандер). Второй его женой (при живой первой) стала 16-летняя казачка Дарья Часовитина, родившая князю двух сыновей. Третьей женой, венчание с которой произошло в 1901 г., стала юная дочь статского советника Валерия Хмельницкая. Однако, узнав о существовании двух других жен, Хмельницкая смогла с помощью родителей аннулировать брак и покинуть дом бывшего супруга.

В 1911 г. в виду резкого роста неравнородных союзов, заключаемых членами императорской фамилии за рубежом, император Николай II смягчил законодательство, позволив вступать в мorganатические браки правнукам и правнучкам императоров, именовавшихся князьями и княжнами императорской крови. При этом дети, родившиеся в таких союзах, статуса члена императорского дома не имели. Этим правом воспользовались княжна императорской крови Татьяна Романова, выйдя замуж в 1911 г. за князя К.А. Багратион-Мухранского, и княжна императорской крови, племянница Николая II Ирина, ставшая в 1914 г. женой князя Ф.Ф. Юсупова [19, с. 72].

Однако число неравнородных браков, совершаемых против воли царя, росло. В такие союзы вступили: родной дядя Николая II Павел Александрович, женившийся в 1902 г. за границей на разведенной Ольге Пистолькорс, родной брат Николая II Михаил, обвенчавшийся в 1912 г. в Вене с разведенной Натальей Вульферт, кузен императора великий князь Кирилл Владимирович, обвенчавшийся в 1905 г. вопреки законам Английской и Российской империи на своей кузине, разведенной принцессе Виктории. Таким образом, неравнородные браки заключались

ближайшими родственниками царя вопреки его воле, о чем Николай с горечью писал матери [20, с. 342].

Подобное поведение Романовых, стремящихся к удовлетворению собственных потребностей, не готовых исполнять свой долг, подрывало и без того шаткие основы государственного идеологического устройства. И это происходило в условиях нарастания революционной напряженности.

В период Первой мировой войны наблюдается тенденция к принятию неравнородных союзов великих князей и княжон, находящихся в ближайшем окружении императора. Так, Николай II признал брак младшего брата Михаила, его супруга получила титул графини Брасовой. Были признаны браки Павла Александровича (его жена и дети стали князьями Палей) и Кирилла Владимировича. В 1916 г. царь разрешил родной сестре Ольге развестись с мужем и вступить в повторный неравнородный брак с офицером Н.А. Куликовским. Ольга добивалась от брата этого решения долгих 15 лет [21, с. 268].

Вероятно, подобные послабления были вызваны суровыми обстоятельствами военных лет, но, скорее всего, они исходили из того, что в этот период членами императорского дома являлось 65 человек. Царю в тот момент стало понятно, что такое количество людей в рамках заданных правил уже не удержать [22, с. 12]. Кроме того, определенная часть родственников императора были недовольны его правлением и, зная о тяжелом заболевании царевича Алексея, стремились предложить другие кандидатуры на роль государя. Именно это привело во время февральской революции часть Романовых на сторону восставших (как это сделал, например, Кирилл Владимирович, обиженный тем, что император долго не признавал его самовольный брак, он еще до отречения Николая явился к зданию Временного правительства с красным бантом на груди). На этот факт предательства в ближайшем окружении царя обратил внимание один из деятелей февральской революции М.В. Родзянко, отмечавший, что «прибытие члена Императорского дома с красным бантом на груди во главе вверенной его командованию части войск знаменовало собой явное нарушение присяги Государю Императору и означало полное разложение идеи существующего государственного строя не только в умах общества, но даже среди членов Царствующего Дома» [20, с. 359].

Таким образом, среди членов правящей династии возникали не только внутренние противоречия, но и все более заметное стремление к частной жизни, а не служению своей стране. Денежное содержание и имущество Романовых позволяли это. Отсюда их стремление к заключению браков по желанию чувств.

Все чаще члены императорской фамилии отказываются от привычной военной службы и службы в сфере государственного управления, предпочитая им занятия наукой, искусством, предпринимательством. Не стоит забывать, что в тот момент на смену сословному принципу государственного устройства постепенно начинает приходить классовый, основанный на имущественном факторе. Власть в стране стремились получить представители буржуазии.

Кроме того, члены императорской фамилии из-за многолетних брачных союзов с представителями европейских королевских домов утратили связи с российской аристократией и стали рассматриваться дворянами как одна из ветвей немецкого голштинского рода, чуждая национальному русскому духу [23, с. 155]. Недаром в период Первой мировой войны в российских оппозиционных СМИ постоянно муссировалась тема родственных связей Николая II, его жены и кайзера Вильгельма. То есть в условиях военных действий ослабла связь между монаршими домами, это привело к фактическому провалу идеи «братства всех европейских монархов», выбравших каждый свою сторону в этом военном противостоянии. А поддержкой российской дворянской элиты Романовы начала XX в. в достаточной мере не запаслись.

Февральская революция 1917 г. вызвала у представителей императорского дома противоречивые настроения. Большинство глубоко переживали происходящие события, понимая, что быломu величию их рода может прийти скорый конец, но находились и те, кто приветствовал перемены, считая, что существовавший порядок вещей был несправедлив.

А вот многие молодые члены династии решили, что именно сейчас они могут осуществить задуманное: сочетаться браком с теми, кого давно уже выбрали. Поэтому в течение 1917–1918 гг. состоялось несколько свадеб членов бывшей династии, которые заключались буквально «на обломках империи». Это венчание князя императорский крови Гаврила с балериной А. Нестеровской, герцога Александра Лейхтенбергского с Н. Шлейфер, брак великой княгини Марии с князем С. Путятиным, свадьба княжны императорской крови Надежды с князем Н. Орловым, свадьба князя императорской крови Андрея с Э. Фридеричи.

ВЫВОДЫ

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Династическая политика как инструмент влияния: брачные союзы с представительницами европейских королевских дворов, начавшиеся со времен Петра I, стали важным элементом национальной политики России. Этот подход, заменивший традицию выбора супруг из числа подданных, позволил российскому государству: создать систему международных альянсов, укрепить позиции на европейской арене, обеспечить дипломатическую поддержку, повысить престиж российской монархии.

Законодательное оформление неравнородных браков: формирование института морганатических союзов в начале XIX в. отразило влияние немецкого права на российское законодательство. Особенности таких браков: рассматривались как социальная девиация; ограничивали права детей на титулы и имущество; были вынужденной мерой; требовали особого правового регулирования.

Кризис императорской семьи: рост числа неравнородных браков в конце XIX — начале XX в. свидетельствовал о глубоком внутреннем кризисе династии Романовых, проявлявшемся в отказе от выполнения государственного долга, игнорировании традиционных обязанностей, стремлении к частной жизни вместо государственной службы, разрыве связей с российской аристократией, отходом от военной и государственной службы в пользу личных интересов.

Последствия для монархии: нарастание конфликтов внутри императорского дома привело к серьезным последствиям: ослаблению авторитета династии среди населения, утрате поддержки со стороны дворянства, росту оппозиционных настроений, ослаблению идеологических основ самодержавия, созданию благоприятных условий для революционных преобразований.

Системный кризис власти: ситуация усугублялась тем, что члены императорской семьи утратили связь с национальной культурой, возник конфликт между европейскими и русскими традициями, обострилась проблема легитимности власти, усилилось общественное недовольство, ослабли традиционные устои монархии.

Таким образом, трансформация брачной политики императорского дома стала одним из важных факторов, способствовавших крушению российской монархии, отразив глубокие социальные, политические и культурные противоречия российского общества начала XX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соколов А. С. Браки династии Романовых как проблема антропологического антагонизма (XIX — начало XX в.). *Россия XXI*. 2021; (3): 24–35. URL: https://www.academia.edu/72317391/Соколов_А_С_Браки_династии_Романовых_как_проблема_антропологического_антагонизма_XIX_начало_XX_в_Россия_XXI_2021_3_С_24_35

2. Морохин А. «Аншальт учинить». Несчастливая супруга царевича Алексея. *Родина*. 2007;(11):103–108. URL: <https://www.elibrary.ru/hgqkqk>
3. Пчелов Е.В. Петр Великий и династическая политика Романовых в XVIII — XX веках. Петр Великий — реформатор России. Материалы и исследования, Т. XIII. Москва: ГИКМЗ «Московский Кремль»; 2001:40–54. URL: <https://www.elibrary.ru/yqlhht>
4. Лонгинов М.Н. Заметки о княжне Таракановой. *Русский архив*. 1865;(1):94. URL: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookCard.aspx?Id=3344946&ysclid=mfmb0fitu8527569664>
5. Письма Екатерины II Г.А. Потемкину. *Вопросы истории*. 1989;(6):107–123. URL: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookInfo.aspx?Id=3753725&ysclid=mfmb2kbip948846036>
6. Барташев Д.С. Проблема равнородности и морганатические браки в Российской императорской фамилии. *Клио*. 2021;(2):62–71. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_02_62
7. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I. Горенберг М.Б., ред. Санкт-Петербург: Типография М. Стасюлевича; 1909. URL: <https://archive.org/details/russkoegosudars01korkgoog>
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Санкт-Петербург: Тип-я II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1830. Т. 37. 986 с. URL: <https://web.archive.org/web/20111112193618/http://runivers.ru/lib/book3130/>
9. Манько А.В. Брачные союзы Дома Романовых. Москва, Вече; 2010. 384 с. URL: https://archive.org/details/20210707_20210707_0121
10. Сафронова Ю.А. Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. Санкт-Петербург: Европейский университет; 2017. 404 с.
11. Сафронова Ю. Восемь месяцев морганатического брака. *Родина*. 2014;(4):140–143. URL: <https://www.elibrary.ru/scbukd>
12. Гребельский П., Мирвис А. Дом Романовых и Россия. Лос-Анжелес: Ковчег; 2001. 283 с.
13. Сташков Г. Августейший бунт: Дом Романовых накануне революции. СПб.: БХВ-Петербург; 2013. 319 с.
14. Свод Законов Российской империи. Т. 1. Часть 1. Свод Основных Государственных Законов. Санкт-Петербург; 1906. Ст. 36.
15. Ferrand J. Descendances naturelles des souverains et Grand-Ducs de Russie de 1762 a 1910. Paris; 1995. P. 342; 364; 383.
16. Грицай Л.А. «Сердцу не прикажешь». Морганатические браки династии Романовых. Екатеринбург: Издательские решения; 2024. 158 с.
17. Дневник великого князя Алексея Александровича. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 890. Ед. хр. 83.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Санкт-Петербург: Государственная типография; 1891. Т. 9. 1490 с. URL: <https://archive.org/details/rossijazakonyipostanovlenijapolnoesobr4297>
19. Думин С.В. Неравные браки в Российском Императорском Доме и совещание великих князей 1911 года. *Былые годы*. 2013;30(4):62–78. URL: <https://www.elibrary.ru/rtxjdd>
20. Пчелов Е.В. Романовы: история и генеалогия. Москва: Академический проект; 2017. 442 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009385845?ysclid=mfmbzjtyht660924075>
21. Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. Москва: Вече; 2008. 336 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/02000016515?ysclid=mfm35y1id291973472>
22. Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия (1797–1917). II 2-е изд. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2011. 440 с. URL: <https://djvu.online/file/9kt4IQkdIXsml?ysclid=mfm35y1id291973472>
23. Панкрашин С.А. Морганатический брак в доме Романовых в XIX — начале XX вв.: от возникновения до кризиса. *Клио*. 2024;(3):149–156. DOI: 10.24412/2070-9773-2024-3-149-156

REFERENCES

1. Sokolov A.S. Marriages of the Romanov dynasty as a problem of anthropological antagonism (XIX — early XX century). *Russia XXI*. 2021;(3):24–35. URL: [https://www.academia.edu/72317391/Соколов_А_С_Браки_династии_The_Romanovs_as_a_problem_of_Anthropological_Antagonism_in_the_nineteenth_century_Russia_XXI_2021_3_C_24_35_\(In_Russ.\)](https://www.academia.edu/72317391/Соколов_А_С_Браки_династии_The_Romanovs_as_a_problem_of_Anthropological_Antagonism_in_the_nineteenth_century_Russia_XXI_2021_3_C_24_35_(In_Russ.))
2. Morokhin A. “To cause an Anschalt”. The unfortunate wife of Tsarevich Alexei. *Homeland*. 2007;(11):103–108. URL: <https://www.elibrary.ru/hgqkqk> (In Russ.).
3. Pchelov E.V. Peter the Great and the dynastic policy of the Romanovs in the XVIII — XX centuries. Peter the Great is a reformer of Russia. Materials and Research, vol. XIII. Moscow: GIKMZ “Moscow Kremlin”; 2001:40–54. URL: <https://www.elibrary.ru/yqlhht> (In Russ.).
4. Longinov M.N. Notes on Princess Tarakanova. *Russian Archive*. 1865;(1):94. URL: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookCard.aspx?Id=3344946&ysclid=mfmb0fitu8527569664> (In Russ.).

5. Letters of Catherine II to G.A. Potemkin. Questions of history. 1989;(6):107–123. URL: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookInfo.aspx?Id=3753725&ysclid=mfm2kbp948846036> (In Russ.).
6. Bartashev D.S. The problem of equality and morganatic marriages in the Russian Imperial family. *Clio*. 2021;(2):62–71. (In Russ.). DOI: 10.51676/2070–9773_2021_02_62
7. Korkunov N.M. Russian State Law, T.I. Gorenberg M.B., ed. St. Petersburg: Printing House of M. Stasyulevich; 1909. URL: <https://archive.org/details/russkoegosudars01korkgoog> (In Russ.).
8. The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. St. Petersburg: Type-I of the II department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. Vol. 37. 986 p. URL: <https://web.archive.org/web/20111112193618/http://runivers.ru/lib/book3130/> (In Russ.).
9. Manko A.V. Marriage unions of the House of Romanov. Moscow, Veche; 2010. 384 p. URL: https://archive.org/details/20210707_20210707_0121 (In Russ.).
10. Safronova Yu.A. Ekaterina Yuryevskaya. A novel in letters. Saint Petersburg: European University; 2017. 404 p. (In Russ.).
11. Safronova Yu. Eight months of morganatic marriage. *Homeland*. 2014;(4):140–143. URL: <https://www.elibrary.ru/scbukd> (In Russ.).
12. Grebelsky P., Mirvis A. The House of Romanov and Russia. Los Angeles: Ark; 2001. 283 p. (In Russ.).
13. Stashkov G. The August revolt: The House of Romanov on the eve of the revolution. St. Petersburg: BHV-Petersburg; 2013. 319 p. (In Russ.).
14. The Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 1. Part 1. A Set Of Basic State Laws. Saint Petersburg; 1906. Art. 36. (In Russ.).
15. Ferrand J. Descendances naturelles des souverains et Grand-Ducs de Russie de 1762 a 1910. Paris; 1995. P. 342; 364; 383
16. Gritsai L.A. “You can’t order your heart.” Morganatic marriages of the Romanov dynasty. Yekaterinburg: Publishing Solutions; 2024. 158 p. (In Russ.).
17. Diary of Grand Duke Alexei Alexandrovich. Department of Manuscripts of the Russian National Library. F. 890. Ed. hr. 83. (In Russ.).
18. The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. Saint Petersburg: State Printing House; 1891. Vol. 9. 1490 p. URL: <https://archive.org/details/rossijazakonyipostanovlenijapolnoesobr4297> (In Russ.).
19. Dumin S.V. Unequal marriages in the Russian Imperial House and the 1911 meeting of the Grand Dukes. The old days. 2013;30(4):62–78. URL: <https://www.elibrary.ru/rtsxjdd> (In Russ.).
20. Pchelov E.V. The Romanovs: History and genealogy. Moscow: Academic Project; 2017. 442 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009385845?ysclid=mfm2kbp948846036> (In Russ.).
21. Grand Duke Alexander Mikhailovich: A Book of memoirs. Moscow: Veche; 2008. 336 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/02000016515?ysclid=mfm2kbp948846036> (In Russ.).
22. Kuzmin Yu.A. The Russian Imperial Family (1797–1917). II 2nd ed. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin; 2011. 440 p. URL: <https://djuv.online/file/9kt4IQkdIXsmL?ysclid=mfm2kbp948846036> (In Russ.).
23. Pankrashin S.A. Morganatic marriage in the Romanov household in the 19th — early 20th centuries: From emergence to crisis. *Clio*. 2024;(3):149–156. (In Russ.). DOI: 10.24412/2070-9773-2024-3-149-156

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Людмила Александровна Грицай — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории педагогики, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Российская Федерация

Lyudmila A. Gritsai — Cand. Sci. (Pedagogical), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Theory and History of Pedagogy, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-3156-4074>
usan82@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.08.2025; принята к публикации 17.09.2025.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received 24.08.2025; accepted for publication 17.09.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.